UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00322868 1

HANDBOUND
AT THE
UNIVERSITY OF
TORONTO PRESS

5385 I

PG
3453
B7
O3
1908a
ch. 1

LIBRARY
OCT 28 1965
UNIVERSITY OF TORONTO

1017730

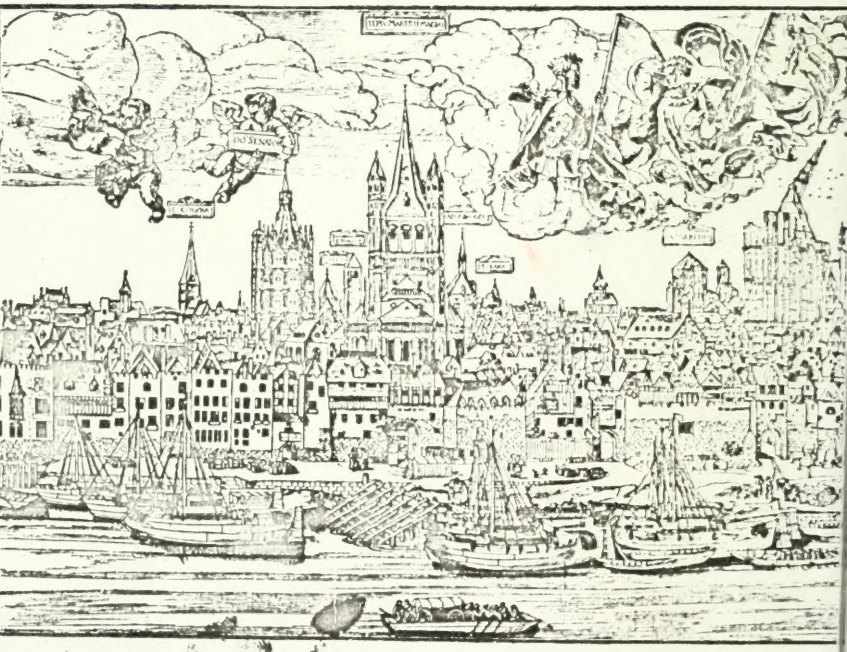
ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ

ОГНЕННЫЙ АНГЕ

ПОВѢСТЬ XVI ВѢКА, ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 1-2

МОСКВА. КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СКОРПІОНЪ». MCM



ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ

ОГНЕННЫЙ АНГЕЛЪ

ПОВѢСТЬ XVI ВѢКА

МОСКВА
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СКОРПІОНЪ»
1908

ОГНЕННЫЙ АНГЕЛЪ

ИЛИ ПРАВДИВАЯ ПОВѢСТЬ, ВЪ КОТОРОЙ РАЗСКАЗЫВАЕТСЯ О ДЬЯВОЛѢ, НЕ РАЗЪ ЯВЛЯВШЕМСЯ ВЪ ОБРАЗѢ СВѢТЛАГО ДУХА ОДНОЙ ДѢВУШКѢ И СОБЛАЗНИВШЕМЪ ЕЕ НА РАЗНЫЕ ГРѢХОВНЫЕ ПОСТУПКИ, О БОГОПРОТИВНЫХЪ ЗАНЯТІЯХЪ МАГІЕЙ, АЛХИМІЕЙ, АСТРОЛОГІЕЙ, КАББАЛИСТИКОЙ И НЕКРОМАНТІЕЙ, О СУДѢ НАДЪ ОНОЙ ДѢВУШКОЙ ПОДЪ ПРЕДСѢДАТЕЛЬСТВОМЪ ЕГО ПРЕПОДОБІЯ АРХІЕПИСКОПА ТРИРСКАГО, А ТАКЖЕ О ВСТРѢЧАХЪ И БЕСѢДАХЪ СЪ РЫЦАРЕМЪ И ТРИЖДЫ ДОКТОРОМЪ АГРИППОЮ ИЗЪ НЕТТЕСГЕЙМА И ДОКТОРОМЪ ФАУСТОМЪ, НАПИСАННАЯ ОЧЕВИДЦЕМЪ.

NON ILLVSTRIVM QVIQVAM VIRORVM
ARTIVM LAVDE DOCTRINAEVE FAMA CLARORVM
AT TIBI
DOMINA LVCIDA DEMENS INFELIX
QVAE MVLTVM AMAVERAS
AMANDOQVE PERIERAS
NARRATIONEM HAVD MENDACEM
SERVVS DEVOTVS
AMATOR FIDELIS
SEMPITERNAE MEMORIAE CAVSA
DEDICAVI
SCRIPTOR

456532

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

СБОРНИКИ СТИХОВЪ.

Chefs d'Œuvre. (1894—1896 г.)	Распродано.
Me eum esse. (1896—1897 г.)	Распродано.
Tertia Vigilia (1898—1900 г.)	Распродано.
Urbi et Orbi. (1900—1903 г.)	Распродано.
Stephanos. (1903—1905 г.)	Ц. 2 р.
Пути и перепутья. Томъ I (1892—1901 г.)	Ц. 2 р.
Пути и перепутья. Томъ II (1902—1905 г.)	Печатается.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА.

Земная Ось. Разсказы. (1901—1906 г.)	Ц. 1 р. 50 к.
Огненный Ангелъ. Повѣсть XVI в. Часть I.	Ц. 2 р.
Огненный Ангелъ. Повѣсть XVI в. Часть II.	Печатается.

ПЕРЕВОДЫ.

Поль Верленъ. Романсы безъ словъ.	Распродано.
Эмиль Верхарнъ. Стихи о современности	Ц. 1 р. 30 к.
М. Метерлинкъ. Пеллеасъ и Мелизанда и стихи	Ц. 1 р.
Поль Верленъ. Собраніе стиховъ.	Печатается.
Г. д'Аннунціо. Франческа да Римини. (Въ сотрудничествѣ съ Вяч. Ивановымъ).	Печатается.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И СТАТЬИ.

О искусствѣ. Статьи.	Распродано.
Письма Пушкина и къ Пушкину	Ц. 1 р. 50 к.
Лицейскіе стихи Пушкина.	Ц. 1 р.
Вѣхи. Статьи. (1900—1908 г.)	Готовится.

ТИПОГРАФІЯ С.-ВК. ПАСИР. ПОЛЕЗН. КНИГЪ, АРЕНД. В. И. ВОРОНОВЫМЪ, МОХОВАЯ, Д. КН. ГАГАРИНА.

ЧАСТЬ I.

Rubel 3.50

СОДЕРЖАНІЕ I ЧАСТИ.

Предисловіе русскаго издателя . . . . . Стр. IX
Посвященіе 3
Заглавіе рукописи 5
Amico lectori, предисловіе автора, гдѣ разсказывается его жизнь до возвращенія въ нѣмецкія земли. 7
Глава I. Какъ я въ первый разъ встрѣтился съ Ренатой и какъ она разсказала мнѣ всю свою жизнь. 17
Глава II. Что предсказала намъ деревенская ворожея и какъ провели мы ночь въ Дюссельдорфѣ 33
Глава III. Какъ мы поселились въ городѣ Кельнѣ и какъ были обмануты таинственными стуками 47
Глава IV. Какъ мы жили въ городѣ Кельнѣ и что я видѣлъ на шабашѣ. 67
Глава V. Какъ мы изучали магію 91
Глава VI. О моей поѣздкѣ въ Боннъ къ Агриппѣ Неттесгеймскому. 117
Глава VII. Какъ я встрѣтился съ графомъ Генрихомъ. 147
Глава VIII. О моемъ поединкѣ съ графомъ Генрихомъ. 165
Глава IX. Какъ мы прожили декабрь и праздникъ Рождества Христова. 179
Глава X. Какъ Рената меня покинула 193

Виньетки I. Заттлера.

ПРЕДИСЛОВІЕ

РУССКАГО ИЗДАТЕЛЯ

ПРЕДИСЛОВІЕ РУССКАГО ИЗДАТЕЛЯ.

Предлагаемая читателямъ повѣсть XVI вѣка дошла до насъ въ единственной рукописи, находящейся нынѣ въ частныхъ рукахъ. Ея владѣлецъ, — благодаря любезности котораго мы имѣемъ возможность обнародовать русскій переводъ ранѣе появленія въ печати подлинника,—намѣренъ предпослать нѣмецкому изданію обстоятельное критическое вступленіе. Отсылая любопытныхъ къ его работѣ, гдѣ дано будетъ всестороннее описаніе рукописи и подробно разсмотрѣны вопросы о ея подлинности, времени написанія, историческомъ значеніи и т. под.,—мы ограничимся здѣсь по этому поводу лишь нѣсколькими словами.

Рукопись представляетъ собою тетрадь in 4° въ 208 страницъ синеватой бумаги, изъ которыхъ 4 послѣднихъ — безъ текста, переплетенную въ пергаментъ, съ застежками. Писана она готическимъ шрифтомъ, на томъ «обще-нѣмецкомъ» языкѣ, не чуждомъ, однако, діалектическихъ особенностей, на которомъ печатались книги въ Германіи въ самомъ концѣ XV и началѣ XVI вѣка; только посвященіе составлено по-латыни. Рукопись ни въ какомъ случаѣ не автографъ руки автора, который самъ говоритъ, что писалъ свою исповѣдь въ концѣ 1535 года, но — списокъ, сдѣланный значительно позднѣе, повидимому, уже въ самомъ концѣ XVI вѣка, неизвѣстнымъ намъ лицомъ, какъ можно догадываться, — католикомъ. Сохранность рукописи почти не оставляетъ желать ничего лучшаго, такъ какъ всѣ строки могутъ быть прочитаны, а немногія попорченныя мѣста легко возстанавливаются по контексту.

Добросовѣстность автора, его строгое намѣреніе безпристрастно и вѣрно описать то, что онъ пережилъ,—могутъ быть по-

ставлены внѣ сомнѣнія. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ колдовство и вѣдовство были не столько народными суевѣріями, сколько опредѣленными доктринами, развиваемыми въ книгахъ самыхъ выдающихся естествоиспытателей и юристовъ. Неопредѣленныя колдованія и гаданія Среднихъ Вѣковъ выросли въ эпоху Возрожденія и Реформаціи въ стройно - разработанную дисциплину наукъ, которыхъ ученые насчитывали свыше двадцати (см., напр., сочиненіе Агриппы: «De speciepus magiae»). Лучшіе умы тѣхъ вѣковъ не только вѣрили въ сношенія съ дьяволомъ, но и посвящали этому вопросу отдѣльныя работы. Такъ, Жанъ Бодэнъ, знаменитый авторъ «De republica», котораго Бокль признавалъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ историковъ, написалъ обширное сочиненіе, доказывающее существованіе вѣдьмъ; Амбруазъ Паре, преобразователь хирургіи, описалъ природу демоновъ и виды одержанія; Кеплеръ защищалъ свою мать отъ обвиненія въ вѣдовствѣ, не возражая противъ самаго обвиненія, и т. д. Папы издавали спеціальныя буллы противъ вѣдьмъ, и во главѣ извѣстнаго «Malleus maleficarum» стоитъ текстъ: «Haeresis est maxima opera maleficarum non credere», т.-е.: «Не вѣрить въ дѣянія вѣдьмъ—высшая ересь». Число этихъ не вѣрящихъ было очень невелико и среди нихъ на видное мѣсто должно поставить упоминаемаго въ нашей «Повѣсти» Іоганна Вейера (или, по другой транскрипціи его имени, Жана Вира), который первый призналъ въ вѣдовствѣ особую болѣзнь.

При передачѣ «Повѣсти» на русскій языкъ мы имѣли въ виду, что ея авторъ удѣлялъ значительное вниманіе художественности разсказа. Поэтому мы не считали нужнымъ воспроизводить мелкія особенности въ стилѣ подлинника, и нашъ переводъ долженъ быть названъ свободнымъ. Въ концѣ «Повѣсти» будутъ приложены необходимѣйшія объясненія переводчика.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

AMICO LECTORI

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА, ГДѢ РАЗСКАЗЫВАЕТСЯ ЕГО ЖИЗНЬ ДО ВОЗВРАЩЕНІЯ ВЪ НѢМЕЦКІЯ ЗЕМЛИ.

Мнѣ думается, что каждый, кому довелось быть свидѣтелемъ событій необычныхъ и малопонятныхъ, долженъ оставлять ихъ описаніе, сдѣланное искренно и безпристрастно. Но не одно только желаніе содѣйствовать такому сложному дѣлу, какъ изученіе загадочной власти Дьявола и области ему доступной, побуждаетъ меня предпринять это, лишенное прикрасъ, повѣствованіе о всемъ удивительномъ, что пережилъ я за послѣдніе двѣнадцать мѣсяцевъ. Меня привлекаетъ также возможность — открыть, на этихъ страницахъ, свое сердце, словно въ нѣмой исповѣди, предъ невѣдомымъ мнѣ слухомъ, такъ какъ больше не къ кому мнѣ обратить свои печальныя признанія, и трудно молчать человѣку, испытавшему слишкомъ много. Для того же, чтобы было видно тебѣ, благосклонный читатель, насколько можешь ты довѣрять безхитростному разсказу и насколько способенъ я былъ разумно оцѣнивать все, что наблюдалъ, хочу я въ короткихъ словахъ передать и всю мою судьбу.

Прежде всего скажу, что я не былъ юношей, неопытнымъ и склоннымъ къ преувеличеніямъ, когда повстрѣчался съ темнымъ и съ тайнымъ въ природѣ, такъ какъ переступилъ уже черезъ грань, раздѣляющую нашу жизнь на двѣ части. Родился я въ Трирскомъ курфюршествѣ въ концѣ 1504 года отъ Воплощенія Слова, февраля 5, въ день Святой Агаты, что̀ было въ середу,—въ небольшомъ селеніи, въ долинѣ Гохвальда, въ Лозгеймѣ. Дѣдъ мой былъ тамъ цирульникомъ и хирургомъ, а отецъ, получивъ на то привилегію отъ нашего курфюрста, практиковалъ какъ медикъ. Мѣстные жители всегда высоко цѣнили его искус-

ство, и, вѣроятно, по сей день прибѣгаютъ къ его внимательной помощи, заболѣвъ. Въ семьѣ насъ было четверо дѣтей: два сына, считая со мной, и двѣ дочери. Старшій изъ насъ, братъ Арнимъ, успѣшно изучивъ ремесло отца, дома и въ школахъ, былъ принятъ въ корпорацію Трирскими медиками, а обѣ сестры удачно вышли замужъ и поселились — Марія въ Мерцигѣ, а Луиза въ Базелѣ. Я, получившій при святомъ крещеніи имя Рупрехта, былъ въ семьѣ самымъ младшимъ и оставался еще ребенкомъ, когда братъ и сестры стали уже самостоятельными.

Объ образованіи своемъ придется мнѣ говорить довольно подробно, потому что, будучи лишенъ школьной выучки, не почитаю я себя ничѣмъ ниже нѣкоторыхъ, гордящихся двойнымъ и тройнымъ докторатомъ. Отецъ мой мечталъ, что я буду его преемникомъ и что мнѣ передастъ онъ, какъ богатое наслѣдство, и свое дѣло и свой почетъ. Едва обучивъ меня грамотѣ, счету на абакѣ и начаткамъ латыни, онъ сталъ посвящать меня въ тайны составленія лѣкарствъ, въ афоризмы Гиппократа и въ книгу Іоанникія Сирійскаго. Но мнѣ съ самаго дѣтства были ненавистны занятія усидчивыя, требующія одного вниманія и терпѣнія. Только настойчивость отца, который со старческимъ упрямствомъ не отступалъ отъ своего намѣренія, и постоянныя увѣщанія матери, женщины доброй и робкой, принудили меня сдѣлать нѣкоторые успѣхи въ изучаемомъ предметѣ.

Для продолженія моего образованія отецъ, когда мнѣ было четырнадцать лѣтъ, послалъ меня въ городъ Кельнъ, на Рейнѣ, къ своему старому другу Отфриду Герарду, думая, что мое прилежаніе возрастетъ отъ соревнованія съ товарищами. Однако, университетъ этого города, откуда доминиканцы только-что вели свою постыдную борьбу съ Іоганномъ Рейхлиномъ, не могъ оживить во мнѣ особое рвеніе къ наукѣ. Въ то время тамъ, хотя и начинались нѣкоторыя преобразованія, но среди доцентовъ почти вовсе не было послѣдователей новыхъ идей нашего времени, и факультетъ теологіи все еще высился среди другихъ, какъ башня надъ кровлями. Мнѣ предлагали учить наизусть гекзаметры изъ «Doctrinale» Александра и вникать въ мертвую «Ars dictandi» Боэція. И если за годы моего пребыванія въ уни-

верситетѣ, я научился чему-либо, то, конечно, не изъ школьныхъ лекцій, а только на урокахъ оборванныхъ, странствующихъ преподавателей, которые появлялись порой и на улицахъ Кельна.

Не долженъ я (то было бы несправедливо) назвать себя лишеннымъ способностей. Правда, меня часто влекло отъ рабочаго стола и переплетовъ изъ ослиной кожи — въ горы и въ лѣсъ, къ шелесту зелени и къ широтѣ далей, все же, обладая хорошей памятью и быстрой сообразительностью, я сумѣлъ позднѣе собрать достаточное количество свѣдѣній и просвѣтить свой умъ лучами философіи. То, что мнѣ случилось узнать о работахъ Нюренбергскаго математика Бернгарда Вальтера, объ открытіяхъ и соображеніяхъ доктора Теофраста Парацельса, а тѣмъ болѣе объ увлекательныхъ воззрѣніяхъ живущаго во Фрауенбургѣ астронома Николая Коперника, позволяетъ думать, что благодѣтельное оживленіе, переродившее въ нашъ счастливый вѣкъ и свободныя искусства и философію, перейдетъ въ будущемъ и на науки. Но пока не могутъ онѣ не быть чужды каждому, сознающему себя, по своему духу, современникомъ великаго Эразма, путникомъ долины человѣчности, valli humanitatis. Я, по крайней мѣрѣ, и въ годы отрочества—безсознательно, и взрослымъ человѣкомъ—послѣ размышленій, всегда не высоко цѣнилъ знаніе, почерпнутое новыми поколѣніями изъ старыхъ книгъ и не провѣренное изслѣдованіемъ дѣйствительности. И вмѣстѣ съ пламеннымъ Джованни Пико Мирандолою, авторомъ божественной «Рѣчи о достоинствѣ человѣка», готовъ я послать проклятіе «школамъ, гдѣ люди занимаются пріискиваніемъ новыхъ словъ».

Чуждаясь въ Кельнѣ университетскихъ лекцій, я, однако, съ тѣмъ большей страстностью предался вольной жизни студентовъ. Послѣ строгости отчаго дома мнѣ очень по вкусу пришлись и удалое пьянство, и часы съ покладистыми подругами, и картежная игра, захватывающая духъ смѣнами случайностей. Я быстро освоился съ разгульнымъ времяпрепровожденіемъ, какъ и вообще съ шумной городской жизнью, преисполненной вѣчной суетни и торопливости, которая составляетъ отличительную особенность нашихъ дней и на которую съ недоумѣніемъ и не-

годованіемъ смотрятъ старики, вспоминая тихое время добраго императора Фридриха. Цѣлые дни проводилъ я съ товарищами въ проказахъ, не всегда невинныхъ, переходя изъ питейныхъ домовъ въ веселые, распѣвая студенческія пѣсни, вызывая на драку ремесленниковъ и не гнушаясь пить чистую водку, что тогда, пятнадцать лѣтъ назадъ, далеко не было такъ распространено, какъ теперь. Даже влажная темнота ночи и звонъ замыкаемыхъ уличныхъ цѣпей не всегда заставляли насъ итти на покой.

Въ такую жизнь былъ я погруженъ почти три зимы, пока не кончились для меня эти забавы несчастно. Неискушенное мое сердце разгорѣлось страстью къ нашей сосѣдкѣ, женѣ хлѣбопекаря, бойкой и красивой, — со щеками, какъ снѣгъ, посыпанный лепестками розъ, съ губами, какъ сицилійскіе кораллы, и зубами, какъ цейлонскіе перлы, если говорить языкомъ стихотворцевъ. Она не была неблагосклонна къ юношѣ, статному и острому на слово, но желала отъ меня тѣхъ маленькихъ подарковъ, на которые, какъ отмѣтилъ еще Овидій Назонъ, падки всѣ женщины. Денегъ, посылаемыхъ мнѣ отцомъ, не доставало, чтобы выполнять ея прихотливыя причуды, и вотъ, съ однимъ изъ самыхъ отчаянныхъ своихъ сверстниковъ, вовлекся я въ очень нехорошее дѣло, которое не осталось скрытымъ, такъ что мнѣ грозило заключеніе въ городскую тюрьму. Только благодаря усиленнымъ хлопотамъ Отфрида Герарда, пользовавшагося расположеніемъ вліятельнаго и очень замѣчательнаго по уму каноника, графа Германа фонъ Нейенара, былъ я освобожденъ отъ суда и отправленъ къ родителямъ для домашняго наказанія.

Тогда-то именно началось для меня то, не школьное, ученіе, которому обязанъ я своимъ правомъ называться человѣкомъ просвѣщеннымъ. Мнѣ было семнадцать лѣтъ. Не получивъ въ университетѣ даже степени баккалавра, поселился я дома въ жалкомъ положеніи тунеядца и запятнавшаго свою честь человѣка, отъ котораго всѣ отступились. Но въ уединенномъ нашемъ Лозгеймѣ нашелъ я вѣрнаго друга, полюбившаго меня кротко, успокоившаго мою ожесточенную душу и выведшаго меня на новую дорогу. То былъ сынъ нашего аптекаря, Фридрихъ, юноша, немного меня старше, болѣзненный и странный.

Отецъ его любилъ собирать и переплетать книги, особенно новыя, печатныя, и тратилъ на нихъ весь излишекъ своихъ доходовъ, хотя самъ читалъ рѣдко. Фридрихъ же предавался чтенію, какъ упоительной страсти, и не зналъ высшей радости, какъ повторять вслухъ любимыя страницы. И когда я не бродилъ съ самострѣломъ по кручамъ и склонамъ окрестныхъ горъ, шелъ я въ маленькую каморку своего друга, на самомъ верху дома, подъ черепицами, и мы часы за часами проводили среди толстыхъ томовъ древности и тоненькихъ книжекъ современныхъ писателей.

Такъ, помогая другъ другу, то вмѣстѣ восхищаясь, то упорно споря, читали мы, и въ зимніе прохладные дни, и въ лѣтнія звѣздныя ночи, все, что могли достать въ нашемъ захолустьи, обращая чердакъ аптеки въ академію. У тѣхъ древнихъ, о которыхъ не было рѣчи въ университетѣ ни на ординаріяхъ, ни на диспутахъ,— у Катулла, Марціала, Кальпурнія, нашли мы, навсегда непревосходимые, образцы красоты и вкуса, а въ твореніяхъ богоподобнаго Платона заглянули въ самыя глухія глубины человѣческой мудрости, не все понимая, но всѣмъ потрясенные. Въ сочиненіяхъ нашего вѣка, менѣе совершенныхъ, но болѣе намъ близкихъ, научились мы сознавать то, что уже раньше, не имѣя словъ, жило и роилось въ нашей душѣ. Мы увидѣли свои собственные, до тѣхъ поръ еще туманные, взгляды, — въ неистощимо-забавной «Похвалѣ Глупости», въ остроумной и благородной, что бы тамъ ни говорили, «Губкѣ», въ мощномъ и неумолимомъ «Торжествѣ Венеры», и въ тѣхъ «Письмахъ темныхъ людей», которыя мы шесть разъ перечли отъ начала до конца и которымъ сама древность можетъ противопоставить развѣ одного Лукіана.

Кругомъ гремѣли, между тѣмъ, великія событія, еще памятныя всѣмъ. То было время, о которомъ теперь говорятъ: кто въ 23 году не умеръ, въ 24 не утонулъ, а въ 25 не былъ убитъ,— долженъ благодарить Бога за чудо. Насъ, впрочемъ, занятыхъ бесѣдами съ благороднѣйшими умами, мало увлекали черныя бури современности. Мы никакъ не могли сочувствовать нападенію на Триръ рыцаря Франца фонъ Зикенгена, котораго нѣкоторые прославляли какъ друга лучшихъ людей, но который на дѣлѣ былъ че-

ловѣкъ стараго закала, изъ числа разбойниковъ, ставящихъ дешевой ставкой свою голову, чтобы ограбить проѣзжаго. Нашъ архіепископъ далъ отпоръ насильнику, показавъ, что времена Флоризеля Никейскаго стали дѣдовскими преданіями. Два слѣдующихъ года по всѣмъ нѣмецкимъ землямъ, словно въ сатанинской пляскѣ, проносились народные мятежи и буйства; мужики врывались въ селенія и замки, жгли, избивали, истязали. Мечтателю Фридриху сначала казалось, что этотъ огненный и кровавый ураганъ поможетъ установить въ нашей странѣ больше порядка и справедливости, но я не могъ ждать ничего отъ нѣмецкихъ крестьянъ, слишкомъ еще дикихъ и невѣжественныхъ. Все свершившееся оправдало меня и горькія слова одного изъ писателей: rustica gens optima flens pessima gaudens.

Бо́льшіе раздоры вызывали между нами первые слухи о Мартинѣ Лютерѣ, этомъ «непобѣдимомъ еретикѣ», имѣвшемъ уже тогда не мало сторонниковъ среди владѣтельныхъ князей. Увѣряли, будто девять десятыхъ Германіи восклицало въ тѣ дни «Да здравствуетъ Лютеръ», а позднѣе, въ Испаніи, говорили что у насъ религія мѣняется, какъ погода, и майскій жукъ летаетъ между тремя церквами. Но меня лично нисколько не занималъ споръ о благодати и пресуществленіи, и я никогда не понималъ, какъ Дезидерій Эразмъ, этотъ единственный геній, могъ интересоваться монашескими проповѣдями. Сознавая вмѣстѣ съ лучшими людьми современности, что вѣра заключается въ глубинѣ сердца, а не во внѣшнихъ проявленіяхъ, я по тому самому не чувствовалъ никогда затрудненія ни въ обществѣ добрыхъ католиковъ, ни среди изступленныхъ лютеріанцевъ. Напротивъ, Фридрихъ, котораго въ религіи на каждомъ шагу пугали какія-то мрачныя пропасти, находилъ лучезарное откровеніе въ книжкахъ Лютера, въ которыхъ мнѣ нравилась только нѣкоторая сила и цвѣтистость, хотя и необработаннаго, слога,—и наши споры переходили, порой, въ обидныя ссоры.

Въ началѣ 26 года, тотчасъ послѣ Святой Пасхи, пріѣхали къ намъ въ домъ сестра Луиза съ мужемъ. Жизнь при нихъ стала для меня совсѣмъ нестерпима, такъ какъ они безъ устали осыпали меня упреками за то, что, въ двадцать лѣтъ, остаюсь я яр-

момъ на плечахъ отца и жерновомъ на очахъ матери. Около того же времени рыцарь Георгъ фонъ Фрундсбергъ, славный побѣдитель французовъ, по порученію Императора, вербовалъ въ нашихъ краяхъ рекрутовъ. Тогда пришло мнѣ на умъ стать вольнымъ ландскнехтомъ, такъ какъ не видѣлъ я другого способа измѣнить свою жизнь, которая готова была застояться, какъ воды пруда. Фридрихъ, мечтавшій было, что я сдѣлаюсь виднымъ писателемъ, очень опечалился, но не нашелъ доводовъ разубѣдить меня. И я объявилъ отцу, рѣшительно и настойчиво, что выбираю военное ремесло, ибо мнѣ болѣе присталъ мечъ, чѣмъ ланцетъ. Отецъ, какъ я и ожидалъ, пришелъ въ гнѣвъ и запретилъ мнѣ и думать о военномъ дѣлѣ, сказавъ: «Всю жизнь я поправлялъ человѣческія тѣла и не хочу, чтобы мой сынъ уродовалъ ихъ». Своихъ денегъ, чтобы купить вооруженіе и одежду, не было ни у меня, ни у моего друга, и потому я рѣшилъ покинуть родной кровъ тайно. Ночью, помнится на 5 іюня, незамѣтно вышелъ я изъ дому, взявъ съ собой 25 рейнскихъ гульденовъ. Мнѣ очень запомнилось, какъ Фридрихъ, проводивъ меня до выхода въ поле, обнялъ меня, — можетъ быть, въ послѣдній разъ, — плача, у сѣрой ветлы, блѣдный, въ лунномъ озареніи, какъ мертвецъ.

Я же въ тотъ день не чувствовалъ на сердцѣ тяготы разлуки, такъ какъ сіяла передо мной, какъ глубь майскаго утра, новая, жизнь. Былъ я молодъ и силенъ, вербовщики приняли меня безъ спора, и я вступилъ въ итальянское войско Фрундсберга. Всѣ легко поймутъ, что потянувшіеся затѣмъ дни были не легки для меня, если только вспомнятъ, что такое наши ландскнехты: люди — буйные, грубые, неученые, щеголяющіе пестротой одежды да затѣйливостью рѣчи, ищущіе только, какъ бы напиться пьянѣе да поживиться получше добычей. Почти страшно было послѣ утонченныхъ, какъ игла, шутокъ Марціала или возвышенныхъ, какъ полетъ коршуна, соображеній Марсиліо Фичино, участвовать мнѣ въ безудержныхъ забавахъ новыхъ сотоварищей, и иногда казалась мнѣ моя жизнь сплошнымъ душащимъ сномъ. Но начальники мои не могли не замѣтить, что я отличаюсь отъ товарищей и знаніями и обхожденіемъ, а такъ какъ я притомъ

хорошо владѣлъ аркебузой и не гнушался никакимъ дѣломъ,— то меня всегда отличали и поручали мнѣ должности, болѣе мнѣ подходящія.

Ландскнехтомъ совершилъ я весь трудный походъ въ Италію, когда приходилось въ зимнюю стужу переходить черезъ снѣжныя горы, итти въ бродъ черезъ рѣки по горло въ водѣ и по цѣлымъ недѣлямъ стоять лагеремъ въ топкой грязи. Тогда же я участвовалъ во взятіи приступомъ, соединенными испанскими и нѣмецкими войсками, вѣчнаго города, 6 мая 27 года. Мнѣ довелось своими глазами видѣть, какъ озвѣрѣвшіе солдаты грабили церкви Рима, совершали насилія въ женскихъ монастыряхъ, ѣздили по улицамъ, надѣвъ митры, на папскихъ мулахъ, бросали въ Тибръ Святые Дары и мощи Святыхъ, устроили конклавъ и провозгласили папой Мартина Лютера. Послѣ того я около года провелъ въ разныхъ городахъ Италіи, ближе узнавъ жизнь страны, истинно просвѣщенной, остающейся блистающимъ образцомъ для другихъ. Это дало мнѣ возможность ознакомиться съ плѣнительными созданіями итальянскихъ художниковъ, столь опередившихъ нашихъ, кромѣ развѣ неподражаемаго Альбрехта Дюрера, — въ томъ числѣ и съ произведеніями послѣдняго времени: вѣчно оплакиваемаго Рафаэля д'Урбино, достойнаго его соперника Себастіано дель Піомбо, молодого, но всеобъемлющаго генія Бенвенуто Челлини, съ которымъ намъ пришлось столкнуться и какъ съ врагомъ, и нѣсколько пренебрегающаго красотою формъ, но все-же сильнаго и своебытнаго, Микель-Анджело Буонаротти.

Весною слѣдующаго года лейтенантъ испанскаго отряда, донъ Мигуэль де Гамесъ, приблизилъ меня къ себѣ, какъ медика, ибо я уже нѣсколько освоился съ испанскимъ языкомъ. Вмѣстѣ съ дономъ Мигуэлемъ пришлось мнѣ отправиться въ Испанію, куда онъ былъ посланъ съ тайными письмами къ нашему Императору, и эта поѣздка опредѣлила всю мою судьбу. Найдя дворъ въ городѣ Толедо, мы повстрѣчали тамъ и величайшаго изъ нашихъ современниковъ, героя, равнаго Аннибаламъ, Сципіонамъ и другимъ мужамъ древности,—Фердинанда Кортеца, маркиза дель Вальe-Оахаки. Пріемъ, устроенный гордому завоевателю царствъ, а так-

же разсказы людей, прибывшихъ изъ страны, увлекательно описанной Америго Веспуччи, убѣдили меня искать счастія въ этой обѣтованной для всѣхъ неудачниковъ землѣ. Я присоединился къ одной дружеской экспедиціи, которую затѣяли нѣмцы, поселившіеся въ Севильѣ, и поплылъ съ легкимъ сердцемъ черезъ Океанъ.

Въ Вестъ-Индіи первоначально поступилъ я на службу къ Королевской Аудіенсіи, но вскорѣ, убѣдившись, сколь недобросовѣстно и неискусно ведетъ она дѣла и какъ несправедливо относится къ дарованіямъ и заслугамъ, предпочелъ исполнять порученія тѣхъ нѣмецкихъ торговыхъ домовъ, которые имѣютъ свои отдѣленія въ Новомъ Свѣтѣ, преимущественно Вельзеровъ, владѣющихъ на Санъ-Доминго мѣдными рудниками, но также и Фуггеровъ, Эллингеровъ, Кромбергеровъ, Тецелей. Я совершилъ четыре похода на Западъ, на Югъ и на Сѣверъ, въ поискахъ за новыми жилами руды, за розсыпями драгоцѣнныхъ камней,—аметистовъ и изумрудовъ,—и за мѣсторожденіемъ дорогихъ деревьевъ: дважды подъ начальствомъ другихъ лицъ, а дважды лично руководя отрядомъ. Такимъ образомъ исходилъ я всѣ страны отъ Чикоры до гавани Тумбесъ, проведя долгіе мѣсяцы среди темнокожихъ язычниковъ, видѣвъ въ туземныхъ бревенчатыхъ столицахъ такія богатства, предъ которыми всѣ сокровища нашей Европы ничто, и нѣсколько разъ избѣжавъ нависавшей гибели почти-что чудомъ. Пришлось мнѣ извѣдать и жестокія душевныя потрясенія, въ любви къ одной индѣйской женщинѣ, подъ темной кожей скрывавшей сердце привязчивое и страстное, но было бы здѣсь неумѣстно разсказывать о томъ подробнѣе. Скажу кратко: какъ тихіе дни, проведенные за книгами съ милымъ Фридрихомъ воспитали мою мысль, такъ тревожные годы странствій закалили на огнѣ испытаній мою волю и дали мнѣ самое драгоцѣнное качество мужчины: вѣру въ себя.

Конечно, ошибочно воображаютъ у насъ, что за Океаномъ золото надо просто, нагибаясь, подбирать на землѣ, но все же, проведя пять лѣтъ въ Америкѣ и Вестъ-Индіи, я, благодаря неуклонному труду, и не безъ поддержки счастія, собралъ достаточ-

ныя сбереженія. Тогда-то овладѣла мною мысль поѣхать вновь въ нѣмецкія земли, не съ тѣмъ, чтобы мирно поселиться въ нашемъ, словно дремотномъ, городкѣ, но не безъ суетнаго намѣренія похвалиться своими успѣхами передъ отцомъ, который не могъ не считать меня бездѣльникомъ, его обокравшимъ. Не скрою, впрочемъ, что я испытывалъ и язвительную тоску, которой никогда не ожидалъ, по роднымъ горамъ, гдѣ я, бывало, озлобленный, бродилъ съ самострѣломъ, и что страстно желалъ я увидѣть какъ свою добрую мать, такъ и своего покинутаго друга, ибо еще надѣялся застать его живымъ. Однако, у меня уже тогда было твердое рѣшеніе, посѣтивъ родное селеніе и возстановивъ связи съ семьей, вернуться въ Новую Испанію, которую почитаю своимъ вторымъ отечествомъ.

Ранней весной 34 года отплылъ я на кораблѣ Вельзеровъ изъ гавани Вилла Рика де ла Вера-Крусъ и послѣ бурнаго и труднаго плаванія прибылъ въ богатый Антверпенъ. Нѣсколько недѣль ушло у меня на выполненіе разныхъ принятыхъ на себя порученій, и только въ августѣ мѣсяцѣ могъ я, наконецъ, пуститься въ путь въ Прирейнскую область. Съ этого времени, собственно, и начинается мой разсказъ.

ГЛАВА I.

Какъ я въ первый разъ встрѣтился съ Ренатой и какъ она разсказала мнѣ всю свою жизнь.

Изъ Нидерландъ рѣшилъ я отправиться сухимъ путемъ и выбралъ дорогу черезъ Кельнъ, такъ какъ мнѣ хотѣлось, увидѣть еще разъ этотъ городъ, гдѣ я зналъ не мало привлекательныхъ часовъ. За тридцать испанскихъ эскуло купилъ я себѣ добрую лошадь, которая безъ труда могла везти меня и мои вещи, но, опасаясь разбойниковъ, постарался принять обликъ небогатаго моряка. Пестрое и сравнительно роскошное платье, которымъ щеголялъ въ пышномъ Брабантѣ, я смѣнилъ на простую матросскую одежду, темнокоричневаго цвѣта, и перевязалъ шаровары у колѣнъ. Не разстался я только со своей надежной длинной шпагой, потому что полагался на нее не менѣе, чѣмъ на святую Гертруду, покровительницу всѣхъ путешественниковъ по сушѣ. На дорожныя издержки я оставилъ себѣ малую сумму денегъ въ серебряныхъ іоахимсталерахъ, а сбереженія зашилъ внутри широкаго пояса, въ золотыхъ пистоляхъ.

Черезъ пять дней пріятнаго пути, со случайными попутчиками, ибо ѣхалъ я безъ лишней торопливости, переправился я черезъ Маасъ въ Венло. Не скрою, что овладѣло мною нѣсколько недостойное мужчины волненіе, когда достигъ я мѣстностей, гдѣ замелькали передо мною нѣмецкія одежды и слуха моего, такъ привычно, коснулась бойкая, родная рѣчь! Выѣхавъ изъ Венло рано, расчитывалъ я къ вечеру добраться до Нейсса,

почему попрощался въ Фирзенѣ со своими спутниками, желавшими заѣхать въ Гладсбахъ, и свернулъ, уже одинъ, на Дюссельдорфскую дорогу. Такъ какъ надо было спѣшить, то сталъ я понукать лошадь, но она, споткнувшись, зашибла о камень бабку,—и это ничтожное происшествіе повело за собой, какъ прямая причина, длинный рядъ поразительныхъ событій, какія мнѣ пришлось пережить послѣ того дня. Но я уже давно замѣтилъ, что только ничтожные случаи бываютъ первыми звеньями въ цѣпи тяжкихъ испытаній, которую незримо и беззвучно куетъ порою для насъ жизнь.

На хромавшей лошади я могъ подвигаться впередъ лишь медленно и былъ еще за-далеко отъ города, когда стало уже плохо видно въ сѣромъ сумракѣ, а съ травы поднялся ѣдкій туманъ. Я проѣзжалъ въ это время густымъ, буковымъ лѣсомъ и не безъ опаски помышлялъ о ночлегѣ въ мѣстности, мнѣ совершенно незнакомой, какъ вдругъ съ поворота увидѣлъ, у самаго края дороги, на небольшой просѣкѣ, весь скривившійся деревянный домикъ, одинокій, словно заблудившійся тамъ. Ворота его были плотно заперты и нижнія окна походили скорѣе на большія бойницы, но подъ крышей болталась на веревкѣ полуразбитая бутыль, указывавшая, что это—гостиница, и, подъѣхавъ, я началъ колотить въ ставню рукоятью шпаги. На мой рѣшительный стукъ и на ожесточенный лай собаки выглянула хозяйка дома, но долго отказывалась впустить меня, разспрашивая, кто я и зачѣмъ ѣду. Я, совсѣмъ не подозрѣвая, какого будущаго самъ добиваюсь для себя, настаивалъ съ угрозами и бранью, такъ что, наконецъ, мнѣ отперли дверь, а лошадь мою отвели въ стойло.

По шаткой лѣстницѣ, въ темнотѣ, меня проводили въ маленькую каморку второго этажа, узкую и неравномѣрную въ ширину, какъ футляръ для віолы. Въ то время, какъ въ Италіи даже въ самыхъ дешевыхъ гостиницахъ можно найти и мягко постланную постель и вкусный ужинъ съ бутылкою вина, у насъ проѣзжающимъ, — кромѣ богачей, везущихъ за собой на мулахъ десятки набитыхъ тюковъ,—все еще приходится довольствоваться чернымъ хлѣбомъ, плохимъ пивомъ и ночлегомъ на ста-

рой соломѣ. Душнымъ и тѣснымъ показался мнѣ первый мой пріютъ на родинѣ, особенно послѣ чистыхъ, точно полированныхъ спаленъ въ домикахъ тѣхъ нидерландскихъ купцовъ, къ которымъ доступъ открывали мнѣ рекомендательныя письма. Но я знавалъ и худшія ночи во время трудныхъ странствій по Анангуаку, такъ что, покрывшись своимъ кожанымъ плащомъ, постарался поскорѣе съ головою уйти въ сонъ, не слушая, какъ въ нижней залѣ пьяный голосъ напѣвалъ новую пѣсенку, слова которой, однако, запомнились мнѣ:

Ob dir ein Dirn gefelt,
So schweig, hastu kein Gelt.

Какъ бы я тогда былъ изумленъ, засыпая, если бы нѣкій пророческій голосъ сказалъ мнѣ, что то былъ послѣдній вечеръ одной моей жизни, за которымъ должна была начаться для меня жизнь другая! Моя судьба, перенеся меня черезъ океанъ, задержала въ пути ровно нужное число дней и подвела, словно къ назначенной заранѣе метѣ, къ далекому отъ города и деревень дому, гдѣ ждало меня роковое свиданіе. Какой-нибудь ученый монахъ-доминиканецъ увидѣлъ бы въ этомъ явный промыслъ Божій: ярый реалистъ нашелъ бы поводъ скорбѣть о сложной связи причинъ и слѣдствій, не укладывающихся въ вертящихся кругахъ Раймунда Луллія; а я, когда думаю о тысячахъ и тысячахъ случайностей, которыя были необходимы, чтобы въ тотъ вечеръ оказался я на пути въ Нейссъ, въ бѣдной придорожной гостиницѣ, — теряю всякое различіе между вещами обычными и сверхъестественными, между miracula и natura. Полагаю только, что первая моя встрѣча съ Ренатою по меньшей мѣрѣ столь же чудесна, какъ все необыкновенное и потрясающее, что впослѣдствіи пережили мы съ нею вмѣстѣ.

Полночь, навѣрное, уже давно миновала, когда я внезапно проснулся, разбуженный чѣмъ-то для меня неожиданнымъ. Въ моей комнатѣ было достаточно свѣтло отъ синеваго-серебрянаго свѣта луны, и кругомъ стояла такая тишина, словно вся земля и самыя небеса умерли. Но затѣмъ, въ этомъ безмолвіи, различилъ я въ сосѣдней комнатѣ, за досчатой перегородкой, жен-

скій шопотъ и слабые вскрики. Хотя дѣльная пословица и говоритъ, что путешественнику довольно заботы о своей спинѣ и нечего жалѣть о чужихъ плечахъ, и хотя никогда не отличался я чрезмѣрной чувствительностью, но съ дѣтства свойственная мнѣ любовь къ приключеніямъ не могла не увлечь меня на защиту обиженной женщины, на что, какъ человѣкъ, проведшій въ бояхъ цѣлые годы, имѣлъ я рыцарское право. Вставъ съ постели и наполовину высвободивъ изъ ноженъ шпагу, вышелъ я изъ своей комнаты, и въ темномъ проходѣ, въ которомъ оказался, легко разыскалъ дверь, за которой слышался голосъ. Громко я спросилъ, не нуждается ли кто въ покровительствѣ и, когда повторилъ эти слова во второй разъ и никто не отозвался, ударилъ въ дверь, и, сломавъ слабую задвижку, вошелъ.

Тогда-то я увидѣлъ въ первый разъ Ренату.

Въ такой же непривѣтливой комнатѣ, какъ моя, и тоже озаренной достаточно ясно мѣсячнымъ сіяніемъ, стояла, въ потрясающемъ страхѣ, распластанная у стѣны, женщина, полураздѣтая, съ распущенными волосами. Никакого другого человѣка здѣсь не было, потому что всѣ углы были освѣщены отчетливо и тѣни, лежащія на полу, рѣзки и ясны; но она, словно кто наступалъ на нее, простирала впередъ руки, закрывая себя. И въ этомъ движеніи было что-то до крайности устрашающее, ибо нельзя было не понять, что ей угрожаетъ невидимый призракъ. Замѣтивъ меня, женщина вдругъ, съ новымъ вскрикомъ, кинулась мнѣ навстрѣчу, опустилась на колѣни передо мной, словно я былъ посланцемъ съ неба, охватила меня судорожно и сказала мнѣ, задыхаясь:

— Наконецъ, это ты, Рупрехтъ! У меня нѣтъ болѣе силъ!

Никогда до того дня не встрѣчались мы съ Ренатой, и она видѣла меня столь же въ первый разъ, какъ я ее, и, однако, она назвала меня по имени такъ просто, какъ если бы мы были друзьями съ дѣтскихъ лѣтъ. Я постарался не подать виду, что изумленъ этимъ, и, коснувшись осторожно ея плеча, спросилъ, правда ли, что ее преслѣдуетъ видѣніе. Но женщина не въ силахъ была отвѣчать мнѣ, то рыдая, то смѣясь, и только, указы-

вала дрожащею рукою туда, гдѣ для моихъ глазъ не было ничего, кромѣ луннаго луча. Я не долженъ отказываться здѣсь, что необычность всей обстановки и сознаніе близости нечеловѣческихъ силъ—охватили все мое существо темнымъ ужасомъ, какого я не испытывалъ съ ранняго отрочества. Больше чтобы успокоить безумную даму, чѣмъ потому, чтобы я самъ вѣрилъ въ это средство, я обнажилъ совершенно шпагу и, взявъ ее за лезвіе, устремилъ передъ собою крестообразнымъ эфесомъ, произнося таинственныя слова, которымъ научилъ меня одинъ индѣецъ, заклинавшій демона Аньяна. Женщина же, затрепетавъ, словно въ предсмертномъ бореніи, упала ницъ.

Я не почелъ приличнымъ для своей чести бѣжать оттуда, хотя и понялъ тотчасъ, что злой демонъ теперь овладѣлъ этой несчастной и страшно пытаетъ ее изнутри. Клянусь пречистою кровью Христовой,—никогда до того дня не видѣлъ я такихъ содроганій и не подозрѣвалъ, что человѣческое тѣло можетъ изгибаться такъ невѣроятно! Дама то вытягивалась мучительно и противъ всѣхъ законовъ природы, такъ что шея ея и грудь оставались твердыми, какъ дерево, и прямыми, какъ трость; то вдругъ такъ сгибалась впередъ, что голова и подбородокъ сближались съ пальцами ногъ, и жилы на шеѣ чудовищно напрягались; то, напротивъ, она удивительно откидывалась назадъ и затылокъ ея былъ вывороченъ внутрь плечъ, къ спинѣ, а бедра высоко подняты. И я смотрѣлъ на это страдальческое изступленіе, окаменѣвъ также, почти безъ ужаса и безъ любопытства, какъ смотрѣлъ бы на зрѣлище мукъ, ожидающихъ насъ въ преисподней.

Потомъ женщина перестала биться о жесткія доски пола, и искаженныя черты ея лица понемногу стали осмысленнѣе; но она все еще сгибалась въ судорогахъ, опять прикрывая себя руками, какъ отъ врага. Тогда я догадался, что Дьяволъ вышелъ изъ нея и находится внѣ ея тѣла, и, привлекши женщину къ себѣ, сталъ говорить слова святой молитвы, которая, какъ я слышалъ, всегда употребляется при экзорцизмахъ: Libera me, Domine, de morte aeterna. Тѣмъ временемъ мѣсяцъ уже закатывался за вершины лѣса и, по мѣрѣ того, какъ утренній сумракъ завладѣ-

валъ комнатой, передвигая тѣнь отъ стѣны къ окну, женщина, лежавшая въ моихъ рукахъ, приходила въ себя. Но темнота вѣяла на нее словно холодная трамонтана Пиренейскихъ горъ, и она вся дрожала, какъ отъ зимней стужи.

Я спросилъ: удалился ли призракъ.

Открывъ глаза и обведя ими комнату, какъ послѣ обморока, дама отвѣчала мнѣ:

— Да, онъ разсѣялся, видя, что мы хорошо вооружены противъ него. Онъ не можетъ посягнуть на твердую волю.

Это были вторыя слова, которыя услышалъ я отъ Ренаты. Сказавъ ихъ, она начала плакать, дрожа въ лихорадкѣ, и плакала такъ, что слезы безудержно лились у нея по щекамъ и мои пальцы стали совсѣмъ влажными. Видя, что дама не согрѣется на полу, я, нѣсколько успокоенный, поднялъ ее безъ труда на руки, ибо она была маленькаго роста и исхудалая, и перенесъ на постель, стоявшую подлѣ. Тамъ я укрылъ ее, чѣмъ могъ найти въ комнатѣ, и уговаривалъ спокойными словами.

Но дама, все продолжая плакать, перешла вдругъ къ новому волненію и, схвативъ меня за руку, сказала:

— Теперь, Рупрехтъ, я должна разсказать тебѣ всю мою жизнь, потому что ты спасъ меня и долженъ знать обо мнѣ все.

Я напрасно убѣждалъ даму отдохнуть и уснуть, — она, какъ казалось, даже не слышала моихъ словъ, но крѣпко сжимая мои пальцы и смотря въ сторону отъ меня, начала говорить быстро-быстро. Первое время я почти не понималъ ея рѣчи, съ такой стремительностью смѣнялись у нея мысли и такъ неожиданно переходила она отъ одного предмета къ другому. Но понемногу научился я различать основное теченіе въ неудержимомъ потокѣ ея словъ и понялъ, что она дѣйствительно разсказываетъ мнѣ о себѣ.

Никогда послѣ, даже въ дни самой довѣрчивой нашей близости, не передавала мнѣ Рената съ такой послѣдовательностью исторіи своей жизни. Правда, и въ ту ночь она не только умолчала о своихъ родителяхъ и о мѣстѣ, гдѣ прошло ея дѣтство, но даже, какъ мнѣ пришлось потомъ съ несомнѣнностью убѣдиться, многія позднѣйшія событія частью утаила, частью изло-

жила невѣрно, — не знаю, намѣренно ли или по болѣзненному своему состоянію. Однако, все же я долгое время зналъ о Ренатѣ только то немногое, что сообщила она мнѣ въ этомъ горячечномъ разсказѣ, почему и долженъ передать его здѣсь подробно. Только я не сумѣю точно воспроизвести ея безпорядочную рѣчь, торопливую и несвязную, которую долженъ буду замѣнить своимъ, болѣе холоднымъ, повѣствованіемъ.

Назвавъ свое имя, то единственное, которое я знаю до сихъ поръ, и упомянувъ о первыхъ годахъ своей жизни такъ бѣгло и неясно, что слова ея не удержались въ моей памяти, Рената тотчасъ перешла къ тому происшествію, которое сама считала для себя роковымъ.

Было Ренатѣ лѣтъ восемь, когда впервые явился ей въ комнатѣ, въ солнечномъ лучѣ, ангелъ, весь какъ бы огненный, въ бѣлоснѣжной одеждѣ. Лицо его блистало, глаза были голубые, какъ небо, а волосы словно изъ тонкихъ золотыхъ нитокъ. Ангелъ назвалъ себя—Мадіэль. Рената нисколько не испугалась, и они играли въ тотъ день съ ангеломъ въ куклы. Послѣ того ангелъ сталъ приходить къ ней часто, почти каждый день, всегда былъ веселъ и добръ, такъ что дѣвочка полюбила его больше всѣхъ своихъ родныхъ и сверстницъ. Съ неистощимой изобрѣтательностью забавлялъ Мадіэль Ренату шутками или разсказами, а когда она бывала огорчена, утѣшалъ нѣжно. Иногда съ Мадіэлемъ появлялись его товарищи, тоже ангелы, но не огненные, одѣтые въ плащи пурпурнаго и лиловаго цвѣта; но они были менѣе ласковы. Строго запрещалъ Мадіэль разсказывать о своихъ тайныхъ посѣщеніяхъ, да если Рената и нарушала его требованіе, ей все равно не вѣрили, думая, что она лжетъ или притворяется.

Не всегда Мадіэль показывался въ обликѣ ангела, но часто и въ другихъ образахъ, особенно, если Ренатѣ мало приходилось оставаться одной. Такъ, лѣтомъ Мадіэль не разъ прилеталъ большой огненной бабочкой съ бѣлыми крыльями и золотыми усиками, и Рената прятала его въ своихъ длинныхъ волосахъ. Зимой иногда принималъ ангелъ форму прялки, чтобы дѣвочка могла неразлучно носить его всюду съ собой. Еще узнавала Ре-

ната своего небеснаго друга то въ сорванномъ цвѣткѣ, то въ уголечкѣ, выпавшемъ изъ очага, то въ разгрызенномъ орѣшкѣ. Порой вечеромъ ложился Мадіэль въ постель съ Ренатой и проводилъ съ ней, прижимаясь какъ кошка, время до утра. Въ такія ночи случалось, что ангелъ уносилъ Ренату на своихъ крыльяхъ далеко отъ дому, показывалъ ей другіе города, славные соборы или даже неземныя, лучезарныя селенія,—на разсвѣтѣ же она, сама не зная какъ, всегда оказывалась на своей кровати.

Когда Рената нѣсколько подросла, Мадіэль возвѣстилъ ей, что она будетъ святой, какъ Лотарингская Амалія, и что именно затѣмъ онъ и посланъ къ ней. Онъ много говорилъ ей о жертвѣ Іисуса Христа, о блаженной покорности Дѣвы Маріи, о сокровенныхъ путяхъ къ запечатлѣннымъ вратамъ земного рая, о святой Агнессѣ, неразлучной съ кроткимъ агнцемъ, о святой Вероникѣ, вѣчно предстоящей предъ образомъ Спасителя, и о многихъ другихъ лицахъ и вещахъ, которыя могли навести только на благочестивыя размышленія. По словамъ Ренаты, если и были у нея прежде сомнѣнія, правда ли, что ея таинственный гость—посланникъ Неба, они не могли не разсѣяться дымомъ послѣ этихъ рѣчей, такъ какъ слуга Сатаны, конечно, не могъ бы произносить такого количества святыхъ именъ безъ крайняго для себя мученія. Мадіэль же, однажды, самъ явился Ренатѣ во образѣ Христа Распятаго, и изъ его огненныхъ, пронзенныхъ рукъ струилась багрово-огненная кровь.

Ангелъ усердно заклиналъ Ренату вести строгую жизнь подвижницы, искать чистоты сердца и просвѣтленія ума, и она начала соблюдать всѣ постные дни, установленные святой Церковью, посѣщать каждый день мессу и много молиться наединѣ, въ своей комнатѣ, передъ изображеніемъ Распятія. Нерѣдко Мадіэль заставлялъ Ренату подвергать себя жестокимъ испытаніямъ: выходить обнаженной на холодъ, голодать и воздерживаться отъ питья по нѣскольку сутокъ подрядъ, бичевать себя узловатыми веревками по бедрамъ или терзать себѣ груди остріями. Рената проводила по цѣлымъ ночамъ на колѣняхъ, а Мадіэль, оставаясь подлѣ, укрѣплялъ изнемогающую, какъ ангелъ Спа-

сителя въ саду Геосиманскомъ. По усиленной просьбѣ Ренаты коснулся Мадіэль ея рукъ, и у нея на ладоняхъ означились язвы, какъ бы знаки Христовыхъ крестныхъ мукъ, но она эти раны скрывала ото всѣхъ людей тщательно. Въ тѣ дни, благодаря божественной помощи, открылся у Ренаты даръ чудотворенія, и она исцѣляла многихъ, словно благочестивѣйшій король французскій, однимъ прикосновеніемъ руки, такъ что во всей округѣ слыла блаженной.

Придя въ возрастъ и видя, что дѣвушки ея лѣтъ имѣютъ жениховъ или возлюбленныхъ, Рената приступила къ своему ангелу съ настойчивой просьбой, чтобы онъ сочетался съ нею и тѣлесно, такъ какъ, по его собственнымъ словамъ, выше всего любовь, а что можетъ быть грѣшнаго, если любящіе будутъ связаны сколь можно тѣснѣе? Мадіэль живо опечалился, когда Рената высказала ему свои страстныя пожеланія; его лицо—такъ она разсказывала—стало при ея словахъ пепельно-огненнымъ, словно солнце, на которое смотришь сквозь закопченную слюду. Онъ твердо воспретилъ Ренатѣ даже думать о плотскомъ, напоминая ей о безмѣрномъ блаженствѣ праведныхъ душъ въ раю, куда не можетъ вступить никто, предававшійся плотскимъ соблазнамъ. Но Рената, не посмѣвъ настаивать открыто, порѣшила достичь своей цѣли хитростью. Какъ въ дни дѣтства, упросила она Мадіэля провести съ нею ночь въ постели, и тамъ, обнявъ его и не выпуская изъ рукъ, всѣми путями принуждала соединиться съ собой. Но ангелъ, исполнясь великимъ гнѣвомъ, развился въ огненный столпъ и исчезъ опаливъ Ренатѣ плечи и волосы.

Послѣ того ангелъ много дней не являлся вовсе, и Рената пришла въ крайнее уныніе, потому что любила Мадіэля больше всѣхъ людей, больше всѣхъ безплотныхъ существъ и Самого Господа Бога. Дни и ночи проводила она въ слезахъ, всѣхъ окружающихъ изумляя своимъ неутѣшнымъ отчаяньемъ, лежала долгими часами какъ мертвая, билась головой о стѣны и даже искала добровольной смерти, думая хотя на единый мигъ въ другой жизни увидѣть своего возлюбленнаго. Неотступно обращала она къ Мадіэлю мольбы, заклиная его вернуться къ ней,

обѣщая торжественно во всемъ подчиняться его благимъ рѣшеніямъ, только бы снова ощущать его близость. Наконецъ, когда силы уже покидали Ренату, показался ей Маліэль въ сновидѣніи и сказалъ: «Такъ какъ ты хочешь быть со мною въ тѣлесномъ союзѣ, то я явлюсь тебѣ въ образѣ человѣка; жди меня семь недѣль и семь дней.»

Приблизительно черезъ два мѣсяца послѣ этого видѣнія узнала Рената пріѣхавшаго въ ихъ мѣстность молодого графа изъ Австріи. Одѣвался онъ въ бѣлыя одежды; глаза у него были голубые, а волосы словно изъ тонкихъ золотыхъ нитокъ, такъ что Рената тотчасъ признала, что это—Маліэль. Но пріѣхавшій не хотѣлъ показать, что они знаютъ другъ друга, и называлъ себя графомъ Генрихомъ фонъ Оттергеймомъ. Рената всѣми способами стремилась привлечь на себя его вниманіе, не отказываясь даже отъ пособій ворожеи и приворотныхъ зелій. Неизвѣстно, эти ли недостойныя средства помогли, или графъ самъ искалъ Ренату, только онъ открылся ей въ сердечной любви и потребовалъ, чтобы она покинула съ нимъ тайно родительскій кровъ. Рената не могла колебаться ни одной минуты, и графъ, ночью, увезъ ее и поселился съ нею въ своемъ родовомъ замкѣ, на рѣкѣ Дунаѣ.

Въ замкѣ графа Рената провела два года, и за это время, по ея словамъ, они были такъ счастливы, какъ никто въ мірѣ послѣ грѣхопаденія нашего праотца въ раю. Жизнь ихъ всегда была близка къ міру ангеловъ и демоновъ, и были они заняты великимъ дѣломъ, которое должно было принести счастіе всѣмъ людямъ на землѣ. Печалило Ренату только одно: Генрихъ ни за что не хотѣлъ сознаться, что онъ — Маліэль и ангелъ, упорно выдавая себя за вѣрнаго подданнаго герцога Фердинанда. Однако, къ концу второго года ихъ жизни, душой Генриха внезапно овладѣли темныя мысли; онъ сталъ сумрачнымъ, унылымъ, печальнымъ и, однажды ночью, совершенно неожиданно, не предупреждая никого, покинулъ свой замокъ, уѣхавъ неизвѣстно куда. Рената ждала его нѣсколько недѣль; но безъ своего руководителя не умѣла она защищаться отъ нападенія злыхъ духовъ, и они стали мучить ее безпощадно. Не

желая оставаться въ замкѣ, гдѣ она не была хозяйкой, Рената порѣшила уйти и вернуться къ родителямъ. Враждебныя силы не оставляли ее и на пути и, можетъ быть, сегодня, если бы я не поспѣлъ къ ней на помощь, погубили ее совсѣмъ.

Такъ разсказывала Рената, и я думаю, что рѣчь ея заняла много больше часа, хотя я и передалъ теперь все гораздо короче. Говорила Рената не глядя на меня, не ожидая отъ меня ни возраженій, ни согласія, словно даже обращаясь не ко мнѣ, а исповѣдуясь предъ незримымъ духовникомъ. Передавая о такихъ событіяхъ, какія, безъ сомнѣнія, потрясли ее жестоко, или говоря о вещахъ, которыя многимъ показались бы постыдными и которыя большинство женщинъ предпочло бы утаить, не выказывала она ни волненія, ни стыда. Я долженъ замѣтить, что первая половина разсказа Ренаты, хотя сначала она говорила непослѣдовательнѣе и сбивчивѣе, запомнилась мнѣ отчетливо. Напротивъ, все, что случилось съ нею послѣ ея бѣгства изъ родительскаго дома, осталось для меня тогда очень неяснымъ. Впослѣдствіи узналъ я, что именно въ этомъ мѣстѣ своей повѣсти она особенно многое утаила и особенно многое передала несогласно съ дѣйствительностью.

Едва проговоривъ послѣднія слова, Рената вдругъ вся ослабла, точно силъ у нея было ровно столько, чтобы произнести все до конца. Она перевела на меня удивленный взглядъ, потомъ глубоко вздохнула, поникла лицомъ на подушку и закрыла глаза. Я хотѣлъ встать съ ея ложа, но она, ласково охвативъ меня руками, нѣжнымъ насиліемъ заставила лечь съ нею рядомъ. Я уже не удивлялся ничему болѣе въ ту необычайную ночь и, повинуясь, опустился на постель около этой, тогда совсѣмъ незнакомой мнѣ, женщины, не зная, какъ мнѣ къ ней относиться. Она любовно обвила мою шею и, прижавшись ко мнѣ своимъ почти обнаженнымъ тѣломъ, тотчасъ заснула, глубоко и безмятежно. Было уже свѣтло отъ голубыхъ лучей разсвѣта и, послѣ испытаннаго, я почти смѣялся, видя, какъ лежимъ мы двое, чужіе, въ незнакомой гостиницѣ, въ лѣсной глуши, обнявшись, въ одной постели, словно въ родномъ домѣ сестра и братъ.

Когда я убѣдился, что Рената спитъ покойно, я осторожно

высвободился изъ ея объятій, такъ какъ чувствовалъ необходимость освѣжить голову и остаться наединѣ. Внимательно посмотрѣлъ я въ лицо спящей, и оно мнѣ явилось нѣжнымъ и невиннымъ, какъ дѣтскіе лики на картинахъ брата Беато Анджелико во Фьезоле, и почти невѣроятнымъ мнѣ показалось, что этой женщиной еще такъ недавно владѣлъ Дьяволъ. Тихо вышелъ я изъ комнаты, надѣлъ свою высокую шляпу и спустился внизъ, а такъ какъ въ домѣ всѣ еще спали, самъ отодвинулъ засовъ у двери и оказался прямо въ лѣсу. Тамъ пошелъ я уединенной тропинкой среди тяжелыхъ буковыхъ стволовъ, которые были мнѣ милѣе, чѣмъ стройныя пальмы или бакауты Америки, слушая раннее щебетаніе нашихъ птицъ, звучавшее мнѣ какъ понятный языкъ.

Я никогда не принадлежалъ къ числу людей, которые, слѣдуя философамъ перипатетической школы, утверждаютъ, что въ природѣ нѣтъ безплотныхъ духовъ, отрицая существованіе демоновъ и даже святыхъ ангеловъ. Я всегда находилъ, хотя до встрѣчи съ Ренатою и не былъ очевидцемъ ничего чудеснаго въ жизни, что самое наблюденіе и опытъ, эти первыя основанія всякаго разумнаго знанія, доказываютъ неопровержимо присутствіе въ нашемъ мірѣ, рядомъ съ человѣкомъ, другихъ духовныхъ силъ, которыя христіанами признаются за безплотное воинство Христово и за служителей Сатаны. Помнилъ я также слова Лактанція Фирмиана, увѣряющаго, что иногда ангелы-хранители соблазняются прелестью тѣхъ дѣвушекъ, души которыхъ они должны бы оберегать отъ грѣха. Однако, многія подробности въ странномъ разсказѣ Ренаты съ самаго начала представились мнѣ маловѣроятными и не допускающими признанія. Видя, что встрѣченная мною женщина дѣйствительно находится во власти дьявольской, не зналъ я, гдѣ кончались обманы злого духа и гдѣ начиналась ложь ея словъ.

Такъ, мучаясь догадками и недоразумѣніями, бродилъ я довольно долго по тропамъ незнакомаго лѣса, и солнце поднялось уже высоко, когда я вернулся къ придорожной гостиницѣ, гдѣ провелъ ночь. У воротъ стояла хозяйка дома, женщина дородная, съ краснымъ лицомъ, сурового вида, похожая больше

на предводительницу разбойниковъ, которая, однако, признавъ меня, привѣтствовала учтиво, называя господиномъ рыцаремъ. Я рѣшилъ воспользоваться услужливымъ случаемъ, чтобы развѣдать о непонятной дамѣ, и, подойдя ближе, спросилъ, голосомъ безпечнымъ, словно бы мнѣ хотѣлось лишь поболтать отъ нечего дѣлать, — кто та женщина, комната которой была рядомъ съ моей.

Вотъ, приблизительно слово въ слово, то неожиданное, что отвѣтила мнѣ хозяйка гостиницы:

— Ахъ, господинъ рыцарь, лучше не спрашивайте про нее, потому что это мое доброе сердце заставило меня, можетъ быть, совершить смертный грѣхъ, давая пріютъ еретичкѣ и подписавшей договоръ съ Дьяволомъ. Она хотя нездѣшняя, но я знаю ея исторію, потому что мнѣ все разсказалъ одинъ хорошій мой пріятель, странствующій купецъ изъ ихъ мѣстъ. Женщина эта, которая прикидывается сгромницей, на дѣлѣ просто потаскушка и разными происками проникла въ довѣріе графа Оттергейма, человѣка изъ самой благородной семьи, чей замокъ пониже Шпейера, на Рейнѣ. Такъ она околдовала молодого графа, еще въ раннемъ дѣтствѣ лишившагося родителей людей достойныхъ и чтимыхъ, что онъ, вмѣсто того, чтобы взять себѣ добрую жену и служить господину своему, курфюрсту Пфальцскому, занялся алхиміей, магіей и другими черными дѣлами. Повѣрите ли, что съ того дня, какъ поселилась у него въ замкѣ эта дѣвка, они каждую ночь перекидывались,—онъ въ волка, а она въ волчиху, и бѣгали по окрестностямъ; сколько за это время загрызли дѣтей, жеребятъ и овецъ,—сказать трудно. Потомъ они наводили порчу на людей, лишали коровъ молока, вызывали грозу, губили урожай у своихъ враговъ и совершали чародѣйской силой сотни другихъ злодѣйствъ. Только вдругъ графу въ видѣніи явилась святая Кресценція Дидрихская, и обличила все его грѣшное поведеніе. Тогда графъ принялъ на себя крестъ и ушелъ босымъ ко святому гробу Господню, а свою сожительницу приказалъ слугамъ прогнать изъ замка, и она пошла, скитаясь изъ селенія въ селеніе. Если я дала ей убѣжище, господинъ рыцарь, то только потому, что ничего тогда

изъ этого не знала, но, видя теперь, какъ она тоскуетъ и стонетъ днемъ и ночью, такъ какъ грѣшная ея душа не можетъ успокоиться, не буду я ее держать у себя болѣе ни однѣхъ сутокъ, потому что не желаю быть пособницей Врага человѣческаго.

Эта рѣчь домовой хозяйки, сказавшей еще много другого, чего я не запомнилъ, наполнила мою душу раскаяньемъ и стыдомъ. Конечно, меня не то смутило, что провелъ я нѣсколько часовъ въ постели съ женщиной, которая, можетъ быть, была дѣйствительно виновна въ мерзкихъ преступленіяхъ, ибо не допускалъ я передачи духовной заразы черезъ одно прикосновеніе, да и не имѣлъ причинъ вѣрить во все, что мнѣ говорила хозяйка. Но увидѣлъ я изъ ея словъ неопровержимо, какъ во многомъ обманывала меня дама, разсказывавшая мнѣ ночью свою жизнь, уже по одному тому, что увѣряла меня, будто замокъ ея друга стоялъ въ Австрійскомъ эрцгерцогствѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ этотъ замокъ былъ по близости, на нашемъ Рейнѣ. Мнѣ представилось, что ночная моя собесѣдница, примѣтивъ во мнѣ человѣка пріѣзжаго и простого моряка, пожелала надо мной посмѣяться, и эта мысль такъ отуманила мнѣ голову негодованіемъ, что я позабылъ даже явные знаки одержанія несчастной Дьяволомъ, чему былъ самъ недавнимъ свидѣтелемъ.

Но пока стоялъ я передъ хозяйкой, продолжавшей свои жалобы, и не зналъ, что предпринять, вдругъ раскрылась дверь дома и появилась на порогѣ сама Рената. Она одѣта была въ длинный плащъ изъ шелка, синяго цвѣта, съ капюшономъ, который покрывалъ ей лицо, и въ розовую кофту съ бѣлыми и темно-синими украшеніями, — какъ одѣваются благородныя дамы въ Кельнѣ. Держала она себя гордо и свободно, какъ герцогиня, такъ что я едва узналъ въ ней мою ночную бѣсноватую. Вѣроятно, я, въ своей скромной одеждѣ испанскаго моряка, казался передъ ней бѣднякомъ и простецомъ. Но, найдя меня глазами, Рената прямо направилась ко мнѣ, своей легкой походкой, всегда напоминавшей полетъ.

Я снялъ передъ дамой шляпу, а она сказала мнѣ торопливо, но повелительно:

— Рупрехтъ, намъ надо ѣхать отсюда сейчасъ же, немедленно. Я болѣе не могу оставаться здѣсь ни одного часа.

Надо думать, что въ голосѣ Ренаты было для меня особое очарованіе или что она съ самой первой встрѣчи воспользовалась, чтобы приворожить меня, какимъ-нибудь тайнымъ, ей извѣстнымъ средствомъ, потому что, несмотря на все то, что я объ ней думалъ нѣсколько мгновеній передъ этимъ, у меня ничего не нашлось, что возразить на ея слова, и я принялъ ихъ какъ приказаніе, котораго ослушаться невозможно. И когда хозяйка гостиницы, вдругъ перемѣнивъ свой вѣжливый голосъ на очень грубый, стала требовать съ Ренаты должныхъ ей за комнату денегъ, я поторопился сказать, что все будетъ по справедливости уплачено. Потомъ я спросилъ Ренату, есть ли у нея лошадь, чтобы продолжать путь, такъ какъ въ этой глуши, конечно, не легко разыскать хорошую.

— У меня нѣтъ лошади, — сказала мнѣ Рената, — но отсюда недалеко до города. Ты можешь посадить меня на свое сѣдло и вести коня на поводу. Въ городѣ же не трудно будетъ купить другую лошадь.

Она распоряжалась мною и всѣмъ моимъ достояніемъ, какъ если бы я былъ ея слуга или купленный рабъ.

Чтобы нѣсколько оправдать себя передъ самимъ собой, я такъ сказалъ себѣ:

«Что за бѣда, если я истрачу нѣсколько денегъ и нѣсколько лишнихъ дней въ пути. Эта дѣвушка привлекательна и стоитъ такой жертвы; а я послѣ трудностей путешествія могу позволить себѣ обычное развлеченіе. Кому же она вчера смѣялась надо мной, и надо показать ей, что я не такой неучъ и невѣжда, какимъ она меня почитаетъ. Теперь я позабавлюсь съ нею въ пути, пока она мнѣ не наскучитъ, а послѣ брошу ее. А до того, что ее преслѣдуетъ Дьяволъ, мнѣ нѣтъ особаго дѣла, и я не побоюсь никакого демона, въ сношеніяхъ съ красивой женщиной, если не боялся краснокожихъ съ ихъ отравленными стрѣлами».

Такъ старался я убѣдить себя, что моя встрѣча съ Ренатой только забавное приключеніе, одно изъ тѣхъ, о которыхъ мужчины, посмѣиваясь, разсказываютъ пріятелямъ въ пив-

ныхъ домахъ, и я нарочно съ важностью ощупывалъ свой тугой и тяжелый поясъ, напоминая себѣ пѣсенку, которую слышалъ вечеромъ:

Ob dir ein Dirn gefelt,
So schweig, hastu kein Gelt.

Подкрѣпивъ свои силы въ гостиницѣ молокомъ и хлѣбомъ, мы собрались въ путь. Я помогъ Ренатѣ сѣсть на свою лошадь, совершенно оправившуюся за ночь. Къ свертку съ моими вещами прибавилась еще поклажа, впрочемъ, не тяжелая. Рената была весела, какъ горлинка, много смѣялась, шутила и дружелюбно прощалась съ хозяйкой. Наконецъ, мы двинулись въ дорогу, Рената—на лошади, я,—идя рядомъ съ ней, то держа лошадь за узду, то опираясь на луку сѣдла. Всѣ обитатели гостиницы столпились у воротъ, провожая насъ и прощаясь съ нами не безъ насмѣшки. И мнѣ стыдно было, повернувъ голову, взглянуть на нихъ.

ГЛАВА II

Что предсказала намъ деревенская ворожея и какъ провели мы ночь въ Дюссельдорфѣ.

Отъ гостиницы дорога еще нѣкоторое время шла лѣсомъ. Было прохладно и тѣнисто, и мы съ Ренатою, тихо подвигаясь впередъ, разговаривали, не уставая. Не смотря на жизнь воина, я не былъ чуждъ общества, ибо случалось мнѣ въ итальянскихъ городахъ посѣщать и карнавальные маскарады и театральныя исполненія, а позднѣе, въ Новой Испаніи, бывалъ я на вечеровыхъ собраніяхъ въ мѣстныхъ богатыхъ домахъ, гдѣ царитъ вовсе не варварство дикой страны, какъ думается многимъ, а, напротивъ, гдѣ изящныя дамы играютъ на лютчяхъ, цитрахъ и флейтахъ и танцуютъ съ кавалерами альгарду, пассіонезу, мавританскій и другіе новѣйшіе танцы. Стараясь показать Ренатѣ, что подъ моей грубой матросской курткой скрывается человѣкъ, не чуждый просвѣщенію, былъ я счастливо удивленъ, найдя въ своей собесѣдницѣ остроту ума и много знаній, не совсѣмъ обычныхъ у женщины,—такъ что невольно насторожились всѣ способности моей души, какъ у опытнаго фехтовальщика, неожиданно встрѣтившаго у своего противника ловкій клинокъ. О ночныхъ видѣніяхъ оба мы не произнесли ни слова, и можно было представить, видя какъ мы болтаемъ весело, что я мирно провожаю даму съ торжественнаго турнира.

На вопросъ мой, куда слѣдуетъ намъ направляться, Рената отвѣтила, не задумываясь, что въ Кельнъ, такъ какъ тамъ есть у нея родственники, у которыхъ она хочетъ остаться нѣкоторое время,—и я былъ радъ, что мнѣ не приходилось мѣнять из-

браннаго пути. Мысль, что странное наше знакомство не затянется слишкомъ долго и уязвила меня больно, и вмѣстѣ не совсѣмъ была мнѣ непріятна; только подумалъ я втайнѣ, что не должно мнѣ терять времени, если хочу я вознаградить себя за все упущенное наканунѣ. Вотъ, почему разговору постарался я придать легкость и свободу, словно діалогу въ итальянской комедіи dell' arte, и, ободряемый благосклонными улыбками спутницы, хотя и сохранявшей нѣкоторую отчужденность существа высшаго, я порой отваживался цѣловать ея руку и дѣлать ей намеки очень лукавые. И, не знаю я, куда приплыли бы мы по опаснымъ волнамъ игривыхъ шутокъ, если бы новая неожиданность и новая случайность вдругъ не перевернули всѣхъ предположеній, словно буря каравеллу, килемъ вверхъ.

Дѣло въ томъ, что я предложилъ провести ночь, минуя маленькій Нейссъ, въ Дюссельдорфѣ, гдѣ можно было найти лучшія гостиницы и откуда въ Кельнъ—удобный путь по Рейну. Рената согласилась съ безпечностью принцессы, и мы свернули изъ лѣсу на большую проѣзжую дорогу, гдѣ уже часто стали намъ попадаться и отдѣльные путешественники, и обозы, сопровождаемые стражей. Но переѣздъ черезъ открытое поле, подъ прямыми лучами дня, былъ достаточно утомителенъ, какъ для Ренаты, ѣхавшей на сѣдлѣ, не приспособленномъ для дамской посадки, такъ и для меня, которому надо было поспѣвать за широкимъ шагомъ лошади. Чтобъ переждать знойные часы, пришлось намъ искать пріюта въ людной деревушкѣ Геердтъ, лежавшей на нашемъ пути. Тамъ-то Рокъ и устроилъ намъ вторую засаду, уже замышляя коварно весь ужасъ слѣдующихъ дней.

Намъ сразу показалось необычнымъ, что въ деревнѣ все было приспособлено для отдыха путешественниковъ и что многіе изъ ѣхавшихъ въ одномъ направленіи съ нами—тоже остановились въ Геердтѣ. Я освѣдомился о причинѣ этого у крестьянки, въ домѣ которой мы отдыхали и завтракали, и, съ гордостью и похвальбой, та объяснила намъ, что ихъ селеніе славится на всю округу ворожеей, гадающей съ мастерствомъ удивительнымъ. Не только изъ ближнихъ мѣстъ, по словамъ говорившей, собираются ежедневно десятки людей, но приходятъ

узнать свою судьбу многіе изъ дальнихъ селъ и городовъ, даже изъ Падерборна и Вестфаліи, такъ какъ слава о Геердтской ворожеѣ разошлась по всѣмъ нѣмецкимъ землямъ.

Слова эти были для Ренаты какъ свистъ заклинателя для змѣи, потому что сразу она словно позабыла все и захотѣла сейчасъ же бѣжать къ колдуньѣ. Напрасно уговаривалъ я Ренату отдохнуть, она не хотѣла даже закончить нашей полдневной «мереды», торопя меня и повторяя:

— Идемъ, Рупрехтъ, идемъ сейчасъ, а то она устанетъ и не будетъ такъ ясно видѣть въ будущемъ.

Насъ проводили къ домику на краю деревни. У входа, стоя и размѣстившись на лежащихъ бревнахъ, ждала цѣлая толпа народа, словно на церковной паперти въ Рождественскую ночь. Были здѣсь люди самые различные, которымъ рѣдко случается сходиться вмѣстѣ: знатныя, въ шелку и бархатѣ, дамы, прибывшія въ закрытыхъ повозкахъ, горожане въ темномъ платьѣ, охотники въ зеленыхъ кафтанахъ, крестьяне въ загнутыхъ шапкахъ, даже нищіе, воры и всякая голь. Слышался говоръ на всѣхъ прирейнскихъ нарѣчіяхъ, также и голландскій языкъ и ротвельшъ. Было похоже, какъ если бы въ маленькомъ мѣстечкѣ остановился владѣтельный князь, и это передъ его покоями толпились просители и свита.

Надо было ждать своей очереди и поневолѣ выслушивать шедшія кругомъ бесѣды, которыя весьма занимали Ренату, но мнѣ казались надоѣдливыми. Однако, здѣсь въ первый разъ увидѣлъ я, какъ безпредѣльно море предразсужденій и какъ много къ справедливому страху предъ силой магиковъ и ухищреніями волшебницъ присоединяется дѣтскаго и пустого предубѣжденія. Говорили, какъ то и подобало при такихъ обстоятельствахъ, о разныхъ гаданіяхъ и примѣтахъ, талисманахъ и ладанкахъ, тайныхъ средствахъ и заговорныхъ словахъ, и всѣ, какъ богато одѣтыя дамы, такъ бродяги безъ плаща, изумляли меня своими познаніями въ этихъ дѣлахъ. Мнѣ, какъ и каждому, случалось въ дѣтствѣ видѣть, что женщины кружатъ куръ около печного горшка, чтобы онѣ не убѣгали изъ дому, или утромъ когда причесываются, плюютъ на волосы, оставшіеся въ гребнѣ,

чтобы избавиться отъ дурного глазу, или слышать, какъ словами sista, pista, rista, xista, повторенными десять разъ, пытаются излѣчиться отъ боли въ поясницѣ, а восклицаніемъ och, och отъ укуса блохъ,—но тутъ передо мной разверзлась плотина и затопилъ меня цѣлый потопъ повѣрій. Наперерывъ говорили и о томъ, какъ защищаться сѣрой отъ чародѣйствъ, и какъ приворожить дѣвушку, подкинувъ ей жабу, и какъ отводить узелками глаза ревнивому мужу, и какъ добиться заговоромъ, чтобы урожай винограда былъ больше, и какіе чулки помогаютъ женщинѣ въ родахъ, и изъ чего отлита пуля, которая всегда попадаетъ въ цѣль,—и приходилось, слушая, думать, что на каждомъ шагу насъ подстерегаетъ примѣта.

Помню, былъ тамъ какой-то безбородый, разслабленный старикъ, одѣтый, словно лѣкарь, во все черное: онъ непрестанно расхваливалъ ворожеи и говорилъ при этомъ такъ:

— Ужъ мнѣ вы повѣрьте! Я ли не знаю гадальщиковъ и ворожей? Больше пятидесяти лѣтъ по нимъ хожу: все искалъ вѣрныхъ. Былъ въ Далмаціи, и, дальше того, ѣздилъ черезъ море въ Фецъ къ мухаммиминамъ. Испыталъ гаданіе и на костяхъ, и на воскѣ, и на картахъ, и на бобахъ; хиромантію, кристалломантію, катоптромантію и геомантію; прибѣгалъ даже къ гостейѣ и некромантіи, а гороскоповъ сколько мнѣ составляли, — и не упомню! Только все мнѣ говорили неправду, и десятая доля изъ предсказаній не сбывалась. Здѣсь же старуха читаетъ въ прошломъ, какъ въ печатной книгѣ, а про будущее говоритъ, словно бываетъ въ совѣтѣ съ Господомъ Богомъ каждодневно. Мнѣ разсказала изъ моей жизни такое, что я самъ позабылъ, а про то, что ждетъ меня, прямо по пальцамъ сосчитала.

Слушая этого дряхлаго краснобая, думалъ я, что, пожалуй, пересталъ бы вѣрить въ гаданія, если бы и меня они обманывали добрыя полстолѣтія, а также и то, стоитъ ли заглядывать въ будущее, когда ужъ по поясъ стоишь въ могилѣ. Но никому я не хотѣлъ ничего возразить и, пока Рената, все не мѣняя своего гордаго вида, разспрашивала про амулеты и любовныя зелья, покорно ждалъ нашей очереди войти въ домъ.

Наконецъ, рыжій парень, котораго звали сыномъ ворожеи

поманилъ насъ рукой и, взявъ съ насъ установленную плату, по 18 крейцеровъ, пропустилъ въ двери.

Внутри дома стоялъ полумракъ, потому что окна были завѣшаны темно-красными тканями, и душно пахло сушеными травами Хотя было на дворѣ очень жарко, въ очагѣ горѣлъ огонь. При его свѣтѣ разглядѣлъ я на полу кота,—животное, любезное при всѣхъ волшебствахъ; подъ потолкомъ висѣла клѣтка, кажется, съ бѣлымъ дроздомъ. Сама ворожея, старуха, съ морщинистымъ лицомъ, сидѣла за столомъ у задней стѣны. Она была одѣта въ особую рубаху, какъ обычно колдуньи, съ изображеніемъ крестовъ и роговъ, а голова ея была покрыта краснымъ платкомъ съ монистами. Передъ ворожеей стояли жбаны съ водой, лежали сверточки съ кореньями, разныя другія вещи,— и она, бормоча что-то, быстро перебирала все это руками.

Поднявъ на насъ глаза, впалые и пронзительные, старуха зашамкала привѣтливо:

— Вы, красавцы, чего пришли искать у бабушки? Тепленькой постельки здѣсь нѣтъ, а доски голыя. Но ничего, ничего, потерпите, всему свой чередъ придетъ. Было время земляникѣ, а будетъ и яблокамъ Такъ вамъ погадать, голубчики?

Я не безъ разочарованія выслушалъ эти грубыя шутки, и даже остатки любопытства покинули меня. А старуха, все шепча, какъ пьяная, пошарила кругомъ руками, нашла яйцо и выпустила бѣлокъ въ воду, которая замутилась. Глядя въ облачныя формы, развивавшіяся въ водѣ, ворожея стала намъ предсказывать и мнѣ казалось, что ея слова—плохой обманъ.

— Вотъ вамъ, дѣтки мои, дорога, только не дальняя. Куда ѣдете, туда и поѣзжайте: ждетъ васъ тамъ исполненіе желаній. Одинъ строгій человѣкъ угрожаетъ васъ разлучить, но вы однимъ ремешкомъ опоясаны. Будетъ, будетъ вамъ тепленькая постелька, красавцы мои!

Старуха и еще что-то попричитала, а потомъ поманила насъ къ себѣ, говоря:

— Подойдите, птенчики милые, я вамъ дамъ травки одной, хорошей травки: разъ въ году она цвѣтетъ, ровнехонько одинъ, въ ночь подъ самый Ивановъ день.

Мы, не ожидая дурного, приблизились къ ворожеѣ. Но вдругъ на сморщенномъ лицѣ ея ротъ перекосился, а глаза стали круглые, какъ у щуки, и черные, какъ два угля. Она сразу потянулась впередъ и, цѣпкими пальцами, словно желѣзнымъ крючкомъ, захвативъ мою куртку, уже не забормотала, а по змѣиному зашипѣла:

— Молодчикъ, это что, это что у тебя? На курткѣ-то у тебя, и у тебя, красавица, на кофтѣ? Кровь-то эта откуда? Столько крови, откуда? Вся куртка въ крови, и вся кофта въ крови. И течетъ кровь и пахнетъ!

При этомъ ноздри горбатаго носа старухи раздувались, вдыхая запахъ, и она тряслась всѣмъ тѣломъ или отъ радости или отъ страха. Но мнѣ отъ этого шипа и отъ этихъ словъ стало не по себѣ, а Рената такъ зашаталась около меня, что могла сейчасъ же упасть. Тогда я рванулся изъ крѣпкихъ тисковъ обезьяны, опрокинулъ столъ, такъ что стекла разбились и вода пролилась, и, подхвативъ Ренату одной рукой, другой взялся за шпагу, закричавъ:

— Прочь, вѣдьма! не то я проколю твое проклятое тѣло какъ рыбу!

Старуха же, въ неистовствѣ, все хваталась за насъ, вопя: «кровь! кровь!»

На шумъ вбѣжалъ къ намъ сынъ ворожеи, ударомъ кулака сшибъ свою мать съ ногъ, а насъ началъ осыпать непристойной бранью. Мнѣ представилось, что такія происшествія были для него не новостью и что онъ зналъ, какъ въ этомъ случаѣ взяться. Я же поспѣшно повлекъ Ренату на воздухъ, и, не слушая разспросовъ ожидающихъ своей очереди, поспѣшили мы къ дому, гдѣ осталась наша поклажа и лошадь.

Но послѣ этого событія всю веселость и всю говорливость Ренаты точно кто-то срѣзалъ серпомъ, и она не хотѣла произнести ни слова и почти не подымала глазъ. Когда намъ осѣдлали лошадь, и я помогалъ Ренатѣ подняться на сѣдло, она клонилась, какъ надломленный стебель, и поводья выпадали изъ ея рукъ. Движеніями и дѣйствіями она, должно быть, въ совершенствѣ напоминала чудесный автоматъ Альберта Великаго.

Такъ печально выѣхали мы изъ Геердта и потянулись по дорогѣ къ Рейну. Чтобы разувѣрить Ренату въ гаданіи ворожеи, старался я изобразить ей все, что случилось, въ смѣшномъ зеркалѣ, разсказывая всевозможные случаи, о какихъ только слышалъ, какъ предсказанія не сбывались или обращались въ шутку. Я разсказалъ, какъ гадатель предрекъ миланскому герцогу Джангалеаццо Висконти скорую смерть, а себѣ долгую жизнь, но былъ немедленно умерщвленъ герцогомъ. Я разсказалъ, какъ еще Генрихъ VII, отецъ нынѣшняго короля англійскаго, спросилъ астролога, много пророчившаго: извѣстно ли ему, гдѣ самъ онъ проведетъ ночь? и когда астрологъ отвѣтилъ что нѣтъ, сказалъ: «я лучше васъ вижу будущее: вы проведете эту ночь въ лондонской башнѣ»,—куда злополучный предсказатель тотчасъ и былъ отведенъ. Я разсказалъ еще, какъ нѣкій юноша, которому цыганка точно назначила день и часъ смерти, нарочно прокутилъ къ этому времени все свое пышное состояніе и потомъ, видя, что онъ разоренъ, а смерть не приходитъ, покончилъ жизнь ударомъ меча. И еще разсказалъ я про одного человѣка, которому провидецъ объяснилъ, что онъ умретъ отъ бѣлой лошади и который съ тѣхъ поръ сталъ избѣгать всякихъ лошадей, даже гнѣдыхъ, пѣгихъ и вороныхъ, но погибъ оттого, что на него упала на улицѣ трактирная вывѣска съ изображеніемъ бѣлой лошади.

Этими и подобными разсказами пытался я развеселить Ренату, хотя дикое пророчество ворожеи и мою душу придавило какъ упавшій утесъ; но такъ какъ Рената ничѣмъ не выражала, что слушаетъ или хотя бы понимаетъ мои рѣчи, то, понемногу, смолкъ и я. Мы ѣхали безмолвно, прямо къ синевѣ восточнаго края неба. Лошадь, утомленная поклажей, ступала медленно, и я, тоже усталый отъ пройденныхъ миль, вглядывался внимательно въ образъ Ренаты, разбирая его, какъ цѣнитель разбираетъ мраморные лики.

Тогда въ первый разъ разсмотрѣлъ я черты лица Ренаты, съ которыми потомъ такъ свыклись мои взоры, и понялъ, что она вовсе не была красива. Ноздри у нея были слишкомъ тонкими, а отъ подбородка къ ушамъ щеки уходили какъ-то наискось

при чемъ самыя уши, въ которыхъ поблескивали золотыя сережки,были посажены невѣрно и слишкомъ высоко; глаза были прорѣзаны не совсѣмъ прямо и ихъ рѣсницы черезчуръ длинны. Все въ лицѣ было неправильно, но была въ немъ прелесть, можетъ быть и вложенная какимъ-нибудь магическимъ пріемомъ или при помощи одной изъ клеопатровыхъ тайнъ. Судя по лицу, скорѣй почелъ бы я Ренату итальянкой, но на нашемъ языкѣ говорила она, какъ на родномъ, со всѣми особенностями мейссенскаго говора.

Послѣ не совсѣмъ легкаго переѣзда и послѣ переправы черезъ Рейнъ достигли мы Дюссельдорфа, столицы Берга, города, который такъ быстро возрастаетъ за послѣдніе годы, благодаря заботамъ своего герцога, и который уже теперь можетъ равняться съ красивѣйшими нѣмецкими городами. Въ городѣ я разыскалъ хорошую гостиницу подъ вывѣской «Im Lewen» и за щедрую плату получилъ двѣ самыхъ лучшихъ въ домѣ комнаты, такъ какъ хотѣлъ, чтобъ Рената получила и подходящую ей роскошь обстановки и всѣ мыслимыя въ путешествіи удобства. Но Рената, казалось мнѣ, не замѣчала моихъ стараній и, можно было подумать, что среди полированной мебели, среди изразцовыхъ каминовъ и зеркалъ — она чувствовала себя не иначе, чѣмъ на скудныхъ нетесаныхъ скамьяхъ деревенской гостинницы.

Трактирщикъ, принявъ насъ за людей богатыхъ, пригласилъ насъ обѣдать за свой столъ, или, какъ говорятъ французы, за table d'hôte, и угощалъ очень усердно, особенно выхваляя какую-то курицу, зажаренную въ миндальномъ молокѣ, и добрый Бахарахскій рейнвейнъ. Но Рената, тѣломъ присутствуя за нашимъ столомъ, была думами далеко, почти не прикасалась къ блюдамъ и не вникала въ разговоръ, хотя я и дѣлалъ всяческія попытки, чтобы вдохнуть въ нея дыханіе жизни. Я разсказывалъ о дивахъ Новаго Свѣта, которыя мнѣ довелось видѣть, о лѣстницахъ въ храмахъ майевъ съ изваянными гигантскими масками, о непомѣрныхъ кактусахъ, въ стволѣ которыхъ можетъ отдыхать всадникъ, объ опасныхъ охотахъ на сѣраго медвѣдя и пятнистаго унце, и объ отдѣльныхъ своихъ приключеніяхъ, не забывая украсить рѣчь или мнѣніями современнаго писателя или

стихами древняго поэта. Трактирщикъ и его жена слушали, разинувъ рты, но Рената внезапно, на половинѣ моего слова, поднялась изъ-за стола и сказала:

— Неужели тебѣ самому не скучно болтать такіе пустяки, Рупрехтъ! Прощайте.

И, не прибавивъ ни слова, она встала и ушла, хотя это и было довольно невѣжливо, какъ я теперь думаю. Тогда же я испыталъ только смущеніе и страхъ, чтобъ она на меня не разсердилась, и, вскочивъ, я поспѣшилъ за ней тоже.

Въ своей комнатѣ Рената молча сѣла въ углу, на стулъ, и осталась неподвижной и безмолвной. Я, уже не смѣя заговорить, робко опустился подлѣ нея на полъ. Такъ и остались мы сидѣть въ уединенной комнатѣ, не начиная бесѣды, и со стороны показались бы недвижнымъ созданіемъ, искусной рукой вырѣзаннымъ изъ окрашеннаго дерева. Вся веселость, вся непринужденность, съ какой бесѣдовали мы въ буковомъ лѣсу, теперь испарилась, оставивъ сухимъ дно нашей души. Я постепенно тоже впалъ въ нѣмотствующее безсиліе, и мнѣ представлялось, что я уже не могу ни произнести слова, ни сдѣлать движенія. Вѣроятно, такъ себя чувствуютъ звѣри, когда замираютъ подъ пристальнымъ взглядомъ гремучей змѣи.

Слѣва отъ меня въ два большихъ открытыхъ окна виднѣлись черепитчатыя кровли извилистыхъ улицъ Дюссельдорфа и торжествующая надъ домовыми крышами колокольня церкви Св. Ламберта. Синеватый вечеръ тихо разливался надъ этими треугольниками и квадратами, нарушая четкость ихъ линій и сливая ихъ въ безформенныя громады. Тотъ же синеватый вечеръ втекалъ въ комнату и обвалакивалъ насъ широкими полотнищами савана. Я смотрѣлъ, какъ въ темнотѣ все ярче свѣтились полукруглыя серьги Ренаты и какъ все болѣе отчетливо вырисовывались ея тонкія, бѣлыя руки, — и не могъ уже отвести взора. Такъ какъ все кругомъ стихло по ночному, надо было заключить, что прошло уже много времени, но мы его не видѣли, и не слышали его шаговъ, и не знали объ немъ.

И вотъ, наконецъ, такимъ усиліемъ воли, какъ если бы мнѣ надо было принять рѣшеніе величайшей важности, совершить

опаснѣйшій поступокъ, оторвалъ я свои глаза отъ Ренаты, вырвалъ свою душу изъ молчанія, и произнесъ:

— Быть можетъ, вы устали, благородная дама, и хотите отдохнуть: я уйду...

Голосъ мой показался мнѣ очень неестественнымъ, но звуки сломали тотъ волшебный кругъ, въ которомъ были мы заключены. Рената подняла свое неподвижное лицо; губы ея раскрылись и, когда она выговаривала слова, казалось, что это чудомъ говоритъ мертвая:

— Нѣтъ, Рупрехтъ, ты не долженъ уходить, я не могу остаться одна: мнѣ страшно.

Потомъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, словно бы мысли ея катились медленно, произнесла еще:

— Но она сказала, чтобы мы ѣхали, куда ѣдемъ, такъ какъ тамъ насъ ждетъ исполненіе желаній. Значитъ, мы въ Кельнѣ встрѣтимъ Генриха. Я и раньше знала это, а старуха только прочла въ моихъ мысляхъ.

Во мнѣ, какъ огонекъ изъ-подъ пепла, вспыхнула смѣлость, и я возразилъ:

— Зачѣмъ быть вашему графу Генриху въ Кельнѣ, если его земли на Дунаѣ?

Но Рената не замѣтила жала, скрытаго въ моемъ отвѣтѣ и, уловивъ только одно выраженіе, схватилась за него лихорадочно.

Она переспросила меня:

— Мой графъ Генрихъ? Какъ мой? Развѣ все мое въ то же время не твое, Рупрехтъ? Развѣ есть между нами грань, черта, отдѣляющая мое существо отъ твоего? Развѣ мы—не одно, и моя боль не пронзаетъ твоего сердца?

Я былъ такой рѣчью ошеломленъ, какъ палицей, ибо хотя уже тогда былъ весь подъ чарами Ренаты, но еще ни о чемъ, подобномъ ея словамъ, не думалъ. Не нашелъ я даже, что возразить, но она, наклонивъ ко мнѣ блѣдное лицо свое и положивъ мнѣ на плечи нѣжныя руки свои, тихо спросила:

— Развѣ ты его не любишь, Рупрехтъ? Развѣ можно его не любить? Вѣдь онъ—небесный, вѣдь онъ—единственный.

Я опять не могъ найти отвѣта, но Рената неспѣшно опусти-

лась на колѣни и повлекла меня, чтобы и я сталъ рядомъ. Потомъ, обернувшись къ открытому окну, къ яркимъ безмѣсячнымъ звѣздамъ, стала она говорить голосомъ кроткимъ, низкимъ, но яснымъ, родъ литаніи, на каждое прошеніе которой долженъ былъ я отвѣчать, какъ церковный хоръ.

Рената говорила:

— Дай мнѣ вновь увидѣть его глаза, голубые, какъ самое небо, съ рѣсницами острыми, какъ иглы!

Я долженъ былъ повторять:

— Дай увидѣть!

Рената говорила:

— Дай мнѣ услышать его голосъ, сладкій, словно колокола маленькаго подводнаго храма!

Я долженъ былъ повторять:

— Дай услышать!

Рената говорила:

— Дай мнѣ цѣловать его руки бѣлыя, какъ изъ горнаго снѣга, и его уста не яркія, словно рубины подъ фатой прозрачной!

Я долженъ былъ повторять:

— Дай цѣловать!

Рената говорила:

— Дай мнѣ прижать свою обнаженную грудь къ его груди, чтобы чувствовать, какъ его сердце замретъ и будетъ биться, быстро, быстро, быстро!

Я долженъ былъ повторять:

— Дай прижать!

Рената была неутомима въ изобрѣтеніи все новыхъ и новыхъ прошеній своей литаніи, слагая ихъ, какъ монахъ свои молитвы, изумляя затѣйливостью своихъ сравненій, какъ мейстерзингеръ на состязаніи пѣвцовъ. У меня не было власти противиться чародѣйству ея призывовъ, и я, безъ воли, лепеталъ отвѣтныя слова, которыя кололи, какъ шипы, мою гордость.

А потомъ Рената, приникнувъ ко мнѣ, глядя мнѣ въ самые глаза, спрашивала меня, чтобы мучить себя своими вопросами:

— И теперь скажи, Рупрехтъ, вѣдь онъ всѣхъ прекраснѣй?

вѣдь онъ—ангелъ? вѣдь я увижу его опять? я буду его ласкать? и онъ меня? хоть одинъ разъ? только одинъ разъ!

И я отвѣчалъ въ безнадежности:

— Онъ—ангелъ. Увидишь. Будешь ласкать.

На небо вышла вчерашняя луна и навела столбъ своего свѣта на Ренату, и подъ мѣсячнымъ лучомъ темнота нашей комнаты задвигалась. Голубоватый этотъ свѣтъ сразу воскресилъ въ моей памяти прошлую ночь, и все то, что я узналъ о Ренатѣ, и всѣ тѣ обѣщанія, какія раньше я давалъ самъ себѣ. Ровнымъ, мѣрнымъ шагомъ, какъ строй хорошо обученнаго войска, прошли въ моей головѣ такія мысли: «А что, если эта женщина еще разъ насмѣхается надъ тобой? Вчера издѣвалась она, изображая козни Дьявола, а сегодня, прикидываясь безумной отъ печали. А черезъ нѣсколько дней, когда останешься ты дуракомъ, она будетъ съ другимъ шутить надъ тобой и вольничать, какъ утромъ».

Я отъ этихъ мыслей сталъ будто пьяный, и, неожиданно схвативъ Ренату за плечи, сказалъ ей, улыбаясь:

— Не довольно ли предаваться тоскѣ, прекрасная дама, не вернуться ли намъ къ времяпрепровожденію веселому и пріятному?

Рената испуганно отстранилась отъ меня, но я, ободряя себя мыслью, что иначе могу показаться смѣшнымъ, привлекъ ее къ себѣ и наклонился, намѣреваясь поцѣловать.

Рената высвободилась изъ моихъ рукъ, съ силой и ловкостью лѣсной кошки, и крикнула мнѣ:

— Рупрехтъ! Въ тебя вселился демонъ!

Я же отвѣчалъ ей:

— Нѣтъ во мнѣ никакого демона, но напрасно вы хотите играть мною, потому что я не такой простякъ, какъ вы думаете!

Снова я охватилъ ее, и мы начали бороться, очень безобразно, при чемъ я такъ сжималъ ея пальцы, что они хрустѣли, а она била и царапала меня ожесточенно. Одно время я повалилъ ее на полъ, не испытывая въ тотъ мигъ къ ней ничего, кромѣ ненависти, но она впилась вдругъ зубами въ мою руку и выскользнула изворотомъ ящерицы. Потомъ, ощутивъ, что я сильнѣе, она вся согнулась надвое, голова ея упала на колѣни,

и съ ней сдѣлался тотъ же припадокъ слезъ, что наканунѣ. Сидя на полу,—такъ какъ я смущенно ее выпустилъ, — Рената рыдала въ отчаяньи. Волосы упали ей на лицо, и плечи ея дрожали жалостно.

Въ этотъ мигъ одинъ образъ всталъ въ моихъ воспоминаніяхъ: картина флорентинскаго художника Сандро Филиппепи, которую видѣлъ я въ Римѣ, случайно, у одного вельможи. На полотнѣ изображена каменная стѣна, изъ простыхъ, крѣпко пригнанныхъ другъ къ другу, глыбъ; сводчатый входъ плотно запертъ желѣзными воротами; и передъ входомъ, на выступѣ, сидитъ покинутая женщина, опустивъ голову на руки, въ безутѣшности горя. Лица ея не видно, — только темные волосы. Близъ разбросаны одежды. И нигдѣ никого болѣе.

Та картина произвела на меня впечатлѣніе сильнѣйшее, не знаю, потому ли, что живописецъ сумѣлъ въ ней передать чувства съ особой остротой, или потому, что я смотрѣлъ на нее въ день, когда самъ переживалъ большую скорбь, — но я ни разу не могъ вспомнить объ этомъ произведеніи безъ того, чтобы мое сердце не сжалось болѣзненно и горечь не подступила къ горлу. И когда я увидѣлъ, какъ Рената сидитъ въ томъ же самомъ положеніи, уронивъ голову, и рыдаетъ съ той же безутѣшностью,— оба образа, и явленный мнѣ жизнью и тотъ, который создалъ художникъ, налегли для меня одинъ на другой, слились, и нынѣ живутъ въ моей душѣ неразрывно. Тогда же, едва только я представилъ себѣ Ренату опять одинокой, покинутой, предъ неумолимо запертыми воротами, — жалость неисчерпаемая хлынула въ мое сердце, и, снова ставъ на колѣни, я осторожно отвелъ руки Ренаты отъ ея лица, и сказалъ ей, задыхаясь самъ, но торжественно:

— Простите меня, благородная дама. Дѣйствительно, овладѣлъ мною демонъ и ослѣпилъ мои чувства. Клянусь вамъ спасеніемъ моей души, что ничто подобное не повторится болѣе! Примите меня вновь, какъ своего вѣрнаго и покорнаго служителя, или какъ своего старшаго, но усерднаго брата.

Рената подняла голову и посмотрѣла на меня, сначала какъ затравленный звѣрокъ на охотника, выпускающаго его на волю,

потомъ довѣрчиво и дѣтски, потомъ охватила ласково мое лицо своими ладонями и отвѣтила:

— Рупрехтъ, милый Рупрехтъ! Ты не долженъ на меня сердиться и требовать отъ меня того, чего я дать не могу. Я все отдала своему небесному другу, и для людей у меня не осталось больше ни поцѣлуевъ, ни страстныхъ словъ. Я—опустошенная корзина, изъ которой другой взялъ всѣ цвѣты и плоды, но и пустую ты долженъ ее нести, потому что насъ связала судьба, и братство наше давно записано въ книгѣ Знающихъ.

Я еще разъ поклялся ей не оставлять ее болѣе никогда, какъ клянутся предъ алтаремъ въ часъ обрученія, и клятва моя была честной, хотя позднѣе одно время мнѣ и казалось, что я ее нарушу.

Вставъ затѣмъ съ колѣнъ, я сказалъ, что прощаюсь, и хотѣлъ уйти въ другую нашу комнату, чтобы Рената одна могла отдохнуть свободно. Но она остановила меня, сказавъ:

— Рупрехтъ, мнѣ безъ тебя будетъ страшно: они опять нападутъ на меня и будутъ мучить всю ночь. Ты долженъ остаться со мной.

Не стыдясь, какъ не стыдятся дѣти, Рената быстро сняла платье, скинула обувь и, почти обнаженная, легла въ постель, подъ голубой балдахинъ, призывая меня къ себѣ, и я не зналъ, какъ отказать ей. Эту вторую ночь нашего знакомства мы вновь провели подъ однимъ одѣяломъ, но остались столь же далеки другъ другу, какъ если бы насъ раздѣляли желѣзныя брусья. Когда же случалось, что понятное волненіе побѣждало во мнѣ мою волю, и я, забывъ свои клятвы, опять домогался нѣжности, Рената успокаивала меня словами печальными и холодными, такими безстрастными и черезъ то жестокими, что вся кровь во мнѣ застывала и въ безсиліи я падалъ ницъ, какъ трупъ.

ГЛАВА III.

Какъ мы поселились въ городѣ Кельнѣ и какъ были обмануты таинственными стуками.

Я всегда, когда только можно было, придерживался мудрой поговорки французовъ:

Lever à six, dîner à dix,
Souper à six, coucher à dix,
Fait vivre l'homme dix fois dix.

Поэтому на другой день я проснулся много раньше Ренаты, опять осторожно ускользнулъ изъ ея сонныхъ объятій и прошелъ въ другую комнату. Тамъ, передъ окномъ, въ которомъ сверкалъ на утреннемъ солнцѣ молодой и красивый Дюссельдорфъ, я обсудилъ свое положеніе. Уже чувствовалъ я, что покинуть Ренату нѣтъ у меня силъ и что я или привороженъ къ ней магической силой или естественно увлеченъ въ тонкія сѣти матерью любви, Кипридой.

Мужественно взглянувъ на свое положеніе, какъ воинъ, попавшій въ опасность, я на этотъ разъ такъ сказалъ себѣ: «Что жъ, отдайся этому безумію, если уже ты не можешь преодолѣть его, но будь осмотрителенъ, чтобы не погубить въ этой безднѣ всей своей жизни, а, можетъ быть, и чести. Назначь себѣ заранѣе сроки и предѣлы и остерегись переступать ихъ, когда душа будетъ въ огнѣ и умъ не въ состояніи будетъ говорить».

Я вынулъ изъ пояса зашитыя въ немъ деньги и раздѣлилъ свои сбереженія на три ровныя части: одну часть я порѣшилъ истратить съ Ренатою, другую хотѣлъ отдать отцу и третью оставилъ себѣ, чтобы, вернувшись въ Новую Испанію, начать тамъ

самостоятельную жизнь. Вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлилъ я, что не останусь близъ Ренаты больше трехъ мѣсяцевъ, какой бы ни подулъ на нашу жизнь вѣтеръ, ибо послѣ ночныхъ происшествій не вполнѣ довѣрялъ я ея словамъ о родственникахъ, которые ждутъ ее и въ Кельнѣ: и близкое будущее показало мнѣ скоро, какъ былъ я въ этомъ правъ.

Такъ все обдумавъ, разумно и трезво, я пошелъ къ хозяину гостиницы и за сходную цѣну продалъ ему свою лошадь. Потомъ направился на рѣчную пристань и сторговался съ одной баркой, подымавшейся вверхъ по Рейну съ нидерландскими товарами, чтобы она довезла насъ до Кельна. Затѣмъ пріобрѣлъ нѣсколько нужныхъ въ путешествіи съ дамой вещей, какъ то: двѣ подушки, мягкія одѣяла, съѣстныхъ припасовъ и вина и, наконецъ, вернулся въ гостиницу.

Рената, увидя меня, проявила настоящую радость, и мнѣ показалось, что она уже думала, будто я тайно бѣжалъ, бросивъ ее. Мы завтракали вдвоемъ безпечно, опять не поминая о ночныхъ мученіяхъ, какъ если бы днемъ мы были совсѣмъ другими людьми. Тотчасъ послѣ завтрака перешли мы на барку, такъ какъ была она совсѣмъ готова къ отплытію. Барка была сравнительно большая, крутобокая, двухмачтовая, и намъ была предоставлена на ней обширная каюта, устроенная въ носовой части судна, высоко поднятой и кончавшейся острой крышей. Я устлалъ полъ одѣялами, и въ такомъ помѣщеніи безъ утомленія могъ бы путешествовать посолъ Великаго Могола.

Отъ Дюссельдорфской пристани отчалили мы вскорѣ послѣ полудня и ѣхали до самого Кельна безъ большихъ приключеній, въ теченіе двухъ дней и ночи, проведя часы темноты на якорѣ. За весь этотъ переѣздъ, днемъ и ночью, Рената оставалась очень спокойной и разсудительной, и не было въ ней ни обманчивой веселости, какъ въ день, когда мы направлялись въ Геердтъ, ни темнаго отчаянья, какъ въ ночь, проведенную подъ вывѣской «Im Lewen». Она часто со мной вмѣстѣ прельщалась красотами мѣстъ, мимо которыхъ мы проѣзжали, и вступала со мной въ разговоръ о разныхъ предметахъ общежитія или искусствъ.

Одни изъ словъ, сказанныхъ мнѣ тогда Ренатою, нахожу я нужнымъ записать здѣсь, сколько ихъ помню, ибо позднѣе находилъ я въ нихъ разгадку нѣкоторыхъ ея поступковъ.

Было это, когда владѣлецъ барки, суровый морякъ Морицъ Крокъ, вмѣшался въ нашу бесѣду и разговоръ упалъ на событія, свершавшіяся какъ разъ около того времени въ Мюнстерѣ. Морицъ съ перваго взгляда не казался неистовымъ реформаторомъ, былъ одѣтъ въ обычную матросскую одежду, какъ я самъ, продолжалъ свое торговое дѣло,—но съ такимъ жаромъ заговорилъ онъ о новомъ лейденскомъ пророкѣ, котораго называлъ «Іоанномъ Праведнымъ, возсѣвшимъ на тронъ Давидовъ», что я усомнился,—не изъ перекрещенцевъ ли онъ самъ. Разсказавъ намъ, какъ въ городѣ Мюнстерѣ граждане истребили иконы, органы и всякое церковное имущество, а все свое соединили въ одно, чтобы пользоваться сообща, какъ учредили двѣнадцать старѣйшинъ, по числу колѣнъ израилевыхъ, и во главѣ поставили Іоанна Бейкельсзона и какъ успѣшно отбиваются мюнстерцы, подкрѣпляемые воинствомъ небеснымъ, отъ епископскихъ ландскнехтовъ,—Морицъ продолжалъ, будто говоря проповѣдь:

— Долго мы, люди, голодали и жаждали, и сбывалось на насъ пророчество Іереміи: «Дѣти просили хлѣба и никто не далъ имъ его». Мракъ египетскій обнималъ своды храма, но нынѣ они оглашены побѣднымъ гимномъ. Новый Гедеонъ нанятъ Богомъ въ поденщики по грошу въ сутки и наточилъ серпъ свой, чтобы пожать зажелтѣвшія нивы. Выкованы пики на наковальнѣ Немврода и рухнетъ башня его. Возсталъ Илія въ Іерусалимѣ Новомъ и изыдутъ пророки истинной Апостольской Церкви во всѣ страны — проповѣдать Бога не нѣмого, но живого и глаголющаго!

Я возразилъ осторожно на заносчивую рѣчь, что столь же опасно, если новыя мысли, найденныя людьми учеными, становятся достояніемъ народа, какъ если бы дѣтямъ для игры раздавать кинжалы. Что церковная пышность, а также и многія установленія церкви, можетъ быть и монашество, часто утопающее въ богатствахъ, дѣйствительно не соотвѣтствуютъ самому духу ученія Іисуса Христа, но что нельзя помочь въ этотъ дѣлѣ

мятежомъ и насиліемъ. Что, наконецъ, обновленіе жизни должно произойти не отъ опроверженія догматовъ и не отъ разграбленія князей, но путемъ просвѣщенія умовъ.

Тутъ неожиданно и вступила въ бесѣду Рената, хотя мнѣ казалось, что она совсѣмъ не слушала словъ Морица, занятая просто разсматриваніемъ водныхъ струй, —и сказала:

— Обо всемъ такомъ могутъ говорить только люди, которые никогда и не понимали, что значитъ вѣра. Кто хотя одинъ разъ лично испыталъ, съ какимъ счастіемъ погружается душа въ Бога,—не подумаетъ никогда, что надо ковать пики или точить серпы. Всѣ эти Давиды, идущіе на Веліаровъ, Лютеры, Цвингли и Іоанны—слуги Дьявола и его помощники. Сколько говоримъ мы о преступленіяхъ другихъ, а что если бы обратили мы взоръ на себя, какъ въ зеркало, и увидѣли бы свои грѣхи и свой позоръ? Вѣдь, всѣмъ намъ, каждому, надо было бы ужаснуться и, какъ оленю отъ охотника, бѣжать въ монастырскую келью. Не церковь намъ нужно реформировать, а душу свою, которая неспособна больше молиться Всемогущему и вѣрить въ Его слово, а все хочетъ разсуждать и доказывать. И если ты, Рупрехтъ, мыслишь, какъ этотъ человѣкъ, я не могу оставаться съ тобой ни одной минуты болѣе и предпочту броситься головой впередъ въ эту рѣку, нежели раздѣлять каюту съ еретикомъ.

Слова эти, показавшіяся въ то время мнѣ очень неожиданнмыи, Рената произнесла со страстностью и, порывисто вставъ, быстро отошла отъ насъ. А Морицъ, не безъ подозрительности взглянувъ на меня, тоже пошелъ прочь и началъ покрикивать на своихъ сподручниковъ.

Больше къ такому разговору мы не возвращались, а Морицъ чуждался насъ, и мы были на баркѣ въ полной обособленности, что мнѣ было всего желаннѣе. Послѣ гнѣвныхъ словъ Ренаты старался я выражать ей еще больше внимательности и уступчивости, чтобы явно показать, какъ дорого цѣню ея расположеніе, между прочимъ всю ночь, которую Рената провела въ каютѣ почти безъ сна, до самаго разсвѣта, оставался я около нея и, по ея просьбѣ, тихо гладилъ ее по волосамъ, пока рука моя не онѣмѣла совсѣмъ. Рената, видимо, была признательна мнѣ и

обращалась со мной, какъ въ тѣ часы, такъ и на утро, съ привѣтливостью исключительной. Эта наша дружеская примиренность длилась до самаго пріѣзда въ Кельнъ, когда оборвалась внезапно, какъ снасть подъ взрывомъ бури.

На склонѣ второго дня нашего путешествія выступили вдалекѣ вышки Кельнскихъ церквей, и съ сердечнымъ волненіемъ узнавалъ я и называлъ Ренатѣ и пикъ св. Мартина, и тупую крышу св. Гереона, и башенку братьевъ Миноритовъ, и громадную тяжесть Сенаторскаго дома, и, наконецъ, разорваннаго надвое гиганта, недовершенное величіе Собора Трехъ Царей. Когда приблизились мы еще, и я сталъ различать улицы, знакомые дома и уцѣлѣвшія старыя деревья, вниманіе мое было возбуждено въ высшей степени и готовъ былъ я плакать въ умиленіи, на минуту позабывъ о Ренатѣ. Это обстоятельство, по всему судя, не укрылось отъ ея кошачьей наблюдательности, и тотчасъ она перемѣнила свое ласковое отношеніе ко мнѣ, стала сурова и непреклонна, словно на стужѣ отвердѣвшій стебель.

Наша барка причалила у Нидерландской набережной, среди другихъ судовъ, парусныхъ и гребныхъ, въ часъ наибольшей суматохи на пристани. Попрощавшись съ Морицемъ и выбравшись на берегъ, попали мы изъ нашего отчужденія на палубѣ словно въ первый кругъ Ада Алигіери, гдѣ слышатся

Diverse lingue, orribili fevelle,
Parole di dolore, accenti d'ira,
Voci alte e fioche...

Вездѣ лежали разгруженные товары, боченки и ящики; вездѣ толпились люди, матросы, судорабочіе, приказчики торговыхъ домовъ, носильщики и просто любопытные; тутъ же подъѣзжали телѣжки для перевозки тяжестей; колеса скрипѣли, лошади храпѣли, собаки лаяли, люди шумѣли, кричали и ругались, а насъ окружили и торговцы, и евреи, и носильщики, всѣ предлагая свои услуги. Но только-что выбралъ я среди толпы одного малаго и велѣлъ ему нести наши вещи, какъ, безо всякаго предуготовленія, Рената обратилась ко мнѣ и, совсѣмъ другимъ голосомъ, сказала такъ:

— Теперь я хочу поблагодарить васъ, господинъ рыцарь. Вы оказали мнѣ большую услугу, проводивъ меня сюда. Поѣзжайте же далѣе своимъ путемъ, а я найду себѣ пріютъ въ этомъ городѣ. Прощайте, да хранитъ васъ Богъ.

Я подумалъ, что Рената говоритъ это изъ преувеличенной учтивости, и началъ учтиво возражать ей, но она отвѣтила уже рѣшительно:

— Зачѣмъ вы вмѣшиваетесь въ мою жизнь? Я васъ благодарю за хлопоты и помощь, но болѣе въ нихъ не нуждаюсь.

Потерявшись, ибо тогда я еще мало зналъ душу Ренаты, всю сотканную изъ противорѣчій и неожиданностей, какъ ткань изъ разноцвѣтной пряжи, я напомнилъ клятвы, какими мы обмѣнялись, но Рената въ третій разъ обратилась ко мнѣ, съ негодованіемъ и не безъ грубости.

— Вы—не мой отецъ, и не братъ, и не мужъ: вы не имѣет никакого права удерживать меня близъ себя. Если вы думаете что, истративъ нѣсколько гульденовъ, вы купили мое тѣло, вы заблуждаетесь, такъ какъ я не женщина изъ веселаго дома. Я иду, куда хочу, и угрозами вы не принудите меня быть рядомъ съ вами, когда мнѣ ваше сосѣдство непріятно.

Въ отчаяньи, сталъ я говорить многое, что уже не сумѣю сейчасъ повторить, сначала упрекая Ренату, потомъ униженно ее умоляя и хватая ее за руки, чтобы удержать, но она, съ пренебреженіемъ, а, можетъ быть, и съ брезгливостью, отстранялась отъ меня, отвѣчая коротко, но упорно, что хочетъ остаться одна. Къ нашему спору стали прислушиваться лица постороннія, и, когда я особой настойчивостью побуждалъ Ренату слѣдовать за мною, она пригрозила, что будетъ искать защиты отъ моихъ посягательствъ у городскихъ рейтаровъ или просто у добрыхъ людей.

Тогда, рѣшившись на лицемѣріе, я сказалъ такъ:

— Благородная дама! Рыцарскій долгъ не позволяетъ мнѣ оставить даму одну, вечеромъ, среди чужой для нея толпы. Улицы въ сумерки не безопасны, ибо встрѣчаются и грабители, и безчинствующіе гуляки. Предъ стражей я не боюсь предстать, потому что не знаю за собой никакого преступленія, но сейчасъ

удалиться отъ васъ прочь не соглашусь ни за что. Наконецъ, всѣмъ, что есть святого, я клянусь, что, если завтра утромъ вы того пожелаете, я предоставлю вамъ окончательную свободу, не буду надоѣдать своимъ присутствіемъ и не помыслю слѣдить, куда вы направитесь.

Понявъ, должно быть, что я не уступлю, Рената покорилась мнѣ съ тѣмъ безразличіемъ, съ какимъ слушаются тяжело больные, которымъ все равно, и, запахнувъ свой плащъ, чтобы скрыть лицо, послѣдовала за мной черезъ городскія ворота. Я приказалъ нести вещи къ одной знакомой мнѣ вдовѣ, Мартѣ Рутманъ, которая по смерти мужа тѣмъ промышляла, что отдавала комнаты пріѣзжимъ. Жила она неподалеку отъ церкви св. Цециліи, въ старомъ, невысокомъ двухъэтажномъ домикѣ, сама ютясь внизу, а второй этажъ предоставляя за деньги. Итти къ ней надо было черезъ весь городъ и за все время перехода Рената не обронила ни одного слова и не отогнула края своего капюшона.

Къ моему удивленію, Марта въ загорѣломъ морякѣ признала сразу безбородаго студента, въ былые годы бражничавшаго у нея, обрадовалась мнѣ, какъ родному, и принялась ублажать меня, приговаривая:

— Ахъ, господинъ Рупрехтъ! Чаяла ли я васъ увидѣть? Вотъ за всѣ десять лѣтъ не забывала васъ! Господинъ Герардъ сказывалъ, что вы бѣжали съ ландскнехтами, и я думала, что только косточки ваши бѣлѣются гдѣ-нибудь въ Италіи, въ полѣ. Да какой же вы стали статный, и суровый, и красивый,—ни дать ни взять святой Георгій на иконѣ! Пожалуйте наверхъ: у меня комнаты свободныя и прибранныя: мало дѣла теперь,— всѣ норовятъ въ гостиницы, да и дѣла падаютъ, торговля идетъ на убыль, не какъ прежде бывало.

Я спокойнымъ голосомъ велѣлъ приготовить всѣ комнаты для меня съ моей женой, говоря, что заплачу хорошимъ рейнскимъ золотомъ, и Марта почуявъ въ моемъ кошелькѣ деньги, какъ охотничій песъ дичь, сдѣлалась вдвое почтительнѣе и восхищеннѣе. Пятясь передъ нами, повела она насъ во второй этажъ, но Рената, пока хлопотала Марта, устраивая намъ ночлегъ и

разспрашивая меня съ причитаніями, все изображала нѣмую роль въ комедіи, даже не открывая лица, словно боясь, чтобы ее не узнали. Зато, какъ только мы остались одни, она тотчасъ сказала мнѣ повелительно:

— Ты будешь спать, Рупрехтъ, въ той комнатѣ и не смѣй входить ко мнѣ, пока я не позову.

Я посмотрѣлъ Ренатѣ въ лицо, не возразилъ ни звукомъ, но вышелъ съ такой тяжестью въ душѣ, какъ если бы приговоренъ былъ къ клейменію каленымъ желѣзомъ. Не то хотѣлось мнѣ заплакать, не то избить эту женщину, имѣвшую надо мной странную власть. Я сжималъ зубы и говорилъ себѣ: «Хорошо же, хорошо же: если ты только поддашься мнѣ, я отплачу тебѣ альбомъ за каждый альбъ»—и въ то же время казалось мнѣ райскимъ блаженствомъ опять сидѣть близъ постели Ренаты и гладить ей волосы до изнеможенія руки. Не смѣя нарушить запрета, мучился я въ постели, словно пьяный, для котораго міръ шатается, какъ палуба каравеллы, пока усталость не поборола моихъ горько-злобныхъ думъ. До утра, однако, душили меня кошмары и видѣлось мнѣ—то, какъ геердтская старуха, сѣвъ мнѣ на грудь, хохочетъ и пьетъ кровь, текущую у меня изъ груди, то, какъ Рената съ юношей въ огненныхъ одеждахъ проплываетъ среди гигантскихъ лилій въ голубомъ саду, а я, какъ жаба, ползу за ними, и тяжелые члены мои не отдѣляются отъ земли.

Привычка къ походной жизни подняла меня своимъ барабаномъ все-таки въ обычный часъ, и я успѣлъ привести себя въ порядокъ и освѣжить голову, раньше чѣмъ Рената меня окликнула. Но она позвала меня голосомъ суровымъ и безпощаднымъ, и когда я слушалъ тѣ безнадежныя слова, которыя она мнѣ говорила, казалось мнѣ, что я захлебывалось соленой водой среди океанскихъ волнъ, и нѣтъ на всемъ горизонтѣ ни паруса.

Вотъ что мнѣ сказала Рената, ничѣмъ не поминая о вчерашнемъ намѣреніи покинуть меня:

— Слушай, Рупрехтъ! Мы должны найти Генриха сегодня непремѣнно. Я не хочу ждать болѣе ни одного дня. Мы его

должны разыскать, хотя бы намъ пришлось истоптать весь городъ. Идемъ же!

Слѣдовало бы мнѣ на эту повелительную рѣчь возразить, что мало чѣмъ могу я быть полезенъ въ розыскахъ графа Генриха, не видѣвъ его никогда въ лицо, но таковъ былъ взглядъ Рената, что не нашлось у меня ни словъ ни голоса, и когда она вновь опустивъ капюшонъ, твердо и быстро устремилась на улицу, задвигался я за ней, какъ связанная съ нею тѣнь. И никогда не забуду я тѣхъ изступленныхъ метаній, отъ церкви къ церкви, черезъ всѣ улицы, какія совершили мы въ тотъ день! Не одинъ, а нѣсколько разъ обѣжали мы весь Кельнъ, отъ св. Куниберта до св. Северина и отъ св. Апостоловъ до берега Рейна, при чемъ ясно выказалось, что Рената не въ первый разъ въ этомъ городѣ. Прежде всего повлекла меня она къ Собору, но, помедливъ тамъ недолго, бросилась къ Ратушѣ, обошла ее кругомъ, оглядывая рынокъ и площадь, и, мимо Гюрцениха, почти побѣжала къ древней Капитолійской Маріи. У лепестка этого пышнаго трилистника мы томились нѣкоторое время, молча, и Рената вглядывалась алчными глазами во всѣхъ появлявшихся вдали на улицѣ, а я, близъ нея, напрягалъ всю волю, чтобы казаться безстрастнымъ и безпечнымъ. Потомъ Рената схватила меня за руку и потащила, быстро, быстро, не то преслѣдуя, не то убѣгая отъ погони, сначала къ св. Георгу, гдѣ изумленно посмотрѣли на насъ каменщики, строившіе новую, роскошную паперть, а потомъ къ св. Пантелеону. Еще послѣ встрѣтилъ насъ со святымъ воинствомъ св. Герео́нъ, вздохнули о насъ одиннадцать тысячъ непорочныхъ дѣвъ, почіющихъ со св. Урсулой, взглянуло на насъ громадное око Миноритовъ и, наконецъ, вернулись мы къ набережной Рейна, подъ тѣнь величественной башни св. Мартина, гдѣ Рената ждала съ такой увѣренностью словно ей было предсказано здѣсь свиданіе голосомъ съ Синая, а я тускло всматривался въ суетливую жизнь пристани, видѣлъ, какъ подплываваютъ и отплываютъ суда, какъ нагружаютъ и выгружаютъ разноцвѣтныя барки, какъ люди хлопочутъ и суетятся, все куда-то торопятся и чѣмъ-то заняты, и думалъ о томъ, что нѣтъ имъ никакого

дѣла до двухъ чужестранцевъ, притаившихся у церковной стѣны.

Было, судя по солнцу, далеко за полдень, когда я рѣшился обратиться къ Ренатѣ съ зовомъ:

— Не вернуться ли намъ домой? Вы устали; намъ приготовленъ обѣдъ.

Но Рената взглянула на меня съ презрѣніемъ и отвѣтила:

— Если ты голоденъ, Рупрехтъ, ступай и обѣдай; мнѣ этого не надо.

Вскорѣ опять началось наше безпорядочное бѣганіе изъ улицы въ улицу, но съ каждымъ часомъ оно становивилось все безпорядочнѣе, ибо Рената сама теряла вѣру, хотя съ упорствомъ и съ упрямствомъ еще выполняла свое рѣшеніе: осматривала проходившихъ, медлила на перекресткахъ, заглядывала въ окна домовъ. Передо мной мелькали знакомыя зданія, —и нашъ университетъ, и бурсы, гдѣ, бывало, жили мои сотоварищи, Кнекъ-бурса, Лаврентьевская, у XVI домовъ, и другія церкви,—св. Клары, св. Андрея, св. Петра,—и хотя и прежде Кельнъ былъ знакомъ мнѣ хорошо, но съ этого дня знаю я его такъ, какъ если бы и родился и всю свою жизнь провелъ только въ этомъ городѣ. Скажу, что я, мужчина, привыкшій къ труднымъ переходамъ по степямъ, которому случалось по цѣлымъ суткамъ гнаться за убѣгавшимъ непріятелемъ или напротивъ, самому уходить отъ преслѣдованія,—я чувствовалъ себя обезсилившимъ и почти валился отъ усталости, но Рената казалась неутомимой и неизмѣнной: ею владѣло какое-то безуміе исканія и не было силъ, чтобы остановить ее, и не было доводовъ, чтобы разубѣдить ее. Не помню уже, послѣ какихъ концовъ и круговъ очутились мы, къ вечеру, снова близъ Собора, и тамъ, наконецъ, побѣжденная, Рената, упала на камень, прислонилась къ стѣнѣ и осталась неподвижной.

Я сѣлъ гдѣ-то неподалеку, не смѣя говорить, въ тупой усталости, наполнявшей мнѣ всѣ члены густымъ оловомъ. Надъ моимъ взоромъ высилась сѣрая громада передней части Собора, съ временной крышей, съ неначатыми башнями, но все же торжественная въ своемъ смѣломъ замыслѣ. И, странно,

что въ эту минуту, забывъ о своемъ положеніи и о Ренатѣ, а также объ усталости и голодѣ, сталъ я, какъ это хорошо помню, подробно думать о Соборѣ и его постройкѣ. Я вспоминалъ планы Собора, которые мнѣ случилось видѣть, и разсказы о его созиданіи, имена славнаго мастера Герарда и его преподобія архіепископа Генриха фонъ-Вирнсбурга, и рѣшалъ про себя, что никогда этому зданію, какъ и братьямъ его, Собору св. Петра въ Римѣ и Собору Рождества Пресвятой Богородицы въ Миланѣ, не суждено воздвигнуться въ его настоящемъ величіи: поднять на высоту тѣ тяжести, какія нужны для его окончанія, и вывести въ совершенствѣ задуманныя стрѣльчатыя башни, это—задачи, далеко превышающія наши силы и средства. Если же когда-либо человѣческая наука и строительное искусство достигнутъ такой мѣры совершенства, что все это станетъ возможнымъ и легкимъ, люди, конечно, настолько утеряютъ первоначальную вѣру, что не захотятъ трудиться, чтобы возвысить Божій Домъ.

Мое раздуміе нарушила сама Рената, которая сказала мнѣ коротко и просто:

— Рупрехтъ, пойдемъ домой.

Я поднялся съ трудомъ и шелъ за Ренатою, какъ въ оковахъ, но я ошибался тогда, думая, не безъ облегченія, что на этотъ день всѣ происшествія кончились: самое поразительное еще стерегло насъ впереди.

Когда мы добрались къ себѣ, я приказалъ Мартѣ приготовить намъ ѣсть, но Рената почти не хотѣла прикоснуться ни къ чему, и словно съ большимъ трудомъ, проглотила нѣсколько вареныхъ бобовъ, и отпила не больше двухъ глотковъ вина. Потомъ, въ полномъ безсиліи, перебралась на постель и простерлась на ней, какъ параличная, слабо отстраняя мои прикосновенія и только шевеля отрицательно головой на всѣ мои слова. Я же, приблизившись, опустился близъ кровати на колѣни, и смотрѣлъ, молча, въ ея глаза, вдругъ остановившіеся и утратившіе смыслъ и выраженіе, — и такъ оставался долго, въ этомъ положеніи, ставшемъ съ тѣхъ поръ на многія недѣли обычнымъ для меня.

Этотъ-то часъ и былъ избранъ судьбой, чтобы присоединить къ цѣпи, увлекавшей меня въ погибель, новое звено и чтобы впервые сдѣлать меня изъ зрителя и наблюдателя дьявольскихъ козней—ихъ участникомъ и сообщникомъ. И я хочу съ такой же откровенностью, съ какой разсказываю въ этой тетради о себѣ все, дурное и доброе, передать здѣсь и это событіе, чтобы показать, какъ умѣетъ Дьяволъ чуть замѣтно совращать человѣка на свои пути.

Когда такъ были мы погружены во мракъ и безмолвіе, словно въ какую черную глубину,—вдругъ раздался надъ нами въ стѣну странный и совершенно единственный трещащій стукъ Я удивленно повелъ глазами, ибо, кромѣ насъ двоихъ, въ комнатѣ никого не было, и сначала не сказалъ ничего. Но, спустя нѣкоторый промежутокъ времени, когда тотъ же стукъ повторился вторично, я спросилъ у Ренаты тихо:

— Слышите ли вы стукъ? Что это можетъ быть?

Рената отвѣчала мнѣ какимъ-то безразличнымъ голосомъ:

— Это ничего. Это часто бываетъ. Это—маленькіе.

Я переспросилъ ее:

— Какіе маленькіе?

Она отвѣчала мнѣ спокойно:

— Маленькіе демоны.

Такимъ отвѣтомъ былъ я заинтересованъ настолько, что, хоть и смущало меня тревожить обезсилѣвшую Ренату, однако, отважился я ее разспрашивать, видя, что она знаетъ нѣчто такое, о чемъ я имѣю понятіе лишь очень смутное. Съ большой неохотой, медленно и съ затрудненіемъ выговаривая слова, передала мнѣ Рената, что демоны низшіе, всегда вращаясь въ кругу людей, иногда даютъ о себѣ знать тѣмъ, кто не охраненъ отъ ихъ вліянія, стуками въ стѣны и въ разные предметы или же передвигая разныя вещи. При этомъ Рената прибавила, что когда были у нея глаза открыты на міръ тайный, при близости ея съ Мадіэлемъ, она даже видѣла сама этихъ духовъ, всегда имѣющихъ видъ, какъ люди, и одѣтыхъ, въ противоположность ангеламъ, въ плащи не свѣтлаго и не яркаго, а темнаго, сѣраго или дымно-чернаго цвѣта, причемъ, однако, они окружены какъ бы

нѣкоторымъ сіяніемъ, и, передвигаясь, скорѣе беззвучно плывутъ, чѣмъ идутъ, а, исчезая, таютъ какъ облако.

Не долженъ я скрыть и, скажу теперь же, что позднѣе Рената дала мнѣ другое объясненіе такихъ стуковъ, которое многимъ покажется, быть можетъ, болѣе простымъ и естественнымъ, но по всему я сужу, что истиннымъ было это, первое, и что, если ошибалась она, то лишь въ томъ, что не усматривала въ нихъ обычныхъ хитростей Дьявола, ищущаго запутать душу въ своихъ сомнительныхъ тенетахъ. Тогда же не было у меня времени даже обсуждать сказанное, такъ какъ весь отдался я чувству изумленія, какъ близокъ отъ насъ міръ демоновъ, который для многихъ кажется лежащимъ какъ бы по ту сторону какого-то недоступнаго океана, переплываемаго лишь въ ладьяхъ магіи и гаданія. Ктому же во время рѣчи Ренаты надъ ея постелью въ стѣнѣ раздавались веселыя постукиванія, словно подтверждавшія ея показанія. Но такъ какъ никогда и ни въ какихъ обстоятельствахъ моей жизни не угасалъ во мнѣ пламенникъ свободнаго изслѣдованія, возженный въ моей душѣ книгами великихъ гуманистовъ, то, обращаясь къ стучащему существу, спросилъ я его съ крайней смѣлостью:

— Если ты, производящій стуки, дѣйствительно демонъ, и если ты слышишь мои слова, постучи три раза.

Тотчасъ отчетливо раздалось три удара, и въ тотъ мигъ это было такъ страшно, какъ если бы незримый молотокъ ударялъ меня сквозь черепъ по мозгу. Но, быстро преодолѣвъ это малодушіе, я съ новой отвагой, не сознавая той темной бездны, къ которой толкалъ самъ себя, спросилъ снова:

— Ты другъ намъ или врагъ? Если другъ—постучи три раза.

Тотчасъ раздалось три удара. Послѣ этого и Рената приподнялась въ постели и глаза ея стали живыми, и она спросила:

— Именемъ Бога заклинаю тебя, стучащій, скажи: знаешь ли ты что о господинѣ моемъ, графѣ Генрихѣ? Если знаешь, ударь три раза.

Раздалось три удара.

Тогда неудержная дрожь охватила Ренату и, сидя, схвативъ руку мою и сдавивъ ее тонкими пальцами, быстро стала она

задавать незримому нашему собесѣднику одинъ вопросъ за другимъ: гдѣ графъ Генрихъ? вернется ли онъ? увидитъ ли она его? сердится ли онъ на нее?—восклицанія, на которые было очень затруднительно отвѣтить стуками. Но, вмѣшавшись, я постарался внести порядокъ въ бесѣду и установилъ, чтобы всегда три удара значили утвержденіе, а два удара отрицаніе, послѣ чего оставалось намъ только такъ задавать свои вопросы, чтобы можно было разрѣшить ихъ простымъ «да» или «нѣтъ». Мнѣ не казалось въ тотъ часъ, что такое общеніе съ инфернальными силами могло быть грѣховнымъ или даже опаснымъ, даже я готовъ былъ гордиться мною изобрѣтеннымъ новымъ способомъ демономантіи, и между нами и нашимъ невидимымъ гостемъ произошелъ длинный разговоръ.

Мы спросили его: кто онъ, демонъ ли? И онъ отвѣчалъ намъ, что да. Потомъ мы спросили, какъ его зовутъ, и, перебравъ рядъ именъ и всѣ звуки алфавита, узнали, что его имя Элимеръ. Потомъ мы спросили его, знаетъ ли онъ графа Генриха, и онъ отвѣтилъ намъ, что да. Мы спросили, въ Кельнѣ ли графъ Генрихъ, и онъ отвѣтилъ намъ, что нѣтъ. Мы спросили, пріѣдетъ ли графъ Генрихъ въ Кельнъ, и онъ отвѣтилъ намъ, что да. Мы спросили: когда? скоро ли? не сегодня ли? не завтра ли? и узнали, что завтра. Потомъ, продолжая наши разспросы, мы узнали, что должны ждать графа Генриха завтра вечеромъ, не выходя никуда, въ этой самой комнатѣ, что онъ самъ найдетъ путь къ Ренатѣ, что онъ не забылъ ее, не гнѣвается на нее, все простилъ, любитъ ее какъ прежде, хочетъ быть съ ней.

Всѣ эти отвѣты были для Ренаты, какъ слова Спасителя «талиѳа, куми» для мертвой отроковицы. Она тоже ожила и, забывъ объ усталости, неустанно задавала вопросъ за вопросомъ, почти все объ одномъ и томъ же, только немного измѣняя слова, чтобы слышать еще разъ сладкое для себя «да». И когда въ утвердительномъ стукѣ было для нея особенно много надежды, она съ легкимъ стономъ, словно въ упоеніи, откидывалась на подушку, на минуту замирала, какъ послѣ изступленнаго восторга, и тихо говорила мнѣ: «Ты слышалъ, Рупрехтъ, ты слышалъ?»

Такъ продолжалось много больше часа, пока стуки, сначала ставъ болѣе слабыми, словно стучалъ нѣкто утомившійся, не смолкли вовсе. Но и послѣ прекращенія ихъ долго Рената не могла успокоиться и, радостная, повторяла сама себѣ и мнѣ свои вопросы и отвѣты демона, или заставляла ихъ повторять меня, увѣряя: «Вѣдь я знала, что здѣсь увижу Генриха! Вѣдь это я чувствовала и говорила! Потому что я пришла къ предѣлу страданія, и такъ томиться больше мое сердце не могло бы!» При этомъ Рената снисходительно гладила мои волосы и лицо, давала мнѣ цѣловать свою руку, приникала ко мнѣ, словно пріучая себя къ будущимъ ласкамъ своего возлюбленнаго, а мнѣ не было другого выхода изъ моей безнадежности, какъ слушать ея голосъ и касаться губами ея пальцевъ. И это мучительство ея ликованія продолжалось далеко за полночь, несмотря на всю нашу усталость, и я слушалъ, какъ по-дѣтски радовалась Рената, все стоя на колѣняхъ у ея постели, такъ что, когда, наконецъ, сказала она мнѣ итти спать, я едва могъ стоять на затекшихъ ногахъ.

Очень понятно, что вторая моя ночь въ одинокой моей комнатѣ была ничѣмъ не лучше первой и опять было много причинъ, чтобы приступомъ на мою душу шли мысли черныя, закованныя въ желѣзо, съ опущеннымъ забраломъ и взятымъ на перевѣсъ копьемъ. Въ волю предавался я раздумьямъ и о страшной связи, существующей между жизнью человѣковъ и жизнью демоновъ, и о новомъ пути, на который неожиданно свернули событія послѣднихъ дней.

И вотъ какую попытку сдѣлалъ я на слѣдующее утро, сказавъ себѣ, что при пораженіи разбитый долженъ надѣяться только на свою крайнюю покорность и на милость побѣдителя. Когда Рената позвала меня къ себѣ, я произнесъ слѣдующую рѣчь, обдуманную тщательно и подготовленную вполнѣ:

— Благородная дама! Я хочу высказать открыто то, что, конечно, вы угадали въ моемъ молчаніи. Не простая услужливость и не рыцарскій долгъ удерживаютъ меня долѣе близъ васъ, но нѣчто гораздо большее, чувство, котораго нечего стыдиться ни мужчинамъ, ни женщинамъ. Я вамъ давалъ клятву быть вѣр-

нымъ служителемъ и усерднымъ братомъ, но я для васъ еще всегда останусь благоговѣйнымъ поклонникомъ. Узнавъ васъ, я понялъ въ совершенствѣ, что никогда не пожелаю я быть близъ другой женщины, и нисколько не удерживаетъ меня все то, что вы мнѣ открыли о вашей любви. Ибо я не надѣюсь ни на что дерзкое, но болѣе не могу быть безъ васъ и хочу иногда цѣловать ваши рукава или слѣдить за вашей походкой. Что бы ни случилось, даже если суждено вамъ стать счастливой, возьмите меня на службу къ себѣ, позвольте быть вашимъ тѣлохранителемъ и защищать этой рукой отъ опасности васъ и вашего избранника.

Не скажу, чтобы все до конца въ этой рѣчи, немного преувеличенной, было искренно, и что я дѣйствительно желалъ бы исполнить сказанное мною, но все же по такому именно склону катились мои думы, хотя и не достигая до дна,—а если бы Рената потребовала осуществленія моихъ обѣщаній, я, можетъ быть, и исполнилъ бы воистину все то, что предлагалъ лишь какъ на театрѣ. Но Рената, выслушавъ меня нахмуренно, отвѣтила мнѣ такъ:

— Ни о чемъ подобномъ не смѣй думать, Рупрехтъ. Ты—послѣдняя тѣнь этой поры моей жизни, слишкомъ наполненной тѣнями. Я возвращаюсь въ свѣтъ, и ты долженъ исчезнуть, какъ весь ночной мракъ при появленіи солнца. Неужели ты думаешь, что, когда со мной будетъ Генрихъ, я смогу смотрѣть на тебя и знать, что ты цѣловалъ мои руки и лежалъ въ одной постели со мной? Нѣтъ, какъ только Генрихъ переступитъ порогъ, ты долженъ будешь выйти въ другую дверь, уѣхать изъ этого города, уйти въ свою неизвѣстность, такъ, чтобы я не узнала о тебѣ болѣе ничего и никогда! Въ этомъ ты мнѣ долженъ поклясться крестными муками нашего Спасителя, и если своей клятвѣ ты измѣнишь, да будетъ тебѣ судъ строже, чѣмъ Іудѣ!

Тогда я спросилъ Ренату:

— А что если утромъ, выйдя изъ дома, вы увидите на порогѣ мой трупъ и мой собственный кинжалъ въ моей груди? Что вы скажете обо мнѣ вашему Генриху?

Рената отвѣтила:

— Я скажу, что это, вѣроятно, какой-то пьяный прохожій, и буду рада, когда рейтары уберутъ тѣло.

Послѣ этого я далъ всѣ клятвы, какія она требовала, и уже во всемъ повиновался Ренатѣ безъ спора, хотя самъ не зналъ и не желалъ о томъ думать, какъ поступлю вечеромъ. Рената же была, напротивъ, разсудительна и хлопотлива, какъ я не ожидалъ отъ нея. Она послала меня купить ей платье, такъ какъ кромѣ того, пышнаго, которое она носила постоянно, и синяго дорожнаго плаща, у нея не было другой одежды, а также и разныхъ мелкихъ вещей, какъ для путешествія, такъ и для украшенія лица, видимо, желая воспользоваться всѣми средствами, чтобы быть наиболѣе привлекательной для графа Генриха и наименѣе ему въ тягость. Она выказывала великую заботливость и вниманіе ко всякимъ мелочамъ и заставляла меня много разъ, не смотря на дождь, не стихавшій весь день, возвращаться на рынокъ и переходить отъ одного купца къ другому.

Въ такихъ заботахъ прошло время до вечера, и не было ничего опущеннаго къ тому часу, когда рано наступившія, вслѣдствіе тучъ, сумерки стали наполнять комнату густой темнотой. Не знаю, были ли похожи мои ощущенія на чувства человѣка, перенесшаго въ тюрьмѣ пытку и ожидающаго опредѣленнаго часа, когда поведутъ его на казнь, но во мнѣ было тупое безсиліе и упрямое безмысліе. Я плылъ по минутамъ внизъ, какъ по быстрому потоку лодка, которой не управляетъ никто.

Едва мракъ сгустился ощутительно, какъ снова послышались постукиванія въ стѣну, и Рената съ поспѣшностью спросила, —это ли нашъ вчерашній знакомецъ Элимеръ. Былъ данъ отвѣтъ, что это точно онъ. Тогда началось какъ бы повтореніе вчерашняго вечера, съ той только особенностью, что скоро къ одному стучащему демону присоединились другіе, которые тоже указали намъ свои имена: Рицій, Ульрихъ, еще не упомню. У каждаго изъ нихъ были свои особенности стуковъ: такъ, Элимеръ стучалъ опредѣленно и четко, Рицій чуть слышно, Ульрихъ такими ударами, что можно было бояться, не разрушится ли стѣна. Демоны охотно отвѣчали на всѣ вопросы, сколько то можно было, стуками, и нисколько не смущали ихъ имена свя-

тыхъ и самого Господа Бога, произносимыя Ренатою. При этомъ порою вспыхивали въ разныхъ частяхъ комнаты, у пола, огни, какъ надъ болотомъ, и поднявшись на высоту двухъ локтей, гасли, расплываясь. Но уже душа моя сама увлекалась ко всему тому, что по выраженію Горація scire nefas, и даже явные стигматы Ада не ужасали меня болѣе и не смущали моей воли.

Нынѣ я долженъ сожалѣть, что, отважившись на такое сомнительное дѣло, какъ сношеніе со стучащими демонами, не воспользовался я бесѣдой, чтобы узнать что-либо большее о ихъ природѣ и силѣ. Но былъ я въ тотъ вечеръ, вмѣстѣ съ Ренатою, захваченъ ожидаемымъ приходомъ Генриха, и не нашлось во мнѣ столько любознательности, чтобы вести длинный допросъ. Я успѣлъ только узнать, что въ ихъ мірѣ есть рѣки, и озера, и деревья, и нивы, что живутъ въ немъ частью дьяволы, сотворенные прежде Богомъ благими, послѣ же отпавшіе съ Люциферомъ, а частью—души умершихъ людей, не достойныя Ада, но не получившія надежды Чистилища и осужденныя томиться на землѣ до второго пришествія, что онѣ всегда рады говорить съ людьми, которыхъ видятъ, какъ огонекъ во тьмѣ, но не ко всѣмъ могутъ приступить, а лишь къ тѣмъ, кто на это способенъ.

Вотъ то малое, о чемъ догадался я спросить. Зато Рената всѣмъ изъ говорившихъ задавала безконечное число вопросовъ, впрочемъ, опять сводя всѣ ихъ къ одному: «Правда ли, что Генрихъ сегодня придетъ къ ней», и всѣ отвѣчающіе говорили ей только одно «да». Потомъ Элимеръ сказалъ ей, что ждать Генриха надо въ темнотѣ, которая и была вокругъ насъ; что войдетъ онъ ровно въ полночь; что сейчасъ онъ уже въ городѣ и переодѣвается. При этомъ послѣднемъ отвѣтѣ Рената непремѣнно захотѣла узнать всѣ особенности его новой одежды, и безъ устали поминала всѣ тѣ уборы, какіе носилъ ея Генрихъ, и также называла всѣ части и принадлежности мужского одѣянія и всѣ цвѣта матерій, чтобы могъ Элимеръ простымъ «да» обрисовать весь образъ Генриха. Мы узнали, что на немъ зеленый костюмъ охотника, какой носятъ въ Баваріи, съ коричневыми

застежками, зеленый же капюшонъ, свѣтлый поясъ, унизанный камнями, и синіе сапоги.

Потомъ Элимеръ сказалъ, что Генрихъ уже вышелъ изъ своего дома и идетъ къ намъ, что вотъ онъ проходитъ по одной улицѣ, вотъ по другой, вотъ подходитъ къ двери нашего дома. Мое сердце билось такъ сильно, что я слышалъ его глухіе удары, и въ послѣдній разъ я спросилъ демона:

— Если графъ входитъ въ дверь, постучи три раза.

Раздалось три удара. Я повторилъ:

— Если графъ всходитъ по лѣстницѣ, постучи три раза.

Раздалось три удара. Хриплымъ голосомъ Рената сказала мнѣ:

— Рупрехтъ, уходи и не возвращайся!

Лицо ея показалось мнѣ страшнымъ, и, шатаясь какъ раненый, я пошелъ къ выходу на галлерею, откуда можно было спуститься на дворъ дома, но, примѣтивъ, что Рената не смотритъ на меня, вся упоенная ожиданіемъ, я замедлилъ у двери, ибо неодолимое любопытство побуждало меня хоть разъ взглянуть въ лицо этого, тогда таинственнаго для меня, графа. Но проходили минуты, и графъ не появлялся, и никакихъ шаговъ не было слышно за стѣной, и все кругомъ было тихо и неизмѣнно. Прошло много минутъ, и осторожно я опять подошелъ къ Ренатѣ, стоявшей у стола.

Задыхаясь, Рената спросила:

— Элимеръ! Если Генрихъ близко, ударь три раза!

Отвѣта не было, и она спросила снова:

— Элимеръ! Если ты здѣсь, ударь три раза!

Отвѣта не было, и съ крайнимъ отчаяньемъ Рената воскликнула третій разъ:

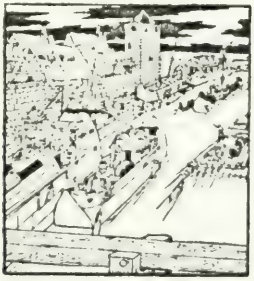
— Рицій! Ульрихъ! Отвѣчайте: придетъ ли мой Генрихъ?

Отвѣта не было.

Вдругъ всѣ силы покинули Ренату, и она упала бы на полъ, какъ сраженная пулей, если бы я не подхватилъ ее. И не знаю, вошелъ ли въ нее тотъ демонъ, съ которымъ мы только-что дружески бесѣдовали, или давній ея врагъ, но только вновь былъ я свидѣтелемъ того ужаснаго мученія, какъ въ деревенской гостиницѣ. Только казалось мнѣ, что на этотъ разъ духъ

находился не во всемъ тѣлѣ Ренаты, но одержалъ лишь часть его, ибо она могла нѣсколько обороняться, хотя все же тѣло ея извивалось ужасно, вывертывая члены такъ, словно кости должны были прорвать мускулы и кожу. Опять не было у меня средствъ помочь подвергнутой пыткѣ, и я только смотрѣлъ на лицо Ренаты, совершенно искаженное, словно бы выглядывалъ изъ ея глазъ нѣкто другой, и на всѣ чудовищные изгибы ея тѣла, пока, наконецъ, добровольно не отпустилъ ее демонъ, и не осталась она у меня въ рукахъ изнеможенной, какъ слабая вѣточка, искрученная въ водоворотѣ. Я перенесъ Ренату въ ея комнату, на постель, гдѣ она рыдала долго и безсильно, на этотъ разъ въ полной нѣмотѣ, въ невозможности вымолвить ни одного слова.

Этимъ кончился второй день нашего пребыванія въ Кельнѣ и пятый день моей близости съ Ренатой. Эти пять дней, несмотря на множество разнообразныхъ событій, вмѣщенныхъ въ нихъ, остались отчеканенными въ моей душѣ съ такой ясностью, что я помню малѣйшія происшествія, почти всѣ слова, сказанныя Ренатою или мною въ отвѣтъ ей, и свои мысли, какъ будто все это происходило лишь вчера. И если бы я не считалъ нужнымъ быть краткимъ, ибо описаніе болѣе поразительныхъ явленій еще стоитъ предо мною, могъ бы я пересказать пережитое мною за это короткое время съ гораздо большими подробностями, нежели сдѣлалъ это здѣсь.



ГЛАВА IV.

Какъ мы жили въ Кельнѣ и что я видѣлъ на шабашѣ.

Вѣроятно, не одни только страданія, какимъ подвергъ Ренату пытавшій ее демонъ, но также и отчаянье, какимъ смѣнились ея обольстительныя надежды, — сдѣлали то, что она обезсилѣла, словно перенеся долгую и сложную болѣзнь. Утромъ, послѣ той ночи, когда тщетно ждали мы графа Генриха, Рената была рѣшительно не въ силахъ подняться съ кровати, не могла пошевелить лѣвой рукой и жаловалась, что въ голову ея словно заколоченъ острый гвоздь,—такъ что пришлось ей нѣсколько дней провести въ постели. Мнѣ было большимъ счастіемъ ухаживать за больной, какъ служителю въ госпиталѣ, кормить и поить ее, какъ слабаго ребенка, оберегать ея усталый сонъ и искать для нея, въ своихъ скудныхъ познаніяхъ по медицинѣ, облегчающихъ боли средствъ. Хотя Рената принимала мои услуги съ обычной для нея королевской небрежностью, однако, и по выраженію ея глазъ, и по отдѣльнымъ словамъ, вправѣ я былъ заключать, что она цѣнитъ мою преданность и мои заботы, чѣмъ былъ я награжденъ съ избыткомъ за всѣ недавнія муки. И послѣ первыхъ пяти дней съ Ренатою, напоминавшихъ неутихающій водоворотъ между скалъ, настали для меня дни тихіе, грустные, но сладостные, такъ всѣ похожіе другъ на друга, что можно было ихъ принять за одинъ день, только отраженный въ нѣсколькихъ зеркалахъ.

Возвращаясь теперь мысленно къ тому времени, чувствую я,

какъ птичьи когти тоски сжимаютъ мнѣ сердце, и готовъ я, съ ропотомъ на Творца, признать воспоминаніе самымъ жестокимъ изъ Его даровъ. Но все же не могу воздержаться, чтобы не описать, хотя бы кратко, и тѣ комнаты, въ которыхъ свершилась вся наша трагическая судьба, и тотъ складъ нашей жизни, который, при всѣхъ перемѣнахъ, сохранялся до рокового часа первой разлуки.

Такъ какъ Рената не заговаривала со мною ни о родственникахъ, которые, будто бы, были у нея въ Кельнѣ, ни о своемъ желаніи покинуть меня, то озаботился я устроить ей возможно болѣе привлекательное жилище. Я выбралъ для нея ту комнату, изъ трехъ, бывшихъ во второмъ этажѣ, которую предназначала Марта для самыхъ знатныхъ изъ своихъ постояльцевъ, почему и обставила ее съ нѣкоторой пышностью. У правой отъ входа стѣны, на небольшомъ возвышеніи, къ которому должно было подыматься по тремъ ступенькамъ, стояла тамъ прекрасная деревянная кровать, съ деревяннымъ же, убраннымъ матеріей, полу-балдахиномъ, подушками, обшитыми кружевами, и атласнымъ одѣяломъ. Другимъ значительнымъ сооруженіемъ былъ здѣсь каминъ изъ цвѣтныхъ изразцовъ, рѣдкой работы, какую не всегда повстрѣчаешь и въ Миланѣ, а у внѣшней стѣны былъ поставленъ большой шкапъ для платья, рѣзной, съ инкрустаціями. Между окнами помѣщался красивый столъ съ изогнутыми ножками, въ углу за кроватью—складной алтарь, и убранство комнаты довершали стулья, аналой для чтенія и большое итальянское зеркало, повѣшанное слѣва отъ входа. Эту обстановку помню я съ отчетливостью крайней,—и сейчасъ, когда пишу эти слова, мнѣ все кажется, что надо лишь встать, отворить дверь,—и я опять войду въ комнату Ренаты и увижу ее, поникшую лицомъ на точеную доску аналоя или прижавшуюся щекой къ холоднымъ, стеклянным кружочкамъ окна.

Комнату Ренаты отъ моей отдѣлялъ узкій коридоръ, выходившій на крытую галлерею, которая окружала половину дома и съ которой по лѣстницѣ можно было сойти прямо внизъ, не проходя черезъ нижній этажъ. Моя комната, отводившаяся Мартой для пріѣзжихъ, менѣе богатыхъ, была обставлена

просто, но все же лучше и привѣтливѣе, нежели комнаты въ торговыхъ гостиницахъ. Затѣмъ была въ нашемъ распоряженіи еще третья, меньшая, комната, совсѣмъ отдѣльная, ходъ въ которую былъ прямо съ площадки внутренней лѣстницы; этой каморкой мы сначала не думали пользоваться, и я оплачивалъ ея цѣну лишь затѣмъ, чтобы избѣжать всякаго сосѣдства. Дѣйствительно, въ уединенномъ домикѣ, гдѣ, кромѣ насъ, жила только Марта, женщина, правда, любившая поболтать, но гостей зазывавшая къ себѣ неохотно, — были мы, даже въ шумномъ и веселомъ Кельнѣ, обособлены отъ людей не менѣе, чѣмъ Мерлинъ въ волшебномъ лѣсу Вивіаны.

Старая Марта была увѣрена, что я услаждаюсь съ молодою женою и, разумѣется, не подозрѣвала вовсе, какъ странно проходили наши дни. Получая отъ меня щедрую плату, охотно и заботливо прислуживала она намъ, исполняя всѣ мои порученія и заботясь о нашемъ столѣ: утромъ, на завтракъ, получали мы обычно яичницу, колбасу, сыръ, яйца, печеные каштаны, свѣжія булки, а вечеромъ, къ обѣду—баранину, поросятъ, гусей, карповъ, щукъ; у меня же при этомъ всегда была бутылка рейнскаго или мальвазіи. Удивляло Марту, что не хотѣлъ я ни съ кѣмъ возобновить знакомства, и неоднократно уговаривала она меня пойти къ престарѣлому Отфриду Герарду, бывшему моему воспитателю, но я, напротивъ, строго запрещалъ разсказывать кому бы то ни было о своемъ прибытіи въ Кельнъ. Впрочемъ, Марта, кажется, не твердо выполняла мой приказъ, потому что порой пытались привѣтствовать меня на улицѣ люди, въ которыхъ признавалъ я не только прежнихъ собутыльниковъ, но даже магистровъ университета,—однако, всегда давалъ понять, что поклонившійся ошибся и принялъ меня за другого.

За время болѣзни Ренаты и въ первые дни ея выздоровленія проводили мы съ ней цѣлые часы въ бесѣдахъ, и теперь она съ охотой слушала мои разсказы о Новой Испаніи, дивясь, какъ много пришлось мнѣ видѣть въ жизни. Иногда ласково касалась она моего лица пальцами, приговаривая, словно обращаясь къ малому ребенку: «Какой ты у меня умный и ученый, Рупрехтъ!». Но долгое время ни однимъ словомъ не намекали

мы ни на графа Генриха, ни на силу враждебныхъ демоновъ, грозившихъ Ренатѣ, и когда,—что случалось нѣсколько разъ,—приходилось намъ вечеромъ, въ темнотѣ, услышать опять знакомыя постукиванія въ стѣну, спѣшили мы вздуть огонь и заговорить о другомъ, причемъ стуки смолкали сами собой. Бывало, впрочемъ, что явная близость незримыхъ враговъ смущала жуткимъ опасеніемъ не только меня, но и Ренату, и тогда она не отсылала меня въ мою комнату, но позволяла провести ночь вмѣстѣ съ ней, —иногда у подножья ея кровати, иногда опять подъ однимъ одѣяломъ, хотя все же, какъ мужчина и женщина, мы оставались чуждыми другъ другу. И я даже находилъ въ этой мучительной близости особую сладость и прелесть, какъ если бы кто наслаждался глубокими порѣзами остраго лезвія, нечувствительно раздѣляющаго тѣло.

Къ самому концу августа Рената поправилась настолько, что мы стали совершать прогулки по городу, и большею частью шли на берегъ Рейна, куда-нибудь вверхъ по теченію, за Ганзейскую пристань, и тамъ, сидя на землѣ, смотрѣли на всесильныя, темныя воды великой рѣки, неизмѣнныя со временъ перешедшаго ихъ Кесаря, но смѣняющіяся каждую минуту. Этотъ однообразный видъ, день за днемъ, приводилъ все новыя мысли въ наши головы и новыя слова намъ на уста, и наша бесѣда была столь же неисчерпаема, какъ самъ Рейнъ, хотя возможно и то, что намъ только казалось, будто мы бесѣдуемъ безъ перерыва. Во всякомъ случаѣ я чувствовалъ явно, что весь тотъ хаосъ всякихъ знаній и свѣдѣній, которыя вычиталъ я изъ разныхъ книгъ или собралъ въ перемѣнахъ жизни, — теперь, встрѣчаясь то съ ясной внимательностью Ренаты, то съ ея строгими осужденіями, то съ ея проницательными поправками, сплавлялся постепенно въ одну громадную, но нераздѣльную массу, словно бы изъ расплавленнаго чугуна выливался стройный колоколъ, который можетъ звучать гулко и далеко.

Однако, при всей кротости и покорности Ренаты, въ ней жила неудовлетворимая тоска, не выпускавшая изъ своихъ ядовитыхъ зубовъ ея сердца, такъ что, по мѣрѣ того, какъ крѣпли силы Ренаты, возрождалось въ ней и упорство ея желанія,

устремленнаго, какъ стрѣлка компаса, все къ одной точкѣ. У меня не было иного занятія, какъ слѣдить за ясностью или облачностью на небосклонѣ души Рената, и скоро подмѣтилъ я, что зловѣщіе признаки предвѣщаютъ новый штормъ, такъ какъ уже не былъ неопытнымъ плавателемъ подъ тѣми широтами. Но, хотя и былъ я предупрежденъ, однако, гроза налетѣла опять такъ стремительно, что я не успѣлъ взять рифовъ у парусовъ, и галеасъ моей жизни опять закрутился, какъ дѣтскій волчокъ.

Еще вечеромъ, засыпая послѣ долгой бесѣды, въ теченіе которой касались мы всего, отъ судебъ нашей Имперіи до лирическихъ стихотвореній испанскаго поэта Гарсильясо де ла Вега, говорила мнѣ Рената нѣжно: «Милый Рупрехтъ, наконецъ, я немного отдохнула. Я словно уже умерла, и живу второй, сверхдолжной жизнью. Во мнѣ нѣтъ крови, и не можетъ быть для меня человѣческаго счастья; но въ этомъ мірѣ еще есть твоя внимательность и ласка». Убаюкиваемый такими словами, уснулъ я на деревянныхъ доскахъ помоста, подлѣ кровати Ренаты, слаще, чѣмъ иные на пуховыхъ ложахъ, и, ощущая сквозь сонъ близость атласнаго одѣяла, говорилъ себѣ радостно: «здѣсь она!»

Но, утромъ, проснувшись вдругъ, какъ отъ толчка, увидѣлъ я надъ собой угрюмо-тоскливые глаза Ренаты, сидѣвшей на постели, и ея искривленный ротъ, и, какъ-то сразу понявъ перемѣну, происшедшую въ ней, воскликнулъ съ отчаяньемъ:

— Рената, что съ тобой?

Такъ я обратился къ ней потому, что она сама просила меня называть ее по имени и говорить ей «ты», какъ друзья между собою, но она отвѣчала мнѣ:

— Что же со мною можетъ быть? Ровно ничего,—то же, что и вчера!

Я возразилъ:

— Но отчего у тебя такое печальное лицо?

Рената сказала съ той грубостью, какая всегда проявлялась у нея во время припадковъ тоски:

— А ты воображаешь, что я вѣчно могу смѣяться? Я не изъ тѣхъ людей, которые готовы плясать безо всякаго повода!

Да и чему это мнѣ радоваться? Что такого веселаго въ моей жизни?

Я вышелъ изъ комнаты Ренаты и долго стоялъ у двери на галлерею, смотря на рыжія черепицы сосѣднихъ кровель, и только послѣ значительнаго промежутка времени отважился вернуться къ Ренатѣ и увидѣлъ, что она сидитъ на подоконникѣ, но лицо ея мертвенно и безучастно. Сначала я предложилъ ей завтракать, но она, безъ словъ, покачала головой отрицательно; когда же я позвалъ ее итти на берегъ, она мнѣ сказала сурово:

— На что тебѣ я? Никто тебя не удерживаетъ, — ступай себѣ, если тебѣ забавно бродить по грязнымъ улицамъ, среди вонючей толпы, и хочется убѣдиться, на своемъ ли мѣстѣ Рейнъ!

Считая съ этого разговора, Рената на много дней впала въ черное уныніе, которое нельзя было разсѣять никакими доводами и никакими заботами. Когда я пытался убѣдить ее, что неразумно и губительно предаваться такому отчаянью, она или молчала въ отвѣтъ или рѣзко выставляла мнѣ на видъ все несовершенство и безобразіе міра, обреченнаго грѣху и страданію, сравнительно съ божественной красотой обѣтованнаго Эдема, и указывала, что христіанину радоваться нечему и пристойно только плакать. У нея былъ неистощимый выборъ доводовъ противъ радостей жизни, и ни одинъ магистръ не сумѣлъ бы съ такой ловкостью вести диспутъ, съ какой она доказывала мнѣ, что есть тысячи причинъ отчаяваться,—такъ что я, наконецъ, не находилъ, что возразить, что отвѣтить.

Любимымъ препровожденіемъ времени стало теперь для Ренаты посѣщеніе церквей, куда она уходила, запрещая мнѣ слѣдовать за ней. Но я, конечно, нарушалъ ея волю и, укрываясь за колоннами, слѣдилъ, въ церкви св. Цециліи, или св. Петра, или еще иной, какъ оставалась Рената сведенной въ молитвѣ по цѣлымъ часамъ, устремивъ взоры къ алтарю, выслушивая всю святую мессу безъ единаго движенія. Несмотря на то, что вѣра нашихъ дней и поколеблена сильно реформой и ересями, однако, храмы большею частью бывали полны, какъ скорбными душами, ищущими прибѣжища у Всемогущаго, такъ и праздными посѣти-

телями, пришедшими то по привычкѣ, то, чтобы повидать кумушку, то, чтобы подмигнуть красивой сосѣдкѣ. Весь этотъ разнообразный сбродъ скоро выдѣлилъ насъ, какъ странную пару, и мнѣ случалось слышать, какъ шопотомъ передавали о насъ разные вздорные слухи. Но Рената, конечно, не замѣчала любопытства, ею возбуждаемаго, а я на него не обращалъ вниманія, ибо мнѣ доставляло неизъяснимое наслажденіе только смотрѣть на Ренату и вбирать ея обликъ своими глазами, какъ вбираетъ пьяница губами виноградный сокъ. Здѣсь-то, когда я слушалъ мѣрное пѣніе органа и воображалъ порой, что то шумятъ кругомъ мексиканскіе лѣса, впервые зародилась во мнѣ мысль увезти Ренату за океанъ, и я до сихъ поръ думаю, что, если бы мнѣ удалось исполнить это рѣшеніе, я могъ бы спасти и ея жизнь, и ея душу.

По вечерамъ, которые мы проводили вдвоемъ, намъ довелось теперь перемѣниться ролями, какъ взаимно мѣняются мѣстами бьющіеся на шпагахъ, ибо слушателемъ сталъ я, а мнѣ Рената безъ устали говорила о себѣ, тѣша и муча себя воспоминаніями. Слишкомъ помню я, какъ въ ея пышной комнатѣ мы двое, при свѣтѣ двухъ восковыхъ свѣчъ и при занавѣшенныхъ окнахъ, сидя другъ противъ друга, за стаканами мальвазіи,— ибо Рената, отказываясь отъ пищи, пила вино охотно,—проводили чуть не напролетъ ночи. Снова Рената рѣшилась говорить со мною о графѣ Генрихѣ, разсказывая мнѣ все новыя и новыя подробности объ немъ, описывая его глаза, и брови, и волосы, и тѣло, повторяя его слова, какія ей запомнились, передавая мелкія событія изъ ихъ жизни, изображая мнѣ ихъ взаимныя ласки съ такими подробностями, которыя распаляли мою ревность въ жгучее пламя. Часто начинала Рената сравнивать меня со своимъ возлюбленнымъ, и ей доставляло великое услажденіе выставлять мнѣ на видъ всю низменность моей души, всю обыкновенность моего лица, рядомъ съ ангельскимъ ликомъ Мадіэля и божественностью его мыслей. Нерѣдко изступленность словъ разрѣшалась у Ренаты опять неудержными слезами, которыя заливали ей щеки и смѣшивались съ виномъ въ ея бокалѣ, и мы оба пили эту смѣсь мальвазіи и слезъ, пока, наконецъ, я не уносилъ обезсилен-

ную Ренату на постель, и, тоже плача, цѣловалъ ея ноги и платье.

Такая наша жизнь продолжалась также около недѣли, и я полагаю, что дольше мое сердце не вынесло бы напряженности постоянной боли. Но изступленность чувствъ у Ренаты оборвалась столь же внезапно, какъ внезапно возникла, и послѣ того, какъ въ воскресенье едва ли не весь день провела она на колѣняхъ въ церкви св. Апостоловъ, а вечеромъ съ особой жестокостью осыпала меня попреками,—утромъ въ понедѣльникъ перешла она къ ласковости, хотя, по всѣмъ видимостямъ, притворной, и, вмѣсто того, чтобы итти на мессу, позвала меня, какъ въ другіе дни, на Рейнъ. Я пошелъ не съ легкой душой, и дѣйствительно тѣ наши часы были только изображеніемъ прежней дружественности и только поддѣлкой подъ недавнюю близость. Рената, хотя она—какъ я часто убѣждался — много разъ говорила такое, чего нельзя назвать правдой, совсѣмъ не умѣла лгать, задумавъ ложь, и притворство ея было столь явное, что пробуждало въ душѣ не негодованіе, а сожалѣніе. Я не подавалъ виду, что замѣчаю театральную игру, и ждалъ, къ чему приведетъ такая завязка, пока, дома, Рената, послѣ разныхъ незначительныхъ словъ, не сказала мнѣ:

— Отвѣть, Рупрехтъ, любишь ли ты меня больше спасенія своей души?

Я завѣрилъ ее клятвой, что люблю, интересуясь, къ чему клонится этотъ вопросъ. Но Рената, потребовавъ нѣсколько разъ, чтобы я подтвердилъ свои слова, не хотѣла говорить объ этомъ подробнѣе и только продолжала выказывать мнѣ преувеличенную нѣжность.

Утромъ, во вторникъ (сейчасъ будетъ видно, почему я точно помню, въ какой это было день), неожиданно спросила у меня Рената, чтобы я далъ ей денегъ, и я поспѣшилъ предложить ей золотыя монеты. Но она взяла только нѣсколько серебряныхъ іохимсталеровъ и, накинувъ плащъ, вышла, особенно строго запретивъ мнѣ слѣдовать за ней. Хотя я снова не исполнилъ ея требованія, но ей на этотъ разъ удалось обмануть мою бдительность инквизиторскаго шпіона и затеряться гдѣ-то среди узкихъ переходовъ, близъ рынка. Мнѣ пришлось со все возрастающимъ

безпокойствомъ ждать ее одному, причемъ приходили мнѣ въ голову даже страшныя мысли, что она меня покинула, и только, когда уже вечерѣло, она появилась, очень усталая и очень блѣдная, принеся съ собой небольшой мѣшочекъ съ какими-то вещами. И даже вся радость, совершенно дѣтская, охватившая меня при видѣ вернувшейся Рената, не могла заглушить въ моей душѣ лукаваго голоса любопытства.

Противъ обыкновенія, Рената спросила ѣсть, потомъ хотѣла пить вино, а еще послѣ придумывала другія отсрочки, откладывая задуманный ею разговоръ, и только уже при наступающей темнотѣ, всегда придающей отваги, не безъ торжественности начала говорить. Приблизительно, она мнѣ сказала такъ:

— Милый Рупрехтъ! Ты хорошо видишь, что такъ я жить больше не могу. Вся моя душа изойдетъ слезами: или меня придется положить въ гробъ, или стану я столь некрасива, что сама не захочу показаться на глаза тому, кого люблю. Надо выбрать что-нибудь одно: или жизнь,—и тогда заботиться о жизни, или смерть,—и тогда честно подать ей руку. Но ты знаешь, и видишь, и понялъ, что жить я могу только, если будетъ со мною Генрихъ. Чтобы воскреснуть, мнѣ нужно услышать его голосъ; чтобы стать счастливой, довольно увидѣть его глаза. Съ нимъ я все могу, и мнѣ самое небо отверсто, но безъ него мнѣ дышать трудно, какъ рыбѣ на землѣ. Должно мнѣ найти Генриха, и онъ мнѣ скажетъ, приговорена ли я къ жизни или къ смерти. Но гдѣ же по всѣмъ нѣмецкимъ землямъ искать намъ одного человѣка, который такъ могуществен, что может не быть среди людей? Обѣгать города и селенія въ поискахъ,—не все ли равно, что разбирать стогъ сѣна, чтобы открыть затерянную шелковинку? Не ясно ли, что дѣлать такія попытки, значитъ—искушать Самого Бога?

Изумившись трезвости и послѣдовательности рѣчи Ренаты, которая въ иные часы могла говорить какъ хорошій схоластъ, я отвѣтилъ, что нахожу ея разсужденія правильными и жду, какое ergo дѣлаетъ она изъ своихъ quia. Тогда, голосомъ, болѣе взволнованнымъ, и съ лицомъ, воодушевленнымъ болѣе, Рената заговорила такъ:

— Ты видѣлъ также, Рупрехтъ, что я молилась. Я возсылала Творцу всѣ мольбы, какія умѣла, и давала всѣ обѣты, выполнить которые въ силахъ женщина, а можетъ быть и большіе! Но Господь остался глухъ къ моему ропоту и есть только одна сила, которая можетъ мнѣ помочь—и Одинъ, къ которому надлежитъ мнѣ обратиться. Но никогда не соглашусь я осквернить свою душу смертнымъ грѣхомъ, ибо душа моя отдана Генриху, а онъ—свѣтлый, онъ—чистый, и ничто темное не должно къ нему прикасаться. Поэтому ты, Рупрехтъ, который поклялся, что любишь меня больше спасенія души, долженъ принять и этотъ грѣхъ, и эту жертву на себя.

Первоначально я не понялъ до конца этой рѣчи и переспросилъ Ренату, о какой Силѣ и какомъ Другомъ думаетъ она, но Рената смотрѣла на меня загадочно, съ лицомъ, какъ на изваяніяхъ майевъ, и только приближала ко мнѣ свои большіе глаза, не говоря ни слова, пока вдругъ я не понялъ и не вскричалъ:

— Ты говоришь о Дьяволѣ, Рената!

И Рената отвѣтила мнѣ:

— Да!

Тутъ между нами произошелъ споръ. Какъ ни былъ я опутанъ страстью къ этой женщинѣ, какъ ни готовъ былъ повиноваться единому ея знаку, чтобы сдѣлать ей угодное, но такое неслыханное требованіе всколыхнуло всю мою душу до самыхъ ея глубинъ. Я сказалъ прежде всего, что врядъ ли Господь Богъ не сумѣетъ отличить истиннаго виновнаго, и что, если даже я погублю свою душу, прибѣгнувъ къ содѣйствію Врага Человѣческаго, то не менѣе погубитъ и она свою, посылая на это дѣло меня, ибо убійца даже менѣе виноватъ, нежели подкупившій его; далѣе,—что врядъ ли и самъ владыка Ада можетъ оказать какую-либо помощь въ такомъ предпріятіи, ибо занятъ онъ уловленіемъ человѣческихъ душъ, а не переписью населенія, кто гдѣ живетъ, да кому же графъ Генрихъ, будучи, по описанію самой Ренаты, святымъ, конечно, не подвластенъ силамъ преисподней и, по волѣ, можетъ ослѣпить и отвести взоры слугъ Вельзевула; наконецъ, — что я рѣшительно не знаю путей въ Тартаръ, что многое въ разсказахъ о пак-

тахъ и договорахъ съ Дьяволомъ, есть бабьи сказки, что, можетъ быть, самая магія есть лишь обманъ и заблужденіе, и что, во всякомъ случаѣ, не легко нанять проводника, который добросовѣстно укажетъ дорогу прямо къ Сатанѣ.

Такъ говорилъ я въ раздраженіи, порой самъ не вѣря въ свои слова и впервые здѣсь допустивъ въ обращеніи съ Ренатой даже грубое и насмѣшливое, но она, возражая мнѣ слабо, предложила мнѣ смотрѣть, что она будетъ дѣлать. Изъ принесеннаго ею мѣшочка достала она нѣсколько вѣточекъ: вереска, вербены, волкозуба, лебеды и еще какой-то травы съ бѣлыми цвѣтами, названія которой я не зналъ. Лѣвой рукой Рената сорвала съ вѣточекъ лепестки и бросила ихъ черезъ голову на полъ, но потомъ вновь подобрала и расположила на столѣ кругомъ. Потомъ посерединѣ этого круга воткнула ножъ, обвязала его ручку веревкой, передала эту веревку мнѣ и сказала, глядя на меня внимательно:

— Прикажи трижды, чтобы она доилась, во имя Его.

Я, смотрѣвшій молча на всѣ эти вѣдьмовскія затѣи, невольно проговорилъ трижды:

— Во имя Дьявола, доись!

Тотчасъ изъ-подъ ножа вытекло нѣсколько капель молока, а Рената радостно всплеснула руками, охватила меня за плечи и воскликнула:

— Рупрехтъ! милый Рупрехтъ! ты можешь! въ тебѣ есть сила!

Я, совсѣмъ въ гнѣвѣ, потребовалъ, чтобы она не морочила меня фокусами, но Рената, перемѣнивъ свой ликующій голосъ на ласкательный, стала уговаривать меня, прижимаясь ко мнѣ, какъ къ возлюбленному, и заглядывая мнѣ въ лицо:

— Рупрехтъ! Что значитъ спасеніе души, если ты меня любишь? Не должна ли любовь быть выше всего, и не должно ли приносить ей въ жертву все, даже Райское блаженство? Сдѣлай, что я хочу, для меня, и послѣ Генриха ты будешь для меня первый во всемъ мірѣ. И, кто знаетъ, можетъ быть Судія Праведный не осудитъ тебя за то, что ты возлюбилъ много, и осудитъ тебя не на вѣчную Геенну, но лишь на временныя муки Чистилища. А я съ моимъ Мадіэлемъ,—клянусь тебѣ въ этомъ

дѣвствомъ Богородицы,—не забуду возсылать за тебя моленія даже въ кущахъ Рая!

Я могъ бы сказать, что поддался обольщенію женщины, какъ Сампсонъ Далилы или Геркулесъ Омфалы, но, не желая лгать, признаюсь, что два соображенія быстро пришли мнѣ на умъ. Первое, — что, дѣйствительно, грѣхъ, совершаемый за другого, тяжелъ лишь вполовину на вѣсахъ Справедливости, и второе,— что, можетъ быть, въ согласіи моемъ не будетъ и никакого реальнаго грѣха, ибо врядъ ли Рената въ самомъ дѣлѣ найдетъ способы поставить меня предъ лицомъ Дьявола. Поэтому я не только уступилъ нѣжной настойчивости, но и, какъ хладнокровный игрокъ, сдѣлалъ важную ставку, отвѣтивъ, наконецъ, Ренатѣ, что отказывать ея просьбамъ нѣтъ у меня силъ и что ея счастію готовъ я пожертвовать своей жизнью, этой и вѣчной. Но Рената, когда я произнесъ это свое торжественное обѣщаніе, стала глубоко-строгой, и вдругъ, преклонившись предо мною до земли, униженно поцѣловала мнѣ колѣни, такъ что охватило мою душу и смущеніе и стыдъ, и я не зналъ, что дѣлать или что говорить, и воистину пожелалъ отдать за нея и жизнь и душу!

Все, что произошло затѣмъ, хочу я описать съ особымъ тщаніемъ, ибо придется мнѣ разсказывать о вещахъ спорныхъ, многими въ наши дни подвергаемыхъ сомнѣнію и для меня самого не вполнѣ уясненныхъ. До сихъ поръ, отойдя уже на далекое разстояніе отъ того дня, не умѣю я сказать съ полной увѣренностью, было ли все пережитое мною — страшной правдой или не менѣе страшнымъ кошмаромъ, созданіемъ воображенія, и согрѣшилъ ли я передъ Христомъ дѣломъ и словомъ, или только помышленіемъ. Хотя самъ я и склоняюсь ко второму мнѣнію, но не въ такой мѣрѣ, чтобы не искать прибѣжища у милосердія Божія, которое, будучи неисчерпаемымъ, одно можетъ оправдать меня въ случаѣ, если не призрачны были для меня ужасы и кощунства той ночи. Поэтому воздержусь я отъ всякаго рѣшенія и буду пересказывать все, что сохранила мнѣ память, — такъ, какъ если бъ то была явная дѣйствительность.

Съ утра среды Рената стала готовить меня къ принятому мною на себя дѣлу и, постепенно, словно случайно упоминая то объ одномъ, то о другомъ, знакомить меня съ черной сущностью всего, что я долженъ былъ исполнить, и о чемъ я зналъ лишь весьма неопредѣленно. Не безъ содраганія и отвращенія узналъ я, что избранный ею путь общенія съ Дьяволомъ есть посѣщеніе мерзостныхъ плясокъ шабаша, гдѣ Князь Тьмы является вѣрнымъ ему, и что должно будетъ мнѣ произнести слова богохульныя и выполнить обряды постыдные. Но въ то же время соблазнъ любопытства, которое Ѳома Аквинскій называетъ пятымъ изъ смертныхъ грѣховъ, разгорался во мнѣ настолько яростнѣе, что я самъ выспрашивалъ у Ренаты мелкія подробности о томъ, что могло ожидать меня на собраніи, и сердце мое билось столь же упоительно, какъ у мальчика, впервые идущаго въ объятія сладострастія. Прибавлю еще, что въ такой мѣрѣ былъ я тогда ослѣпленъ страстью къ Ренатѣ, что, когда, пораженный ея освѣдомленностью въ дѣлахъ вѣдовства, спросилъ внезапно, по своему ли опыту она знаетъ все это, и она отвѣтила мнѣ, что нѣтъ, но изъ признаній одной несчастной, я почти не усомнился въ этомъ отрицаніи и согласенъ былъ вѣрить въ ея чистоту.

Къ вечеру все было у насъ готово, и я болѣе порывался ускорить время, нежели медлилъ. Но Рената, напротивъ, была грустна, какъ Ніобея, порою глаза ея наполнялись слезами и чаще обычнаго прибавляла она къ моему имени слово «милый». Когда же насталъ часъ темноты и мнѣ можно было приступить къ моему запретному дѣлу, проводила меня Рената до двери въ нашу третью уединенную комнату, на порогѣ ея стояла долго, не рѣшаясь разстаться со мной, и, наконецъ, сказала:

— Рупрехтъ, если есть въ тебѣ хотя капля колебанія, оставь это предпріятіе: я отказываюсь отъ своихъ просьбъ и возвращаю тебѣ твои клятвы.

Но меня уже не могли бы остановить ni Rey ni Roche, какъ говорятъ испанцы, и я отвѣтилъ:

— Исполню все, что обѣщалъ тебѣ, и счастливъ, что погибаю за тебя. Вѣрь, что буду смѣлъ и не измѣню ни себѣ, ни тебѣ. Люблю тебя, моя Рената!

Здѣсь въ первый разъ мы сблизили губы и поцѣловались, какъ любовники, а Рената мнѣ сказала:

— Прощай, а я пойду молиться за тебя.

Я выразилъ сомнѣніе, не можетъ ли молитва повредить въ такомъ предпріятіи, но Рената, печально покачавъ головой, сказала:

— Не бойся, такъ какъ ты будешь далеко отсюда. Только самъ остерегайся произносить святыя имена...

Оборвавъ рѣчь, она отстранилась порывисто; я слѣдилъ взоромъ за ней, уходящей, но, когда она скрылась въ свою дверь, почувствовалъ въ себѣ ту ясность ума и рѣшимость воли, какія всегда испытывалъ въ часъ опасности, особенно передъ рѣшительнымъ боемъ. Вспоминая наставленія Ренаты, я затворилъ и заперъ на задвижку дверь комнаты и тщательно закрылъ полотномъ всѣ щели около нея, окно же было раньше завѣшено наглухо. Потомъ, при свѣтѣ сальной лампочки, раскрылъ я ящичекъ съ мазью, данной мнѣ Ренатою, и попытался опредѣлить ея составъ, но зеленоватая, жирная масса не выдавала своей тайны: только исходилъ отъ нея острый запахъ какихъ-то травъ. Раздѣвшись донага, я опустился на полъ, на свой разостланный плащъ, и сталъ сильно втирать себѣ эту мазь въ грудь, въ виски, подъ мышками и между ногъ, повторивъ нѣсколько разъ слова: «emen—hetan, emen—hetan», что значитъ: «здѣсь и тамъ».

Мазь слегка жгла тѣло и отъ ея запаха быстро начала кружиться голова, такъ что скоро я уже плохо сознавалъ, что дѣлаю, руки мои повисли безсильно, а вѣки опустились на глаза. Потомъ сердце начало биться съ такою силою, словно оно на веревкѣ отскакивало отъ моей груди на цѣлый локоть, и это причиняло боль. Еще сознавалъ я, что лежу на полу нашей комнаты, но когда пытался подняться, уже не могъ, и подумалъ: вотъ всѣ и розсказни о шабашѣ оказались вздоромъ и эта чудодѣйственная мазь есть только усыпительное зелье,—но въ тотъ же мигъ все для меня померкло, и я вдругъ увидѣлъ себя или вообразилъ себя высоко надъ землею, въ воздухѣ, совершенно обнаженнымъ, сидящимъ верхомъ, какъ на лошади, на черномъ мохнатомъ козлѣ.

Сначала все у меня въ головѣ туманилось, но потомъ я сдѣ-

лалъ усиліе и вполнѣ овладѣлъ своимъ сознаніемъ, ибо только оно одно могло быть мнѣ проводникомъ и защитникомъ въ чудесномъ путешествіи, которое я совершалъ. Освидѣтельствовавъ животное, которое несло меня черезъ воздушныя сферы, я увидѣлъ, что то былъ совершенно обыкновенный козелъ, явно изъ костей и мяса, съ шерстью, довольно длинной и мѣстами свалявшейся, и только когда, оборотивъ ко мнѣ свою морду, онъ посмотрѣлъ на меня, замѣтилъ я въ его глазахъ нѣчто дьявольское. Тогда не подумалъ я о томъ, какимъ образомъ вышелъ изъ своей комнаты, въ которой хотя и былъ каминъ, но съ трубою очень узкой, однако, позднѣе объяснили мнѣ, что одно это обстоятельство не можетъ служить доказательствомъ призрачности моего путешествія, ибо Дьяволъ есть artifex mirabilis и можетъ съ неуловимой для глаза быстротой раздвигать и снова сдвигать кирпичи печи. Равнымъ образомъ не задумался я во время самого полета надъ вопросомъ, какая сила могла поддерживать существо, столь тяжелое, какъ козелъ, вмѣстѣ съ тяжестью моего тѣла, надъ землею, но теперь думаю, что можно въ этомъ видѣть ту же инфернальную силу, которая позволяла подыматься на воздухъ Симону-волхву, о чемъ свидѣтельствуетъ Святое Писаніе.

Во всякомъ случаѣ, мой адскій конь держался въ струяхъ атмосферы очень прочно и летѣлъ впередъ съ такой стремительностью, что я, дабы не упасть, принужденъ былъ обѣими руками вцѣпиться въ его густую шерсть, а отъ ужасной скорости движенія вѣтеръ свистѣлъ мнѣ мимо ушей и было больно груди и глазамъ. Освоившись съ чувствами летающаго человѣка, сталъ я смотрѣть по сторонамъ и внизъ, замѣтилъ, что держались мы много ниже облаковъ, на высотѣ небольшихъ горъ, и различилъ нѣкоторыя мѣстности и селенія, смѣнявшіяся подо мною, словно на географической картѣ. Разумѣется, я совершенно не могъ участвовать въ выборѣ дороги и покорно несся туда, куда спѣшилъ мой козелъ, но по тому, что не встрѣчалось на нашемъ пути городовъ, заключилъ я, что летѣли мы не по теченію Рейна, но, скорѣе всего, на юго-востокъ, по направленію къ Баваріи.

Полагаю, что воздушное путешествіе длилось не меньше получаса, а то и дольше, потому что успѣлъ я вполнѣ привыкнуть къ своему положенію. Наконецъ, означилась передъ нами изъ мрака уединенная долина между голыми вершинами, освѣщенная страннымъ синеватымъ свѣтомъ и, по мѣрѣ того, какъ мы приближались, слышнѣе становились голоса и виднѣе фигуры различныхъ существъ, сновавшихъ тамъ, по берегу серебрившагося озера. Мой козелъ опустился низко, почти къ землѣ, и, домчавъ меня до самой толпы, неожиданно сронилъ на землю, не съ высокаго разстоянія, но все же такъ, что я почувствовалъ боль ушиба, а самъ исчезъ. Но едва успѣлъ я подняться на ноги, какъ меня окружило нѣсколько изступленныхъ женщинъ, такъ же обнаженныхъ, какъ я, которыя подхватили меня подъ руки, съ криками: «Новый! Новый!».

Меня повлекли черезъ все собраніе, при чемъ глаза мои, ослѣпленные неожиданнымъ свѣтомъ, сперва ничего не различали, кромѣ какихъ-то кривляющихся мордъ, пока не оказался я въ сторонѣ, у опушки лѣса, гдѣ, подъ вѣтвями стараго бука, чернѣла какая-то группа, какъ мнѣ показалось, людей. Тамъ женщины, ведшія меня, остановились, и я увидѣлъ, что то былъ Нѣкто, сидящій на высокомъ деревянномъ тронѣ и окруженный своими приближенными, но во мнѣ не было никакого страха, и я успѣлъ быстро и отчетливо разсмотрѣть его образъ. Сидящій былъ огроменъ ростомъ и до пояса какъ человѣкъ, а ниже какъ козелъ, съ шерстью; ноги завершались копытами, но руки были человѣческія, такъ же, какъ лицо, смугло-красное, словно у апача, съ большими круглыми глазами и недлинной бородкой. Казалось ему на видъ не больше сорока лѣтъ, и было въ выраженіи его что-то грустное и возбуждающее состраданіе, но чувство это исчезало тотчасъ, какъ только взоръ переходилъ выше его поднятаго лба, надъ которымъ изъ черныхъ курчавыхъ волосъ опредѣленно подымалось три рога: два меньшихъ сзади и одинъ большой спереди,—а вокругъ роговъ была надѣта корона, повидимому, серебряная, изливавшая тихое сіяніе, подобное свѣту луны.

Голыя вѣдьмы поставили меня передъ трономъ и воскликнули:

— Мастеръ Леонардъ! Это—новый!

Тогда послышался голосъ, хриплый, лишенный оттѣнковъ, словно бы говорившему непривычно было произносить слова, но сильный и властный, который сказалъ мнѣ:

— Добро пожаловать, сынъ мой. Но приходишь ли ты по доброй волѣ къ намъ?

Я отвѣтилъ, что по доброй волѣ, какъ и подобало отвѣчать мнѣ.

Тогда тотъ же голосъ сталъ задавать мнѣ вопросы, о которыхъ былъ я предупрежденъ, но которые не хочу повторять здѣсь, и шагъ за шагомъ совершилъ я весь кощунственный обрядъ чернаго новиціата. Именно: сначала произнесъ я отреченіе отъ Господа Бога, Его Святой Матери и Дѣвы Маріи, отъ всѣхъ святыхъ Рая и отъ всей вѣры въ Христа, Спасителя міра, а послѣ того далъ мастеру Леонарду два установленныхъ цѣлованія. Для перваго протянулъ онъ мнѣ благосклонно свою руку и, прикасаясь къ ней губами, успѣлъ я подмѣтить одну особенность: пальцы на ней, не исключая большого, были всѣ равной длины, кривые и когтистые, какъ у стервятника. Для второго онъ, вставъ, повернулся ко мнѣ спиной, при чемъ надо мной поднялся его хвостъ, длинный, какъ у осла, а я, ведя свою роль до конца, нагнулся и облобызалъ задъ Козла, черный и издающій противный запахъ, но въ то же время странно напоминающій человѣческое лицо.

Когда же я исполнилъ этотъ ритуалъ, мастеръ Леонардъ, все тѣмъ же своимъ неизмѣннымъ голосомъ, воскликнулъ:

— Радуйся, сынъ мой возлюбленный, пріими знакъ мой на тѣлѣ своемъ и носи его во вѣки вѣковъ, аминь!

И, наклонивъ ко мнѣ свою голову, остріемъ большого рога коснулся онъ моей груди, повыше лѣваго соска, такъ что я испыталъ боль укола, и изъ-подъ моей кожи выступила капля крови.

Тотчасъ приведшія меня вѣдьмы захлопали въ ладоши и закричали отъ радости, а мастеръ Леонардъ, возсѣвъ на тронѣ снова, произнесъ, наконецъ, тѣ роковыя слова, ради которыхъ предсталъ я предъ нимъ:

— Нынѣ проси у меня все, что хочешь, и первое твое желаніе будетъ нами исполнено.

Съ полнымъ самообладаніемъ я сказалъ:

— Хочу узнать и прошу, чтобы ты сказалъ мнѣ это, гдѣ нынѣ находится извѣстный тебѣ графъ Генрихъ фонъ Оттергеймъ, и какъ мнѣ найти его.

Говоря такъ, я посмотрѣлъ въ лицо Сидящему и видѣлъ, что оно омрачилось и стало страшнымъ, и уже не онъ, а кто-то другой, стоявшій близъ трона, низкаго роста и безобразный, отвѣтилъ мнѣ:

— Думаешь ли ты, что мы не знаемъ твоего лицемѣрія? Поберегись играть вещами, которыя сильнѣе тебя самого. А теперь иди и, можетъ быть, послѣ получишь ты отвѣтъ на свой дерзкій вопросъ.

Нисколько не устрашенный грознымъ тономъ, ибо простота и человѣкоподобность всего происходившаго не внушали мнѣ вообще никакого страха, хотѣлъ было я возразить, но мои руководительницы зашептали мнѣ на ухо: «Больше нельзя! послѣ! послѣ!» и почти силой повлекли меня прочь отъ трона.

Скоро очутился я среди пестрой толпы, ликовавшей словно на праздникѣ въ Ивановъ день или на карнавальныхъ веселіяхъ въ Венеціи. Поле, гдѣ происходилъ шабашъ, было довольно обширно и, вѣроятно, часто служило для той же цѣли, ибо все было истоптано, такъ что трава не росла на немъ. Кое-гдѣ, мѣстами, изъ земли подымались огни, горѣвшіе безо всякаго костра, и освѣщавшіе всю мѣстность зеленоватымъ свѣтомъ, похожимъ на свѣтъ отъ фейерверка. Среди этихъ пламеней сновало, прыгало, металось и кривлялось сотни три или четыре существъ, мужчинъ и женщинъ, или совсѣмъ обнаженныхъ, или едва прикрытыхъ рубашками, нѣкоторыя съ восковыми свѣчами въ рукахъ, а также отвратительныхъ животныхъ, имѣвшихъ сходство съ людьми, громадныхъ жабъ, въ зеленыхъ кафтанахъ, волковъ и борзыхъ собакъ, ходившихъ на заднихъ ногахъ, обезьянъ и голенастыхъ птицъ; подъ ногами же вились тамъ и сямъ мерзкія змѣи, ящерицы, саламандры и тритоны. Въ отдаленіи, на самомъ берегу озера, замѣтилъ я маленькихъ дѣтей, которыя, не прини-

мая участія въ общемъ праздникѣ, пасли длинными бѣлыми жердями стадо жабъ меньшаго роста.

Одна изъ голыхъ вѣдьмъ, ведшихъ меня, приняла во мнѣ особое участіе и не захотѣла покинуть, когда другія, втащивъ меня въ толпу, разбѣжались въ стороны. Лицо ея привлекало веселостью и задорностью, а молодое тѣло, хотя и съ повисшими грудями, казалось еще свѣжимъ и чувствительнымъ. Она крѣпко держала меня за руку и льнула ко мнѣ, сообщила, что на ночныхъ собраніяхъ зовутъ ее Сарраской, и уговаривала: «Пойдемъ плясать»,—я же не видѣлъ причины отказать ей.

Тѣмъ временемъ въ толпѣ раздались крики: «Хороводъ! хороводъ!», и всѣ быстро, исполняя привычное дѣло, стали собираться въ три большихъ круга, заключенныхъ одинъ въ другой. Средній изъ нихъ стоялъ такъ, какъ обычно при деревенскихъ хороводахъ, но меньшій и большій, напротивъ, обернувшись лицами во внѣ, а спинами внутрь. Затѣмъ послышались звуки музыки,—флейты, скрипки и барабана,—и началась дьявольская пляска, становившаяся съ каждой минутой все болѣе быстрой, сначала напоминавшая испанскій танецъ de espadas или сарабанду, а потомъ не похожая ни на что. Такъ какъ съ моей подругой попалъ я въ самый внѣшній кругъ хоровода, то могъ видѣть только мелькомъ, что дѣлалось въ другихъ кругахъ: кажется, меньшій все время изступленно вращался слѣва направо, во второмъ участвующіе яростно подпрыгивали, а въ нашемъ главная фигура танца состояла въ томъ, что, становясь въ полоборота и не размыкая рукъ, сосѣди ударяли задомъ другъ друга.

Я совершенно выбился изъ силъ, когда, наконецъ, музыка смолкла и пляска кончилась, но едва танцовавшіе разорвали хороводы, какъ послышались звуки пѣнія, доносившіеся съ той стороны, гдѣ былъ тронъ. Сидящій, сопровождая свое пѣніе звуками арфы, пѣлъ своимъ хриплымъ и тяжелымъ голосомъ нѣкій псаломъ, который всѣ мы слушали въ почтительномъ молчаніи. Когда же онъ смолкъ, всѣ сразу хоромъ запѣли черную литанію, сложенную на подобіе церковной, причемъ на прошенія ея,—въ которыхъ я не могъ разобрать всѣхъ словъ,—

слышались знакомые возгласы: «Miserere nobis!» и «Ora pro nobis!» Тѣмъ временемъ между нами сновали какія-то маленькія, но юркія существа, въ красныхъ бархатныхъ кафтанахъ, унизанныхъ маленькими бубенчиками, и очень ловко разставляли столы, накрывая ихъ бѣлыми скатертями, хотя и видно было, что эти прислужники дѣйствуютъ безъ помощи рукъ.

Сарраска, во время пѣнія отдышавшаяся отъ танца, стала опять теребить и торопить меня.

— Беанъ, беанъ, пойдемъ скорѣе, сядемъ, а то мѣстъ не будетъ, я страшно ѣсть хочу.

Рѣшившись подчиняться всѣмъ обычаямъ этого мѣста, какъ это я вообще дѣлалъ всюду, куда судьба заносила меня, я послѣдовалъ за молодой вѣдьмой, и мы одни изъ первыхъ сѣли за столъ, около котораго были поставлены самыя обыкновенныя деревянныя скамьи. Очень скоро литанія окончилась, и, съ великимъ шумомъ и гиканьемъ, вся ватага послѣдовала нашему примѣру, заполнивъ всѣ скамьи, толкаясь и ссорясь изъ-за мѣстъ. Слуги въ бархатныхъ кафтанахъ стали разставлять по столамъ разныя кушанья, очень простыя: чашки съ супомъ изъ капусты или съ овсянкой, масло, сыръ, тарелки съ хлѣбомъ изъ чернаго проса, крынки молока и кварты вина, которое, когда я его попробовалъ, оказалось кислымъ и низкаго сорта.

Надъ всѣми столами стоялъ несмолкаемый говоръ, хохотъ, свистъ и гоготаніе, но такъ какъ наше мѣсто было въ сторонѣ, то я постарался разспросить Сарраску о разныхъ не совсѣмъ понятныхъ мнѣ подробностяхъ этого празднованія; она же, съ прожорливостью набивая себѣ желудокъ предложенными угощеніями, очень охотно удовлетворяла мое любопытство.

Я спросилъ ее, кто эти служители, подающіе намъ блюда, и она сказала, что это—демоны, притомъ безрукіе и дѣйствующіе съ помощью зубовъ и крыльевъ, которыя они скрываютъ подъ капюшономъ. Тутъ же она подозвала одного изъ этихъ министровъ, чтобъ мнѣ его показать ближе, и странно мнѣ было видѣть, какъ голая женщина вертѣла передо мною невысокаго человѣчка съ тупымъ лицомъ и съ крыльями, какъ у летучей мыши, вмѣсто рукъ.

Потомъ я спросилъ, какъ всѣ не боятся плясать среди столбовъ огня. Но Сарраска расхохоталась и сказала мнѣ, что онъ не жжется, что это только попы пугаютъ, будто адскій огонь причиняетъ великія страданія, а на дѣлѣ онъ вродѣ мыльныхъ пузырей,—и хотѣла тотчасъ потащить меня, чтобы убѣдить въ этомъ, но я остерегся обращать на себя вниманіе всего общества.

Еще спросилъ я, не могутъ ли причинить вреда ползающіе у нашихъ ногъ змѣи и тритоны, но Сарраска, опять хохоча, увѣрила меня, что это—животныя милыя и безвредныя, и тутъ же вытащила изъ-подъ стола змѣю и обкрутила ее вокругъ своей груди; змѣя же ласково лизала ей шею раздвоеннымъ языкомъ и, играя, кусала ея красный сосокъ.

Наконецъ, спросилъ я, случаются ли шабаши болѣе оживленные, нежели сегодня, и при такомъ вопросѣ глаза у Сарраски заблестѣли, и она мнѣ сказала:

— Еще бы! Вѣдь сегодня самое обыкновенное собраніе, какія всегда бываютъ въ среду и пятницу, но что было здѣсь подъ Успеніе или, погоди, что будетъ подъ праздникъ Всѣхъ Святыхъ. Тутъ собирается больше тысячи человѣкъ, крестятъ украденныхъ младенцевъ, справляютъ свадьбы или поминки по умершимъ! То-то бываетъ весело, и плясать, и пѣть, и ласкаться! Волки бываютъ такіе, что ни одинъ мужчина не можетъ съ ними сравниться! А на угощеніе, порой, сами мы варимъ въ молокѣ дѣтское мясо!

При этихъ словахъ, у Сарраски какъ-то по-особенному сверкали во рту бѣлые и острые зубы; когда же я, не безъ отвращенія, переспросилъ: неужели человѣческое мясо такъ вкусно и волчьи ласки такъ пріятны,—она только лукаво засмѣялась въ отвѣтъ. Тогда я спросилъ еще, случалось ли ей испытывать ласки демоновъ и доставляютъ ли они наслажденіе. Она, не стыдясь, заявила мнѣ, что доставляютъ и очень большое, только сѣмя у нихъ холодное, какъ ледъ. Но потомъ она придвинулась ко мнѣ совсѣмъ близко и, безстыдно касаясь рукою частей моего тѣла, стала мнѣ говорить:

— Но что тамъ поминать прошлое, мой беанчикъ? Сегодня я тебя люблю, и ты мнѣ желаннѣе всякаго инкуба. Знаешь,

вотъ огни уже гасятъ и скоро пѣтухъ запоетъ,—пойдемъ-ка со мной.

Когда же я отрицательно покачалъ головой и постарался высвободиться изъ ея объятій, Сарраска спросила меня, отчего я такой печальный. Я сказалъ ей, что мастеръ Леонардъ пообѣщалъ мнѣ дать отвѣтъ на одинъ вопросъ, для меня очень важный, и до сихъ поръ не отвѣтилъ ничего.

Тогда Сарраска сказала мнѣ:

— Ты не грусти, бедничкъ! Прошлую пятницу я была у него невѣстой, и онъ ко мнѣ очень благосклоненъ. Я сейчасъ пойду и спрошу у него: онъ мнѣ не откажетъ.

Сказавъ это, Сарраска соскользнула со скамьи и побѣжала, а я, оставшись одинъ, сталъ осматриваться вокругъ. Дѣйствительно, огни уже погасали и только нѣкоторые изъ нихъ слабо тлѣли у самой земли, и на моихъ глазахъ быстро стали пустѣть скамьи, ибо насталъ мигъ для участниковъ шабаша предаться завершительной и позорнѣйшей части празднества. Нѣжная музыка флейтъ зазвучала надъ лугомъ, и въ сгущавшемся мракѣ руки стали протягиваться къ рукамъ, и сплетенныя тѣла, съ тихими стонами, падать на землю, тутъ же, между столами, и на берегу озера, и въ отдаленіи, подъ вѣтвями деревьевъ. Тамъ видѣлъ я передъ собою безобразное соединеніе юноши со старухой, тамъ гнусную забаву старика съ ребенкомъ, здѣсь безстыдство дѣвушки, отдавшейся волку, или неистовство мужчины, ласкающаго волчиху, или чудовищный клубокъ многихъ тѣлъ, переплетенныхъ въ одной ласкѣ,—и дикіе вскрики вмѣстѣ съ прерывистымъ дыханіемъ неслись со всѣхъ сторонъ, возрастая и заглушая звуки инструментовъ. Скоро весь лугъ обратился въ одинъ ожившій Содомъ, въ новый праздникъ Кодра, или въ страшный домъ сумасшедшихъ, гдѣ всѣ были охвачены яростью сладострастія и бросались другъ на друга, почти не различая, кто это: мужчина, женщина, ребенокъ или демонъ, — и непобѣдимый запахъ похоти подымался отъ этихъ темныхъ роящихся грудъ, опьяняя также и меня, такъ что я чувствовалъ въ себѣ то же мужское безуміе и ту же ненасытную жажду объятія.

Въ этотъ-то мигъ появилась передъ мной Сарраска, ликующая и говоря мнѣ:

— Готово! Готово! Онъ сказалъ мнѣ: «развѣ моя вѣрная служительница не дала ему отвѣта: куда ѣдете, туда и поѣзжайте!» И ужъ если Онъ подтвердилъ, значитъ—вѣрно!

Послѣ этихъ словъ, считая, что печаль моя разсѣяна, вѣдьма, молча, охватила меня руками и повлекла за собою къ опушкѣ лѣса, прижимаясь, какъ ящерица, и шепча мнѣ безсвязныя слова ласки. Соблазнъ сладострастія проникалъ въ меня и черезъ ноздри, и черезъ уши, и черезъ глаза. Сарраска же теплымъ тѣломъ какъ бы опаляла мое тѣло, такъ что безъ сопротивленія давалъ я вести себя. Подъ вѣтвями густого орѣшника мы упали на землю, гдѣ былъ островокъ моха, и я въ ту минуту не помнилъ ни своихъ клятвъ, ни своей любви, а предавался только вожделѣнію, затемняющему разумъ и лишающему воли. Но вдругъ, когда былъ я еще обезсиленъ отъ этихъ чувствъ, прямо передъ собою, среди зелени листьевъ, увидѣлъ я лицо Ренаты— и, какъ молнія, во мнѣ вспыхнуло сознаніе, и меня обожгли мучительно и раскаяніе и ревность. Рената была вполнѣ обнаженной, какъ большинство участниковъ шабаша, и въ лицѣ ея было то же выраженіе чувственной похоти, какъ у другихъ,— и, видимо не замѣчая меня, она искала кого-то, пробираясь черезъ опушку лѣса. Я вскочилъ на ноги, какъ вепрь, вырвавшійся изъ капкана, оттолкнулъ Сарраску, пытавшуюся удержать меня, и кинулся за проходящей съ гнѣвнымъ и скорбнымъ крикомъ:

— Рената! Зачѣмъ ты здѣсь?

Рената, узнавъ меня, словно въ испугѣ, метнулась прочь, исчезая въ темнотѣ, но я устремился за ней и бѣжалъ среди черныхъ кустовъ, простирая руки, изступленный, готовый убить ее, если настигну. Но она, лишь на мигъ появляясь, пропадала опять; стволы деревьевъ загораживали мнѣ дорогу, вѣтви хлестали меня по лицу, а сзади слышались визги, свистъ, и улюлюканье, точно за мною гнались, и все кружилось въ моей головѣ, и, наконецъ, я уже ничего не различалъ вокругъ и упалъ на землю, словно въ глубокій колодецъ, головой внизъ.

Затѣмъ, когда я очнулся и, сдѣлавъ большое усиліе, открылъ глаза и осмотрѣлся, я увидѣлъ, что лежу, одинъ, на полу нашей маленькой комнаты, гдѣ намазалъ себя магическимъ составомъ. Въ воздухѣ еще стоялъ удушливый запахъ этой мази, все тѣло мое ныло, словно бы я разбился, упавъ съ высоты, и боль въ головѣ была такъ сильна, что я едва могъ мыслить. Однако, собравъ всѣ силы, я, присѣвъ, тотчасъ постарался дать себѣ отчетъ, чѣмъ было все то, что наполняло мою память. И довольно долго я сидѣлъ неподвижно, соображая и дѣлая выводы.

ГЛАВА V.

Какъ мы изучали магію.

Доводы шли ко мнѣ съ двухъ разныхъ сторонъ, какъ воины двухъ враждебныхъ партій, и мнѣ не легко было склонить вѣсы моего разумѣнія на одну сторону, потому что на обѣ чаши ихъ я могъ класть все новыя и новыя соображенія.

Съ одной стороны многое говорило за то, что страшный мой полетъ на шабашъ былъ только соннымъ видѣніемъ, вызваннымъ ядовитыми испареніями мази, которой я натеръ свое тѣло. Плащъ, на которомъ я очнулся, былъ измятъ и скомканъ именно такъ, какъ это должно было случиться отъ продолжительнаго на немъ лежанія человѣческаго тѣла. Нигдѣ на моемъ тѣлѣ не было никакихъ слѣдовъ ночного путешествія, особенно же на ногахъ никакихъ царапинъ или ссадинъ отъ пляски босикомъ по лугу и отъ бѣга по лѣсу. Наконецъ,—и это самое важное,—на моей груди не было замѣтно знака отъ укола рогомъ, которымъ, какъ мнѣ казалось, мастеръ Леонардъ поставилъ на мнѣ вѣчное клеймо Дьявола, sigillum diabolicum.

Съ другой стороны, связность и послѣдовательность моихъ воспоминаній далеко превосходили все, что обычно имѣетъ мѣсто по отношенію ко сну. Память сообщала мнѣ такія подробности о бѣсовскихъ игрищахъ, которыя до того времени были мнѣ рѣшительно неизвѣстны и измыслить которыя не было у меня ни малѣйшихъ основаній. Кромѣ того, мнѣ совершенно

ясно представлялось, что участвовалъ я въ хороводѣ вѣдьмъ тѣлесно, а не духомъ, если даже допустить возможность прижизненнаго отдѣленія духа отъ тѣла, что охотно признаетъ божественный Платонъ, но въ чемъ сильно сомнѣвается большинство философовъ.

Наконецъ, пришло мнѣ въ голову, что есть вѣрный способъ разрѣшить мои сомнѣнія. Если все видѣнное мною было реальностью, то Рената, обманувъ меня, слѣдовала за мною въ воздушномъ перелетѣ, и теперь должна была или медлить еще внѣ дома или лежать въ своей постели, столь же утомленной какъ я. Въ новомъ припадкѣ гнѣва и ревности сталъ я поспѣшно приводить себя въ порядокъ и одѣваться, что было мнѣ сдѣлать не легко, такъ какъ руки у меня дрожали и въ глазахъ темнѣло. Черезъ нѣсколько минутъ я уже былъ въ коридорѣ, гдѣ свѣжій воздухъ, хлынувшій мнѣ въ грудь, нѣсколько оживилъ меня, и, съ бьющимся сердцемъ, я отворилъ дверь комнаты Ренаты. Рената спала спокойно на своей высокой кровати, и не было вокругъ никакихъ признаковъ, чтобы она провела эту ночь, подобно мнѣ, какъ не было и запаха мази, который показывалъ бы, что она тоже прибѣгала къ магическимъ натираніямъ.

Въ ту минуту представилось мнѣ это неопровержимымъ доводомъ въ пользу того, что я не покидалъ области сна, но не радость, что ночные мои поступки и слова, какими я губилъ вѣчное спасеніе своей души, были просто грезами,—но подавляющій стыдъ охватилъ тогда меня. Мнѣ представилось до послѣдней степени позорнымъ, что я не сумѣлъ исполнить порученія Ренаты, не смогъ проникнуть до дьявольскаго трона, хотя это такъ легко удается лицамъ, повидимому, ничтожнымъ. Въ то же время я подумалъ, что мой сонъ былъ насланъ, можетъ быть, все-таки самимъ Дьяволомъ, который опять хотѣлъ посмѣяться и поиздѣваться надъ моимъ безсиліемъ,—и эта мысль ударила меня какъ оскорбительная пощечина. И въ то единое мгновеніе, пока я смотрѣлъ на спящую Ренату, во мнѣ и зародилось и сразу окрѣпло то рѣшеніе, которое руководило затѣмъ моими поступками въ теченіе многихъ слѣдующихъ недѣль: попытать свои силы въ открытой борьбѣ съ духами Тьмы, съ ко-

торыми столкнулся я на жизненномъ пути и которые до сихъ поръ швырялись мною, какъ мячомъ.

Между тѣмъ Рената, пробужденная скрипомъ двери, пріоткрыла глаза. Другое чувство—раскаянья, что я могъ заподозрѣть Ренату въ обманѣ,—заставило меня кинуться къ ней стремительно, припасть поцѣлуемъ къ ея рукѣ и говорить ей слова, для нея непонятныя:

— Рената! милая! благодарю тебя! А ты прости меня!

Рената, сквозь сонъ, сначала не могла понять, въ чемъ дѣло, но потомъ вспомнила все и спросила быстро:

— Рупрехтъ, ты былъ? ты видѣлъ? ты спросилъ? Что онъ отвѣтилъ?

Эти жестокіе вопросы, показавшіе мнѣ, что Рената вовсе пренебрегаетъ мною, изнемогавшимъ отъ утомленія, и думаетъ только о своемъ Генрихѣ, нѣсколько отрезвили меня. Я отвѣтилъ, что ея мазь оказалась безсильной, что она только усыпила меня и дала мнѣ только видѣніе шабаша, вмѣсто того, чтобы перенести меня на мѣсто, гдѣ справляютъ свой праздникъ вѣдьмы. Но тутъ же, какъ въ бреду, сталъ я говорить, что теперь беру на себя исполненіе ея дѣла, что не многаго добьешься, обращаясь къ Дьяволу, какъ нищій проситель къ заимодавцу, такъ какъ слушаетъ онъ лишь тѣхъ, кто приказываетъ ему, какъ господинъ слугѣ, что, вообще, въ міръ бѣсовъ должно вступать силами знанія, а не сомнительными чарами волхованія.

Въ томъ возбужденномъ состояніи, въ какомъ я тогда находился, я хотѣлъ немедленно изложить передъ Ренатою цѣлый планъ занятій тайными науками, и только по ея, не разъ повторенному требованію, почти противъ воли, согласился пересказать ей все то, что мнѣ казалось дурнымъ сномъ. Впрочемъ, въ этомъ сообщеніи я утаилъ два обстоятельства: что не устоялъ передъ соблазнами Саррески и что образъ самой Ренаты привидѣлся мнѣ среди другихъ ночныхъ видѣній. Рената отнеслась къ моимъ воспоминаніямъ какъ къ полной дѣйствительности, никакъ не соглашалась со мною, что это только призракъ, и считала, что предсѣдатель ночного пира подтвердилъ слова геердтской ворожеи. Но я безудержно смѣялся и надъ собою, и

надъ Ренатою, и надъ моимъ полетомъ, говоря, что если все это реальность, то нелѣпая, если сонъ, то лживый, если предсказаніе, то изъ него вывести нельзя ровно ничего.

Я готовъ былъ сейчасъ же, безъ малѣйшаго промедленія, приняться за новую, возникшую передо мною задачу, но мнѣ помѣшала неодолимая усталость и послѣднее изнеможеніе. Въ скорости ломота во всѣмъ тѣлѣ и ожесточенная боль въ головѣ заставили меня даже лечь въ постель, и остатокъ того дня я провелъ въ полузабытьи, въ которомъ безпрерывнымъ колесомъ вертѣлись передъ моимъ взоромъ образы шабаша: голыя вѣдьмы, безрукіе демоны, пляски, пиршество, ласки, мастеръ Леонардъ. Помню, черезъ сонъ, какъ время отъ времени подходила къ моей кровати Рената и клала свои холодныя руки на мой разгоряченный лобъ, и мнѣ тогда казалось, что эти невольно нѣжные пальцы мгновенно исцѣляли всю боль.

Утромъ, на слѣдующій день, я проснулся опять бодрымъ и сильнымъ, какъ всегда, но нашелъ въ душѣ свое вчерашнее рѣшеніе пустившимъ прочные корни и раскинувшимъ далеко вѣтви, словно деревцо, въ нѣсколько часовъ выращенное индійскимъ гимнософистомъ. Уже безо всякаго волненія, но совершенно опредѣленно я подтвердилъ Ренатѣ, что намѣренъ заняться изученіемъ магіи, такъ какъ не вижу другого способа оказать ей услугу, какую она ждетъ отъ меня. Рената выслушала меня очень внимательно, и, какъ ни неожиданно было это со стороны той, кто первая увлекла меня къ демономантіи, объявила мнѣ, что рѣшительно возстаетъ противъ моего замысла и не замедлила поставить мнѣ на видъ, съ немалой убѣдительностью, всю трудность, всю опасность, а, можетъ быть, и всю ненужность затѣяннаго мною дѣла.

Такъ Рената говорила мнѣ, что занятія магіей требуютъ долгихъ годовъ и подготовительныхъ знаній, что сокровенныя тайны никогда не довѣряются книгамъ, а только передаются среди посвященныхъ изъ устъ въ уста, отъ учителя къ ученику, что, наконецъ, она не принимаетъ отъ меня такой жертвы, возвращаетъ мнѣ мои обѣщанія. Но у меня на всѣ эти доводы были возраженія: я говорилъ, что, какъ рыцарь, не могу поки-

нуть даму, не использовавъ всѣ мыслимыя средства для ея спасенія; что для внимательнаго глаза и ума однихъ намековъ, сохраненныхъ въ магическихъ сочиненіяхъ, достаточно; что я хочу постичь не всѣ тайны запретныхъ знаній, но лишь получить нѣкоторыя свѣдѣнія для практическихъ цѣлей,—и подобное.

Когда же изъ разговора выяснилось, что я не хочу уступить Рената попыталась напугать меня и, обличая свое близкое знакомство съ магіей, сказала мнѣ приблизительно такъ:

— Ты не знаешь, Рупрехтъ, той области, куда хочешь вступить. Тамъ нѣтъ ничего, кромѣ ужаса, и маги — это самые несчастные изъ людей. Магъ живетъ подъ постоянной угрозой мучительной смерти, только неусыпной дѣятельностью и крайнимъ напряженіемъ воли удерживая яростныхъ духовъ, готовыхъ каждую минуту растерзать его звѣриными челюстями. Цѣлый сонмъ враждебныхъ чудовищъ стережетъ каждый шагъ мага и слѣдитъ, не забудетъ ли онъ, не упуститъ ли онъ какую-либо маленькую предосторожность, чтобы хищно ринуться на него. Представь себѣ заклинателя, проводящаго дни и ночи въ клѣткѣ бѣшеныхъ собакъ или ядовитыхъ змѣй, ярость которыхъ онъ едва обуздываетъ ударами бича и каленымъ желѣзомъ,—вотъ, что такое жизнь мага. И въ награду за эту безпрерывную пытку получаетъ онъ вынужденную службу мелкихъ бѣсовъ, малосвѣдущихъ, далеко не всесильныхъ, всегда коварныхъ, всегда готовыхъ на предательство и на всякую низость.

Эти возраженія Рената были мнѣ сладостны, какъ свѣтъ солнца сквозь дождь, потому что здѣсь, въ первый разъ, увидѣлъ я въ ней заботу о моей судьбѣ, но все же я, не колеблясь, отвѣтилъ:

— Я готовъ согласиться, что все это такъ, но страхъ еще никогда не удерживалъ меня. Злые духи сотворены Богомъ, но лишены Его благодати и, какъ все въ природѣ, кромѣ личной и всемогущей воли Творца, не могутъ не быть подчинены естественнымъ законамъ. Остается только познать эти законы, и мы будемъ въ силахъ управлять демонами, какъ нынѣ пользуемся силами вѣтровъ для движенія кораблей. Нѣтъ сомнѣнія, что вѣтеръ безмѣрно сильнѣе человѣка, и порою буря разби-

ваетъ суда въ щепы, но обычно капитанъ приводитъ свой грузъ къ пристани. Знаю, что я подвергаю нашъ корабль, и тебя на немъ, большой опасности, увеличивая парусность подъ штормомъ, но иного средства у насъ нѣтъ.

Послѣ этихъ моихъ словъ нашъ споръ прекратился.

Скоро пришлось мнѣ убѣдиться, что Рената, возражая мнѣ, говорила многое противъ своего убѣжденія и что магія и тайныя знанія имѣли для нея притягательную силу еще большую, нежели для меня. Однако, сохраняя свою роль, она довольно долгое время дѣлала видъ, что пренебрегаетъ моими занятіями, и не хотѣла оказать мнѣ ни малѣйшей помощи въ работѣ, такъ что приходилось мнѣ, совсѣмъ одному и безо всякихъ совѣтовъ, преодолѣвать первые, какъ всегда самые трудные, повороты новаго пути.

Въ годы моей студенческой жизни былъ мнѣ знакомъ одинъ торговецъ книгами, жившій на Красной Горѣ, старый чудакъ, по имени Яковъ Глокъ, которому я, бывало, когда оставался безъ денегъ, сбывалъ или закладывалъ свои учебники. Въ его-то лавку и задумалъ я закинуть удочку рыбака, ибо помнилъ, что онъ интересовался книгами по астрологіи, по алхиміи и по магіи, кажется, и самъ погруженный въ изысканія философскаго камня.

Лавка Глока не перемѣнилась нисколько за десятъ лѣтъ, и я почувствовалъ себя опять студентомъ, когда, переступивъ порогъ, очутился въ темноватой каморкѣ, съ единственной дверью на улицу и безъ оконъ, набитой ворохами всевозможныхъ книгъ, то старыхъ, писаныхъ, то новыхъ, печатныхъ, то подержанныхъ, то свѣжихъ, то въ пестрыхъ обложкахъ, то въ кожаныхъ переплетахъ съ застежками. Самъ Яковъ Глокъ, среди многоярусныхъ полокъ, аккуратныхъ столбиковъ изъ in-quarto и безпорядочныхъ грудъ изъ боевыхъ листковъ, сидѣлъ на поломанной скамьѣ, владыкою всѣхъ этихъ манускриптовъ, опусковъ и фоліантовъ, запертыхъ въ его лавкѣ, словно вѣтры въ пещерѣ Эола. Увидя меня, Глокъ опустилъ очки на носъ, положилъ гравюру, которую разсматривалъ, на колѣна, повернулъ ко мнѣ небритый подбородокъ и сталъ ждать, что я скажу, конечно, не признавая во мнѣ стараго знакомаго.

Припоминая характеръ Глока, я началъ издалека, назвался проѣзжимъ ученымъ, сказалъ, что много слышалъ о его богатомъ собраніи и что нарочно прибылъ въ городъ Кельнъ, имѣя въ виду написать сочиненіе по нѣкоторымъ вопросамъ богословія, соприкасающимся съ магіей, чтобы пріобрѣсти нужныя книги. Выслушавъ мою рѣчь, Глокъ долго смотрѣлъ на меня, по-стариковски шевеля губами, потомъ поднялъ опять очки на глаза, взялся за гравюру и сказалъ:

— Я торгую только книгами, одобренными Церковью. Поѣзжайте на ярмарку во Франкфуртъ: тамъ вы получите все, что вамъ нужно.

Я понялъ, что старикъ боится, не шпіонъ ли я инквизитора, всячески постарался разувѣрить его въ этомъ и упомянулъ, что въ прежніе годы его торговля славилась на всю Германію тѣмъ, что въ ней, какъ въ сокровищницѣ лидійскаго Креза, можно было найти все на всѣ вкусы.

Поддавшись на лесть, Глокъ заворчалъ въ отвѣтъ:

— Мало ли что прежде бывало! Развѣ нашъ Кельнъ теперь тотъ же? У насъ здѣсь считалось студентовъ столько же, сколько во всѣхъ другихъ нѣмецкихъ университетахъ вмѣстѣ, а теперь меньше, чѣмъ въ любомъ. На что теперь кельнцамъ книги, когда у насъ пошли такіе ректоры, какъ пьяница Боммельхенъ, или когда въ церкви св. Апостоловъ назначаютъ священника, какъ Рейсъ, который не знаетъ толкомъ латинской грамоты!

Такимъ образомъ разговоръ былъ завязанъ; я поддакнулъ старику, напомнилъ ему счастливыя времена Кельна, навелъ его на разговоръ о книгахъ и издателяхъ и покорно цѣлый часъ слушалъ его восхваленія славныхъ печатниковъ, отъ Ульриха Целля до Іоганна Сотера, похвалы несравненнымъ изданіямъ Альдо Мануція и Генриха Этьенна и разсужденія о преимуществахъ разныхъ почерковъ и разныхъ шрифтовъ, какъ готическій, римскій, антиква, батардъ, курсивъ. Въ награду за то, прощаясь со мною, старикъ сказалъ мнѣ болѣе добродушно:

— А вы, милостивый господинъ, заходите еще; мы съ вами пороемся въ этихъ грудахъ,— можетъ, что-нибудь и найдемъ для васъ подходящее: мало ли что мнѣ въ лавку вѣтромъ заноситъ, хе-хе-хе!

На слѣдующій день я, конечно, не приминулъ опять быть у Глока, и онъ встрѣтилъ меня, какъ добраго пріятеля. Опять промучивъ меня разговорами немалое время, онъ потомъ продалъ мнѣ крохотное opusculum, отпечатанное въ Кельнѣ: «Das Geheimniss der heiligen Gertrudis zur Erlangung zeitlicher Schätze u. Güter», одно изъ самыхъ непонятныхъ сочиненій, какія я когда-либо читалъ, и мнѣ совершенно непригодное, причемъ взялъ съ меня за него несообразную цѣну въ пять гульденовъ. Зато еще черезъ день Глокъ уже позволилъ мнѣ рыться въ его сокровищахъ, и я выловилъ тамъ нѣсколько рукописей, наполненныхъ заклинаніями и магическими фигурами, подъ заманчивыми заглавіями: «Buch Mosis und dreifacher Hollenzwang», «Mächtige Beschwörungen der höllischen Geister», «Hauptzwang der Geister zu menschlichen Diensten» и т. под., за которыя всѣ мнѣ пришлось платить очень щедро. Потомъ, продолжая нырять изо дня въ день, какъ ловецъ жемчуга, въ волны книгъ, выловилъ я постепенно, съ благосклонной помощью Глока, чуть не цѣлую библіотеку, при чемъ онъ уговаривалъ меня не гнушаться даже сочиненіями, направленными противъ магіи, каковы, напримѣръ, нелѣпая старая книжка, со скверными рисунками, Ульриха Молитора «De laniis et phitonicis mulieribus», пустое opusculum Мартина Плантша «De sagis maleficiis», знаменитое сочиненіе Инститора и Якова Шпренгера «Malleus maleficarum», прямо имѣющее цѣлью облегчить судьямъ распознаніе, обличеніе и наказаніе вѣдьмъ, и даже трактатъ знаменитаго плохой славой доминиканца, врага гуманистовъ, Якова Гогратена: «Quam graviter peccant quaerentes auxilium a maleficis».

Когда же Глокъ нашелъ, что сбылъ мнѣ весь залежавшійся въ его лавкѣ товаръ, онъ растворилъ передо мною шкафъ, гдѣ хранились у него дѣйствительно научныя сочиненія по этой части, и для меня открылся словно Новый Свѣтъ, еще болѣе поразительный, чѣмъ поля и долины Новой Испаніи. Тутъ, наконецъ, попали въ мои руки творенія Альберта Великаго, Арнольда де Вилланова, Роперія Бакона, Роберта Англійскаго, Ансельма Пармезанскаго, Пикатрикса Испанскаго, сочиненія аббата Тритгемія, въ томъ числѣ его удивительныя «Philosophia

naturalis» и «Antipalus maleficiorum», трудъ Петра Апонскаго «Elementa magica», въ которомъ полнота обзора сочеталась съ ясностью изложенія, и послѣ всего книга, которая привела въ систему всѣ собранныя такимъ образомъ знанія и озарила ихъ свѣтомъ истинно-философскаго отношенія къ явленіямъ: «Henrici Cornelii Agrippae ab Nettesheym, de Occulta Philosophia libri tres» съ рукописной четвертой частью. Это послѣднее сочиненіе Глокъ продалъ мнѣ также по дорогой цѣнѣ, называя изданіе тайнымъ и ссылаясь на то, что на титулѣ не были означены ни мѣсто печатанія, ни годъ; но послѣ узналъ я, что книга была отпечатана въ Кельнѣ, всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, и притомъ съ привилегіей Его Величества Императора,—и только дополнительная четвертая часть представляла нѣкоторую рѣдкость, такъ какъ авторъ, опасаясь преслѣдованій, не рѣшился предать ее типографскому станку.

Впрочемъ, я не сохранилъ дурныхъ чувствъ по отношенію къ Глоку, хотя онъ и много перетаскалъ у меня денегъ и не мало истомилъ меня своими бесѣдами. Въ концѣ концовъ, онъ все же снабдилъ меня всѣми нужными мнѣ пособіями, а въ старческой его болтовнѣ попадалось не мало вещей, для меня не только полезныхъ, но прямо необходимыхъ. Я пропускалъ сквозь уши его рѣчи объ «уксусѣ мудрецовъ», о «головѣ ворона», «львѣ зеленомъ» и «красномъ», о «парусахъ Тезея» и тому подобныхъ вещахъ, для меня лишнихъ, равно какъ и его разсказы о знаменитыхъ алхимикахъ и ихъ баснословныхъ обогащеніяхъ,—но зато ловилъ его драгоцѣнныя указанія по вопросамъ оперативной магіи, тщательно запоминалъ всѣ его объясненія магическихъ терминовъ и научился извлекать пользу изъ его анекдотовъ о славныхъ магахъ, некромантахъ и теургахъ. Если сдѣлалъ я нѣкоторые успѣхи въ изучаемой наукѣ, то во многомъ былъ я обязанъ доброму старику, который, хотя и мечталъ о превращеніи свинца въ золото, не забывалъ, однако, добывать серебро изъ чужихъ кармановъ болѣе обыкновенными способами.

Эти мои посѣщенія лавки Глока, которыя я здѣсь такъ бѣгло описалъ, продолжались нѣсколько недѣль, но, конечно,

все это время я не терялъ даромъ, и, приходя домой, тотчасъ засаживался за столъ, склоняя глаза надъ страницами фоліанта. Рвеніе мое въ этой работѣ было такъ сильно, что, безъ сомнѣнія, если бы я съ такимъ же прилежаніемъ изучалъ въ свое время «Sententiae», «Processus», «Copulata», «Reparationes» и прочіе учебники, не пришлось бы мнѣ съ буйными лютеріанцами грабить городъ святого отца и не видалъ бы я луговъ, Анагуака, но мирно читалъ бы лекціи, какъ магистръ, съ каѳедры одного изъ университетовъ. Поглащая книгу за книгой, переходя отъ трактата къ трактату, узнавая все новыя тайны, я постоянно чувствовалъ себя несытымъ, какъ Вергиліева Сцилла, и умъ мой въ тѣ дни сдѣлался какимъ-то пожирателемъ исписанной или печатной бумаги.

Въ такой мѣрѣ былъ я увлеченъ своимъ дѣломъ, что на нѣкоторое время стихъ во мнѣ даже голосъ моей страсти: я какъ-то болѣе слѣпыми глазами смотрѣлъ на Ренату, и на меня меньшее впечатлѣніе производили ея слова. Мало того,—меня совсѣмъ не охватывало безпокойство, когда, нѣсколько разъ, проведя весь день въ задумчивости и унынiи, она вдругъ, не говоря ни слова, надѣвала плащъ и удалялась на долгіе часы, неизвѣстно куда, возвращаясь только поздно ночью. Меня нисколько не трогало, когда она намѣренно начинала высмѣивать мою работу и нарочно говорить мнѣ вещи обидныя, называя меня трудолюбивымъ, но лишеннымъ дара. Весь преданный разысканіямъ, размышленіямъ, выводамъ, я чувствовалъ свою душу какъ бы заживо заключенной въ глыбу льда, зналъ, что сердце моей любви бьется, но не страдалъ отъ того, что крылья ея недвижны.

Однако, однажды утромъ, послѣ одного изъ своихъ исчезновеній, Рената неожиданно, но съ такой простотой, какъ если бы она это дѣлала всегда, придвинула къ столу два стула и сказала мнѣ:

— Что же, Рупрехтъ, пора заниматься!

Я посмотрѣлъ на Ренату съ изумленіемъ и благодарностью, поцѣловалъ ея руку, и мы сѣли съ ней рядомъ. Съ того дня — было это въ концѣ сентября мѣсяца — мы про-

должали изученіе тайной философіи и оперативной магіи вдвоемъ.

Такъ какъ я надѣюсь, что моя Повѣсть будетъ не только занимательнымъ чтеніемъ, но, быть можетъ, принесетъ пользу кому-либо, кто попадетъ въ такія же западни, какъ я, то и хочу я здѣсь, въ короткихъ словахъ, пересказать, что съ Ренатою узнали мы изъ прочитанныхъ нами книгъ, хотя, конечно, не имѣю надежды исчерпать безмѣрный океанъ, именуемый областью тайныхъ или запретныхъ знаній.

Я полагаю, что позволено мнѣ будетъ совершенно оставить въ сторонѣ пустые разсказы теологовъ и схоластовъ, которые думаютъ, что на однѣхъ цитатахъ изъ Святого Писанія можно основать какую угодно науку. Писатели изъ этой бездѣльной толпы выказываютъ притязанія знать о демонахъ всѣ мельчайшія подробности, точное ихъ число, равно какъ и всѣ ихъ имена. Одни изъ этихъ всезнаекъ утверждаютъ, напримѣръ, что демоны дѣлятся на девять разрядовъ: первымъ, гдѣ собраны ложные боги, начальствуетъ Бельзевулъ, вторымъ, гдѣ ложные пророки,—Пиоонъ, третьимъ, гдѣ изобрѣтатели всего злого,—Беліалъ, четвертымъ, гдѣ мстители за преступленія, — Асмодей и т. д. Другіе сообщаютъ точную іерархію демоновъ, въ средѣ которыхъ, будто бы, есть императоръ — Бельзевулъ, семь королей: Бэлъ, Пурсанъ, Билэтъ, Паймонъ, Бэліалъ, Асмодей Запанъ, двадцать три герцога, тринадцать маркграфовъ, десять графовъ, одиннадцать презусовъ и множество рыцарей, причемъ всѣ они приводятся по именамъ. Третьи изображаютъ дворъ адскаго владыки, сообщая точно, что при Бельзевулѣ великимъ канцлеромъ состоитъ Адрамелекъ, казначеемъ—Астаротъ, церемоніймейстеромъ—Верделетъ, главнымъ капелланомъ — Камоосъ, и не менѣе точно называя адскихъ министровъ и военачальниковъ, а также адскихъ представителей при разныхъ европейскихъ дворахъ. Слишкомъ ясно, что всѣ эти построенія исходятъ изъ общихъ соображеній и являются подражаніемъ современному государственному устройству на землѣ, тогда какъ истинная наука можетъ опираться только на опытъ, на наблюденія и на достойныя вѣры показанія очевидцевъ.

Напротивъ, въ книгахъ, дѣйствительно стоющихъ вниманія, мы часто не находили отвѣта на многіе вопросы, которые, по праву, могли быть нами поставлены, ибо серьезные изслѣдователи сообразуются не съ любопытствомъ читателя, но съ предѣлами своихъ знаній. Но природа и жизнь демоновъ въ такой мѣрѣ трудно поддаются изученію, что до сихъ поръ, несмотря на благородные и безкорыстные труды ученыхъ, древнихъ и новыхъ, притомъ такихъ исполиновъ науки, какъ Альбертъ Великій, аббатъ Тритгеймъ, Агриппа фонъ Неттесгеймъ,—еще очень многое въ этой сферѣ остается сомнительнымъ или вовсе неизвѣстнымъ. И во главѣ всякаго разсужденія о демонахъ полезно было бы ставить справедливыя слова одной изъ прочитанныхъ нами рукописей: «Познать природу демоновъ и ихъ силу для человѣка столь же трудно, какъ муравью понять философію универсальнаго доктора, Ѳомы Аквинскаго».

Вотъ, однако, какое общее представленіе объ этихъ вопросахъ составилось у насъ послѣ добросовѣстнаго изученія собранной библіотеки:

Демоны принадлежатъ къ числу разумныхъ сущностей, сотворенныхъ Богомъ, и дѣлятся на три рода. Первые называются «небесными» (coelestes), обитаютъ въ сферахъ высшихъ и выполняютъ исключительно волю Бога, около Котораго и вращаются, какъ вокругъ нѣкотораго центра. Вторые называются «міровые» (mundani), ибо имъ порученъ надзоръ за мірами, почему и различаются въ ихъ числѣ демоны Сатурна, Юпитера, Марса, Солнца, Венеры, Меркурія, Луны, также двѣнадцати знаковъ зодіака, тридцати шести небесныхъ декурій, семидесяти двухъ небесныхъ квинарій и т. под. Третьи называются «земные» (terrestres), дѣлятся на четыре порядка—огня, воды, воздуха, суши—и постоянно обитаютъ среди людей, незримо вмѣшиваясь въ наши дѣла, при чемъ, какъ естественно ожидать, изъ нихъ демоны огня дѣйствуютъ преимущественно на нашъ умъ, воздуха — на наши чувства, воды—на наше воображеніе, земли — на наше тѣло и его похоти. Хотя ни одна часть земли не свободна отъ этихъ демоновъ, все же одни изъ нихъ проявляются больше въ одномъ мѣстѣ, другіе—въ другомъ, такъ что различаютъ еще

демоновъ дневныхъ и ночныхъ, сѣверныхъ и южныхъ, восточныхъ и западныхъ, лѣсныхъ, горныхъ, полевыхъ, домашнихъ. Что же касается до общаго числа демоновъ, то изслѣдователи, въ этомъ вопросѣ, не согласны между собой, и можно сказать лишь одно, что это число должно быть очень велико, превышая сотни милліоновъ.

Относительно тѣла демоновъ существуютъ сильные споры между изслѣдователями, но приходится думать, что демоны обладаютъ тѣломъ зыбкимъ, тонкаго состава, однако, безсмертнымъ, неподверженнымъ тлѣнію, невоспринимаемымъ, обычно, нашими чувствами—зрѣніемъ и осязаніемъ, способнымъ проникать сквозь всѣ вещества. Однако, тѣло высшихъ демоновъ, составленное изъ чистаго эѳира, болѣе тонко, нежели тѣло демоновъ низшихъ, въ составъ котораго входитъ огонь и воздухъ, и, тѣмъ болѣе, самыхъ низкихъ, состоящее также изъ элементовъ воды и земли. Чтобы стать видимыми, должны демоны образовывать для себя тѣло изъ болѣе твердыхъ веществъ, принимая облики то туманной фигуры, то огненнаго духа, то безкровнаго, подобнаго трупу, человѣка. Собственное тѣло демоновъ не нуждается въ пищѣ и посему не имѣетъ естественныхъ отправленій, равно какъ демоны и не могутъ размножаться естественнымъ путемъ, не имѣя пола и не будучи подвержены похоти. Однако, изъ злыхъ цѣлей, часто умѣютъ они сближаться тѣлесно съ мужчинами и женщинами, какъ суккубы и инкубы, при чемъ демонъ, являвшійся въ одномъ случаѣ суккубомъ, сберегаетъ принятое имъ сѣмя, дабы воспользоваться имъ въ другомъ мѣстѣ, гдѣ онъ будетъ играть роль инкуба.

Всѣ демоны могутъ вступать въ общенія съ людьми, но демоны небесные дѣлаютъ это только по своему желанію или по повелѣнію Божію, демоны же земные слишкомъ слабы и ничтожны, чтобы люди нуждались въ ихъ помощи, такъ что обычно обращаются маги къ вызыванію демоновъ міровыхъ. Для вызыванія мірового демона необходимо знать его имя, его характеръ и его заклинаніе. Многіе демоны сами, бесѣдуя съ людьми, сообщали свои имена, почему мы и знаемъ ихъ, напримѣръ—двѣнадцати демоновъ зодіака: Мальхидаель, Асмодель, Амбріель,

Муріель, Верхіель, Гамаліель, Зуріель, Бархіель, Адуахіель, Ганаель, Гамбіель, Бархіель. Но, по мнѣнію изслѣдователей, имена ихъ можно вычислять и искусственно: изъ буквъ еврейскихъ, соотвѣтствующихъ числамъ небесныхъ знаковъ, если, начиная отъ знака демона проходить, по градусамъ, весь небесный кругъ, причемъ въ направленіи восходящемъ получаются имена добрыхъ демоновъ, а нисходящемъ—злыхъ. Характеры или печати демоновъ состоятъ изъ его знака, соединеннаго съ монограммою его имени. Знакъ образуется изъ шести корней, сообразно шести звѣзднымъ долготамъ, къ которымъ сводятся также планетныя долготы, и соединительныхъ линій, а монограмма пишется на одномъ изъ принятыхъ магами алфавитовъ: египетскими іероглифами, древне-еврейскими буквами, особоизмѣненными латинскими или, наконецъ, условными. Заклинанія, которыя и суть главный элементъ въ вызываніи, составлены магами по взаимному соглашенію съ демонами, причемъ въ заклинаніи точно означены всѣ свойства демона и содержится убѣдительный призывъ явиться и исполнить требуемое, все же это подкрѣплено властью тайныхъ божественныхъ именъ.

Сила заклинанія заключена въ магическомъ значеніи числъ, которое разъяснилъ еще Пиѳагоръ и которое не можетъ отрицать ни одинъ серьезный изслѣдователь, и въ томъ случаѣ, если весь порядокъ вызыванія совершенъ точно, имя демона написано вѣрно и заклинаніе произнесено безъ ошибокъ, демонъ не можетъ не явиться магу и не подчиниться его повелѣнію, какъ не можетъ не обращаться къ сѣверу стальная игла, правильнымъ образомъ намагниченная. Замѣчательно при этомъ, что различные демоны имѣютъ излюбленныя формы, въ которыхъ они обычно и появляются предъ заклинателемъ. Такъ, демоны Сатурна являются стройными и изящными, съ гнѣвнымъ взоромъ; цвѣтъ лица ихъ темный, движенія ихъ—какъ порывы вѣтра; передъ ихъ появленіемъ видно бываетъ бѣлое пространство, словно покрытое снѣгомъ; часто принимаютъ они образы—бородатого короля, ѣдущаго на драконѣ, или старой женщины, опирающейся на палку, или существа четырехликаго, или филина, или серпа, или можжевельника. Демоны Юпитера явля-

ются средняго роста, въ сангвиническомъ тѣлѣ; цвѣтъ лица ихъ ржавый, движенія стремительны, взоръ кротокъ, разговоръ угодливъ; передъ ихъ появленіемъ видны бываютъ люди, пожираемые львами; часто принимаютъ они образы—короля съ обнаженнымъ мечомъ, ѣдущаго на оленѣ, или человѣка въ митрѣ, въ длинной одеждѣ, или дѣвушки въ вѣнцѣ, убранной цвѣтами, или быка, или павлина, или лазурнаго одѣянія. Демоны Луны являются громадными, полными, флегматичными; цвѣтъ лица ихъ—какъ темное облако, выраженіе—безпокойное, глаза—рубиновые и полные влаги; у нихъ кабаньи зубы, они лысы, и движенія ихъ подобны морской зыби; передъ появленіемъ ихъ льется дождь; часто принимаютъ они образы—короля съ лукомъ въ рукахъ, ѣдущаго на лани, или маленькаго мальчика, или стрѣлы, или лани, или громадной сороконожки—и т. д.

Таясь во всѣхъ этихъ разнообразныхъ формахъ, демоны вступаютъ въ бесѣду съ заклинателемъ, говоря на его языкѣ, сначала пытаются обмануть его, но потомъ, если онъ не уступаетъ имъ, подчиняются его хотѣніямъ и исполняютъ покорно все, что только доступно ихъ, довольно, впрочемъ, ограниченной силѣ.

Таковы, въ самыхъ общихъ чертахъ, свойства демоновъ и порядокъ ихъ заклинанія.

Тѣ свѣдѣнія, которыя я изложилъ здѣсь на четырехъ небольшихъ страницахъ, собирали мы съ Ренатою въ продолженіе почти двухъ мѣсяцевъ, до самаго конца октября, занимаясь прилежно, какъ самые примѣрные школяры. Рената не знала по-латыни, и поэтому книги, написанныя на этомъ языкѣ, — а такихъ было большинство, — мнѣ приходилось переводить ей слово за словомъ, но ни въ какомъ случаѣ ея соучастіе не было для меня затрудненіемъ. Наоборотъ, Рената очень во многомъ облегчила мнѣ изученіе, такъ какъ съ необыкновенной легкостью умѣла истолковывать скрытое значеніе иныхъ утвержденій или дополнять недосказанное въ книгѣ,—что тогда я относилъ къ ея змѣиной проницательности, а нынѣ согласенъ объяснить тѣмъ, что она уже не въ первый разъ приступала къ области тайныхъ наукъ, знала и слышала о магическихъ операціяхъ многое

такое, что остается невѣдомымъ большинству. И я увѣренъ, что только эти воспоминанія Рената, вмѣстѣ со случайными намеками Якова Глока, дали мнѣ возможность овладѣть въ такой короткій срокъ, какъ десять недѣль, такой сложной наукой, какъ магія.

Замѣчательно, что присоединившись къ моей работѣ, Рената вдругъ какъ бы измѣнилась вся, и въ теченіе тѣхъ четырехъ или пяти недѣль, которыя мы трудились вмѣстѣ, она неизмѣнно оставалась въ добромъ настроеніи духа, и въ поведеніи ея не было обычныхъ странностей. Рвеніемъ и прилежаніемъ она скоро превзошла меня, безъ утомленія проводила среди книжныхъ занятій цѣлые дни, отъ сѣраго утра до чернаго вечера, забывая и церковныя службы, и городскія празднества. Не разъ случалось, что, когда я уже падалъ отъ усталости и умъ мой отказывался воспринимать далѣе, Рената не хотѣла отойти отъ стола и, упрекая меня, раскрывала новый томъ. Она готова была стучать заступомъ мысли въ черныхъ шахтахъ печатныхъ строкъ безъ перерыва, ночью какъ днемъ, и никогда не ослабѣвала ея рука въ этой работѣ, и никогда не притуплялась ея радость, когда опять выносили мы на свѣтъ изъ этихъ глубинъ новый слитокъ золота.

Впрочемъ, у этой неутомимости Рената было и свое объясненіе, ибо, приблизившись къ тайнамъ магіи, она скоро увѣровала, какъ всегда, слѣпо и упрямо, что съ ихъ помощью дѣйствительно сумѣетъ вернуть любовь своего графа Генриха. Что же касается меня, то, наоборотъ, погружаясь въ изученіе тайныхъ наукъ, я постепенно терялъ изъ виду свою первоначальную цѣль и увлекался своей работой уже безкорыстно, какъ истинный адептъ. Покоренный величіемъ тѣхъ далей, которыя открывались передо мною—міра демоновъ, въ который нашъ міръ человѣковъ вброшенъ какъ малый островъ среди океана—я временно какъ бы забылъ о графѣ Генрихѣ и о клятвѣ, данной мною Ренатѣ. Мнѣ такъ хорошо было носиться, съ нею вмѣстѣ, по волнамъ книгъ, рукописей, чертежей, вычисленій, что, завидѣвъ, наконецъ, за гребнями волнъ, тотъ берегъ, къ которому самъ держалъ курсъ корабля, какъ-то не могъ я обрадоваться и не

спѣшилъ войти въ гавань. И когда Рената, послѣ того какъ овладѣли мы основами церемоніальной магіи, уже торопила меня примѣнить наши знанія къ дѣлу, я долго еще находилъ предлоги, чтобы отложить рѣшительный день, ссылаясь на недостаточность этихъ знаній.

Наконецъ, въ первые дни ноября мѣсяца, подошедшаго къ намъ неслышно съ холодными вѣтрами и долгими сумерками, не осталось у меня никакихъ возраженій, и увидѣлъ я необходимость уступить настойчивости Рената. Отъ книжныхъ и теоретическихъ занятій перешли мы къ практикѣ и взялись за послѣднія приготовленія къ небезопасному опыту, что было еще очень не легко, такъ какъ надо было, съ предосторожностями, пріобрѣтать нужные, но рѣдкіе предметы, и, съ большой тщательностью, изготовлять необходимые инструменты. Рената и въ этомъ дѣлѣ помогала мнѣ такъ же терпѣливо и бодро, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увѣренная, что часъ ея свиданія съ графомъ Генрихомъ недалекъ, говоря мнѣ объ этомъ съ крайней безсердечностью, словно не примѣчая, какую мнѣ это причиняло муку. Во мнѣ же, по мѣрѣ приближенія назначеннаго дня, выростали, какъ привидѣнія, дурныя предчувствія и, стоя въ углахъ моей души, угрюмо кивали головами и на слова Рената и на мои отвѣты ей.

Предполагалось сначала, что заклинателемъ выступлю я одинъ, такъ какъ Ренатѣ казалось, что ея участіе въ этомъ дѣлѣ запятнаетъ ея душу, которую хотѣла она сохранить чистой для своего Генриха. Я постарался опровергнуть это соображеніе, указавъ на то, что мы будемъ искать власти надъ демонами не для низменныхъ выгодъ, но съ благою цѣлью; заставлять же злыхъ духовъ трепетать и повиноваться, есть дѣло достойное, котораго не чуждались многіе изъ блаженныхъ, какъ, напримѣръ, св. Кипріанъ и св. Анастасій. Послѣ нѣкотораго колебанія Рената согласилась со мною, но, какъ мнѣ кажется, болѣе потому, что не совсѣмъ довѣряла моимъ способностямъ, какъ мага, и боялась, что я что-либо существенное забуду или не сумѣю исполнить. Такимъ образомъ, къ рѣшительному опыту приступили мы вдвоемъ, magister cum socio.

Самое заклинаніе, произведенное нами, я хочу описать во всѣхъ подробностяхъ, чтобы человѣкъ опытный и свѣдущій, если въ его руки попадетъ эта Повѣсть, могъ опредѣлить, что̀ было нами упущено и чѣмъ объясняется жалкій и трагическій неуспѣхъ нашего предпріятія.

Днемъ, избраннымъ нами послѣ долгихъ обсужденій, была пятница, 13 числа ноября мѣсяца, потому что демонамъ пятницы, посвященной Венерѣ, особенно свойственно возвращать женщинамъ любовь ихъ возлюбленныхъ; мѣстомъ же операціи— та самая комната, изъ которой пыталъ я свой неудачный полетъ на шабашъ. Къ сроку было нами собрано тамъ все, что могло быть необходимо для заклинанія, а также позаботились мы, чтобы въ цѣломъ домѣ, въ тотъ вечеръ, не было никого, кромѣ насъ, ибо сильный шумъ могъ возбудить подозрѣнія нашей Марты. Сами же мы готовились къ опыту воздержаніемъ въ пищѣ, полнымъ отказомъ отъ вина, и сосредоточеніемъ мыслей на одномъ предметѣ.

Первой заботой заклинателя всегда является магическій кругъ, ибо онъ служитъ обороной отъ нападенія враждебныхъ силъ извнѣ, почему на исполненіе этого круга, согласно съ именемъ призываемаго демона, расположеніемъ звѣздъ, мѣстомъ опыта, временемъ года и часомъ,—всегда употребляется много заботъ. Нами магическій кругъ сначала былъ тщательно вычерченъ на бумагѣ, и лишь въ день опыта перенесенъ углемъ на полъ комнаты. Состоялъ онъ изъ четырехъ концентрическихъ окружностей, бо́льшая—съ діаметромъ въ девять локтей, образовывавшихъ три замкнутыхъ, другъ въ друга включенныхъ круга: внѣшній, средній и внутренній, каждый шириною въ ладонь. Средній кругъ былъ раздѣленъ на девять равныхъ частей, и въ этихъ домахъ было написано: въ первомъ, обращенномъ прямо на Западъ, тайное названіе часа, избраннаго нами для заклинанія, именно пятничной полночи, Nethos; во второмъ— имя демона того часа, Sachiel; въ третьемъ—характеръ этого демона; въ четвертомъ—имя демона того дня, Anael, и его слугъ, Rachiel и Sachiel; въ пятомъ—тайное названіе того времени года, т. е. осени, Ardarael; въ шестомъ—имя демоновъ того времени года,

Tarquam и Guabarel; въ седьмомъ—названіе корня того времени года, Torquaret; въ восьмомъ—имя земли въ то время года, Rabianara; въ девятомъ—имена солнца и луны, какія имѣютъ они въ то время года, Abragini и Matasignais. Внѣшній кругъ былъ раздѣленъ на четыре равныхъ части, и въ этихъ домахъ, обращенныхъ строго на Западъ, Сѣверъ, Востокъ и Югъ, были написаны: имена демона воздуха, начальствующаго въ тотъ день, Sarabotes rex, и его четырехъ слугъ: Amabiel, Aba, Abalidoth, Flaef. Внутренній кругъ былъ раздѣленъ также на четыре части, и въ этихъ домахъ были написаны вѣчныя божественныя имена: Adonay, Eloy, Agla, Tetragrammaton. Наконецъ, то пространство, внутрь трехъ круговъ, гдѣ должны были помѣщаться заклинатели, было раздѣлено крестомъ на четыре сектора, а внѣ круговъ, на четырехъ странахъ свѣта, были вычерчены пятиугольныя звѣзды.

Когда приблизилось время полночи, внимательно заперевъ всѣ входы дома и еще разъ удостовѣрившись, что въ немъ нѣтъ никого, кромѣ насъ, мы вошли въ комнату опыта. Здѣсь оба, и Рената и я, мы облачились въ новыя, нарочно приготовленныя одежды, изъ чистаго бѣлаго льна, длинныя, закрывавшія намъ ноги и перехваченныя поясомъ изъ такого же матеріала. На головы надѣли мы также льняные уборы, подобные митрамъ, на передней части которыхъ было написано божественное имя; ноги же наши остались босыми. При этомъ облаченіи произносили мы установленную молитву: Ancor, Amacor, Amides, Theodonias, Anitor, per merita angelorum tuorum sanctorum, Domine, induam vestimenta salutis, ut hoc, quod desidero, possim perducere ad effectum. Въ руки мы взяли по магическому жезлу, сдѣланному изъ дерева, безъ сучьевъ и съ металлическимъ, подобнымъ маленькому мечу, оконечникомъ. Затѣмъ, не вступая еще въ кругъ, возложили на столъ, поставленный въ сторонѣ и покрытый бѣлой льняной скатертью, пергаментъ съ знакомъ пентаграммы и съ именемъ и характеромъ демона Aduachiel, ибо солнце было тогда въ знакѣ Стрѣльца, а на деревянный треножникъ, помѣщенный у самаго круга, съ его западной стороны, librum consecratum, т. е. тетрадь, гдѣ были тщательно вписаны всѣ

заклинанія, которыя намѣревались мы произнести въ тотъ день. Около треножника зажгли двѣ свѣчи изъ чистаго воска, а на четырехъ пятиугольныхъ звѣздахъ—четыре глиняныхъ лампады, наполненныя чистымъ растительнымъ масломъ съ растительными же свѣтильнями.

Когда все было такъ приготовлено, я посмотрѣлъ на Ренату и увидѣлъ, что волненіе ея дошло до предѣла крайняго: руки ея дрожали, лицо было блѣдно и едва могла она держаться на ногахъ. Тогда я обратился къ ней, какъ magister къ своему socio: «Другъ, помни важность этого часа», и поспѣшилъ съ началомъ опыта. Обрызгавъ все кругомъ нами освященной водой съ произнесеніемъ установленныхъ словъ: Asperges me Domine, я рѣшительно вступилъ въ магическій кругъ съ его западной стороны, черезъ оставленную тамъ въ чертежѣ дверь, и, увидя, что Рената послѣдовала за мной, замкнулъ входъ знакомъ пентаграммы. Въ душѣ у меня въ этотъ мигъ былъ холодъ и была печаль, но я помнилъ твердо и ясно все, что долженъ былъ дѣлать.

Обратившись на четыре страны свѣта, я призвалъ двадцать четыре имени демоновъ, сторожащихъ этотъ день, по шести съ каждой страны; затѣмъ имена семи демоновъ, управляющихъ семи планетами, затѣмъ еще семи демоновъ, которымъ поручены семь дней недѣли, семь цвѣтовъ радуги и семь металловъ. Рената тѣмъ временемъ, освоившись со своими обязанностями товариша, осыпала лампады заготовленными нами куреніями, въ которыя входили: лаванда, порошокъ папоротника и вервены, восточная стираксовая смола, особенно же мазь изъ растенія костъ, посвященнаго дню Венеры, и отъ лампадъ поднялись струи ароматнаго дыма, которыя, постепенно разстилаясь, начали заволакивать всю комнату неопредѣленнымъ, синеватымъ туманомъ.

Тутъ приступилъ я, собственно, къ заклинанію, стараясь говорить голосомъ привѣтливымъ, но властнымъ. Сначала прочелъ я нѣсколько церковныхъ молитвъ, оберегающихъ заклинателей, и затѣмъ совершилъ призываніе демоновъ воздуха, начинающееся словами: Nos facti ad imaginem Dei, dotati potentia Dei et ejus facti

voluntate per potentissimum et corroboratum nomen Dei, El, forte admirabile, vos exorcisamus. Мнѣ былъ слышенъ голосъ Ренаты, подававшій мнѣ отвѣты на мои прошенія. Скоро замѣтилъ я, или мнѣ такъ привидѣлось, что въ колеблющемся дыму куреній образуются и мелькаютъ нѣкоторыя формы, вѣроятно низшіе духи, привлеченные запахомъ коста, и я устремилъ противъ нихъ остріе жезла, воспрещая имъ прикоснуться къ намъ. Полагая далѣе, что наступило время для крайняго заклинанія, я произнесъ послѣднія изъ подготовительныхъ словъ: Ecce pentaculum Solomonis quod ante vestram adduxi praesentiam и т. д.

Тутъ въ лицо мнѣ повѣялъ какъ бы нѣкоторый холодный вѣтеръ, всколебавшій мои волосы, и въ эту минуту я не менѣе Ренаты увѣренъ былъ въ успѣхѣ опыта. Взглянувъ на нее, однако, я увидѣлъ, что дрожь ея не успокаивается и что она почти падаетъ отъ изнеможенія. Тогда, торопясь, началъ я обходить кругъ, идя съ запада на востокъ, и произнося основное заклинаніе, обращенное къ демону Анаэлю:

Audi, Anaël! ego indignus minister Dei, conjuro, posco, urgeo et voco te non mea potestate sed per vim, virtutem et potentiam Dei Patris, per totam redemptionem et salvificationem Dei Filii et per vim et devictionem Dei Sancti Spiriti. Per hoc devinco te, sis ubi velis, in alto vel abysso, in aqua vel in igne, in aere vel in terra, ut tu, daemon Anaël, in momento coram me appareas in decora forma humana. Veni ergo cum festinatione in virtute nominum istorum Aye Saraye, Aye Saraye, Aye Saraye, ne differas venire per nomina aeterna Eloy, Archima, Rabur, festina venire per personam exorcitatoris conjurati, in omni tranquillitate et patientia, sine ullo tumulto, mei et omnium hominum corporis sine detrimento, sine falsitate, fallacia, dolo. Conjuro et cofirmo super te, daemon fortis, in nomine On, Hey, Heya, Ia, Ie, Adonay, et in nomine Saday, qui creavit quadrupedia et animalia reptilia et homines in sexto die, et per nomina angelorum servientium in tertio exercitu coram Dagiel angelo magno, et per nomen stellae quae est Venus et per sigillum ejus quod quidem est sanctum,—super te, Anaël, qui es praepositus diei saxtae, ut pro me labores. El, Aty, Titeip, Azia, Hyn, Ien, Minosel, Achadan! Va! Va! Va!

Я трижды успѣлъ обойти кругомъ, произнося это заклинаніе. Въ синеватомъ дыму кругомъ колыхались дьявольскіе лики и вездѣ отъ полу комнаты поднялись струйки тумана, въ маломъ видѣ похожія на тѣ, какія я видѣлъ на шабашѣ. Но тщетно ждалъ я, что покажутся передо мною, въ видѣніи, играющія дѣвочки, что служило бы признакомъ появленія демона Венеры. Проходя трижды мимо Ренаты, видѣлъ я ее въ напряженіи крайнемъ, съ глазами, раскрытыми точно въ изступленіи, но съ усиліемъ опирающейся на свой магическій жезлъ, какъ на трость. Зная, однако, что часто нужны бываютъ труды многихъ часовъ, чтобы привлечь демона въ свою сферу, я не терялъ надежды и сталъ произносить усиленныя заклинанія:

— Quid tardas? ne morare! obedito praeceptori tuo in nomine Domini Bathat, super Abrac ruens, superveniens. Cito, cito, cito! Veni, veni, veni!

Смутный гулъ наполнилъ въ это время всю комнату, словно бы по листьямъ высокихъ деревьевъ приближался къ намъ вѣтеръ или дождь. Ожиданіе невиданнаго и поразительнаго охватило меня со всей силой; все мое тѣло и вся моя мысль были напряжены и готовы къ оборонѣ или къ нападенію. Но въ эту минуту, когда я находился лицомъ къ треножнику, всматриваясь въ колыхающійся туманъ, раздался внезапно, сзади меня, тамъ, гдѣ была Рената, ударъ, столь оглушительный, словно весь нашъ домъ распадался. Съ невольнымъ вскрикомъ я обратился назадъ и увидѣлъ, что одна лампада, та, около которой стояла Рената, погасла. Я стремительно бросился туда съ магическимъ жезломъ, устремленнымъ впередъ, такъ какъ зналъ, что открывался такимъ образомъ доступъ внутрь нашего круга для злыхъ духовъ, но, вѣроятно, было уже поздно. Встрѣтивъ лицо Ренаты, я едва узналъ его, ибо было оно искажено и искривлено, и надо полагать, что одинъ или нѣсколько демоновъ, воспользовавшись прорывомъ круга, схватили ее и овладѣли ею. Рената, за минуту передъ тѣмъ едва имѣвшая силы стоять, вдругъ съ силой необыкновенной отстранила меня и съ поднятымъ жезломъ кинулась къ другимъ лампадамъ. У меня не было ни

воли, ни средствъ остановить ее, и она, при чемъ, конечно, дѣйствовалъ ея рукою тотъ, кто таился въ ней,—нѣсколькими ударами сокрушила и остальныя три лампады и двѣ восковыхъ свѣчи. Мы оказались въ совершенномъ мракѣ, и вокругъ насъ поднялся, если то не было обманомъ чувствъ, дикій вой, и гоготаніе, и свистъ.

Въ эту минуту опасности я понялъ, что магическій кругъ уже не защититъ насъ, такъ какъ все равно онъ нарушенъ, и потому, громко твердя слова отпуска: Abi festinanter, apage te, recede statim in continenti!—всей силой повлекъ Ренату прочь изъ комнаты. У порога, поспѣшно отпирая дверь, я произнесъ послѣднее заклинаніе, считаемое особенно сильнымъ: Per ipsam et cum ipso et in ipso. Думаю, что никогда, ни въ какомъ, самомъ яромъ, сраженіи съ краснокожими не подвергался я такой опасности, какъ въ этой комнатѣ, наполненной враждебными демонами, которая подобна была той клѣткѣ съ бѣшеными собаками и ядовитыми змѣями, о которой говорила Рената. Вѣроятно, только крайнее присутствіе духа спасло меня отъ смерти, потому что все-таки успѣлъ я отворить дверь и вывести Ренату сначала на свѣжій воздухъ коридора, а потомъ и на лунный свѣтъ, вливавшійся въ ея комнату.

Но ликъ Ренаты продолжалъ оставаться страшнымъ и совершенно на себя непохожимъ, ибо мнѣ казалось даже, что глаза ея стали больше, подбородокъ болѣе вытянутымъ, виски гораздо сильнѣе выступающими, нежели обыкновенно. Рената билась въ моихъ рукахъ яростно, сорвала съ себя и митру, и льняное одѣяніе, и неустанно, грубымъ, почти мужскимъ, вовсе не своимъ, голосомъ выкрикивала какія-то слова. Прислушавшись, я понялъ, что она говорила по-латыни, хотя, какъ я упоминалъ, она этого языка не знала вовсе. Смыслъ ея словъ былъ ужасенъ, ибо Рената осыпала проклятіями и меня, и самое себя, и графа Генриха, произносила неистовыя богохуленія и грозила мнѣ и всему міру величайшими бѣдами.

Хотя никогда не довѣрялъ я, особенно, защитѣ святыхъ предметовъ, въ этомъ моемъ несчастномъ положеніи, когда я каждый мигъ ожидалъ, что на насъ ринутся всѣ раскованные дья-

волы изъ комнаты заклинаній, мнѣ не оставалось ничего лучшаго, какъ привлечь Ренату къ маленькому алтарю, бывшему въ ея комнатѣ, и тамъ надѣяться на помощь Божію. Но Рената, въ изступленіи, не хотѣла приближаться ко святому Распятію, крича, что ненавидитъ и презираетъ его, подымая сжатые кулаки на образъ Христа и, наконецъ, упала на полъ, опять въ томъ же припадкѣ конвульсій, котораго я уже дважды былъ свидѣтелемъ. Но ни разу еще не проводилъ я часовъ надъ ней въ такомъ безнадежномъ безсиліи, наклонясь надъ мучимой и видя, какъ терзаютъ ея тѣло демоны, овладѣвшіе ею, можетъ быть, по моему попущенію.

Понемногу, опасенія мои успокоились, и я почувствовалъ насъ уже внѣ опасности; также постепенно, естественнымъ образомъ, миновало и мучительство Ренаты, ибо демонъ, бывшій въ ней, въ послѣдній разъ крикнувъ мнѣ, что мы еще съ нимъ встрѣтимся, покинулъ ее. Но мы оба, простертые на полу, около Распятія, напоминали потерпѣвшихъ крушеніе въ морѣ, достигшихъ какой-то малой скалы, все потерявшихъ и увѣренныхъ, что слѣдующій водный валъ смоетъ ихъ и поглотитъ окончательно. Рената не могла говорить, и слезы, безмолвныя, катились по ея лицу, а у меня не было рѣчей, чтобы утѣшать или ободрять ее. Такъ оставались мы, молча, на полу, до самаго разсвѣта, когда надо было озаботиться и уничтожить слѣды нашего ночного опыта. Я на рукахъ отнесъ Ренату въ постель, ибо не могла она ни ходить, ни стоять, а самъ, не безъ нѣкотораго трепета, вошелъ въ комнату заклинаній. Тамъ стоялъ дымъ отъ куреній, лежали разбитые черепки лампадъ, но больше не было никакихъ поврежденій, и никто не помѣшалъ мнѣ убрать комнату и стереть съ пола слѣды магическихъ круговъ, съ такимъ тщаніемъ начертанныхъ мною.

Такъ окончился предпринятый нами опытъ оперативной магіи, къ которому готовились мы болѣе двухъ мѣсяцевъ и на который сначала я, а потомъ Рената—возлагали такія богатыя надежды.

Послѣ этого дня Рената снова впала въ черное отчаянье, изъ котораго на нѣкоторое время была выведена занятіями и вѣ-

рой въ успѣхъ; но этотъ ея припадокъ тоски далеко превзошелъ по силѣ всѣ предыдущіе. Въ прежніе дни она находила въ себѣ волю и охоту, споря, доказывать мнѣ, что у нея есть много причинъ для печали,—теперь же она не хотѣла ни говорить, ни слушать, ни отвѣчать. Первые дни, больная, она лежала въ постели неподвижно, обративъ лицо къ подушкѣ, не произнося ни слова, не шевеля ни однимъ мускуломъ, не открывая глазъ. Потомъ, все въ той же безучастности, она стала проводить часы, сидя на скамьѣ, устремивъ глаза на уголъ своей комнаты, занятая своими мыслями или ничѣмъ не занятая, но не слыша, когда ее звали по имени, словно деревянное изваяніе какого-нибудь Донателло, только порою слабо вздыхая и тѣмъ обнаруживая признаки жизни. Такъ могла бы Рената просиживать и ночи, если бы я не убѣждалъ ее, съ наступленіемъ темноты, ложиться въ постель, но нѣсколько разъ мнѣ приходилось убѣждаться, что все же большую часть времени до утра она проводитъ безъ сна, съ открытыми глазами.

Всѣ мои попытки вызвать въ Ренатѣ интересъ къ существованію оставались въ тѣ дни безплодными. На магическія книги она не могла смотрѣть безъ отвращенія; когда же я заговаривалъ съ ней о повтореніи нашего опыта, она отрицательно и съ презрѣніемъ качала головой. На мои приглашенія итти въ городъ, на улицу, она только молча пожимала плечами. Пытался я, не безъ задней мысли, даже заговаривать съ нею о графѣ Генрихѣ, объ ангелѣ Мадіэлѣ, обо всемъ, самомъ завѣтномъ для нея, но Рената большею частью просто не слышала моихъ словъ или, наконецъ, произносила, въ отвѣтъ, болѣзненно, все одно и то же: «Оставь меня!». Только одинъ разъ, когда я особенно настойчиво приступилъ къ ней съ просьбами, Рената сказала мнѣ: «Развѣ ты не понимаешь, что я хочу замучиться! На что мнѣ жизнь, если у меня нѣтъ и уже не будетъ никогда самаго главнаго? Мнѣ здѣсь сидѣть и вспоминать хорошо,—зачѣмъ же ты заставляешь меня куда-то итти, гдѣ мнѣ больно отъ каждаго впечатлѣнія?». И послѣ этой длинной рѣчи она опять впала въ свое оцѣпенѣніе.

Эта затворническая, неподвижная жизнь, причемъ Рената

почти не принимала пищи, быстро сдѣлала то, что глаза ея впали, какъ у мертвой, и обвились черноватымъ вѣнцомъ, лицо посѣрѣло, а пальцы стали прозрачными, какъ тусклая слюда, такъ что я съ содраганіемъ сознавалъ, что она опредѣленно близится къ своему послѣднему часу. Скорбь безъ устали рыла въ душѣ Ренаты черный колодезь, все глубже и глубже вонзая лопаты, все ниже и ниже опуская свою бадью, и не трудно было предвидѣть день, когда ударъ заступа долженъ былъ перерубить самую нить жизни.

ГЛАВА VI.

О моей поѣздкѣ въ Боннъ къ Агриппѣ Неттесгеймскому.

Нелегко остановить повозку, раскатившуюся по одной дорогѣ; такъ и я не могъ сразу свернуть съ того пути, по которому, въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, неуклонно стремилась моя жизнь. Послѣ неудачи нашего опыта я все еще не въ силахъ былъ думать ни о чемъ иномъ, какъ о заклинаніяхъ, магическихъ кругахъ, пентаграммахъ, пентакулахъ, именахъ и характерахъ демоновъ... Тщательно пересматривалъ я страницы изученныхъ книгъ, стараясь найти причину неуспѣха, но только убѣждался, что нами все было исполнено правильно и согласно съ указаніями науки. Конечно, не преминулъ бы я повторить вызываніе и безъ помощи Ренаты, если бы не останавливала меня мысль, что ничего новаго въ свои пріемы внести я не могу и что, слѣдовательно, ничего новаго не въ правѣ и ожидать.

Въ этой моей неувѣренности, какъ огонь маяка въ бѣломъ береговомъ туманѣ, сталъ мерцать мнѣ одинъ замыселъ, который сначала отгонялъ я, какъ неисполнимый и безнадежный, но который потомъ, когда мечта съ нимъ освоилась, показался досягаемымъ. Отъ Якова Глока зналъ я, что тотъ писатель, сочиненіе котораго о магіи было для меня самой цѣнной находкой среди всего собраннаго мною книжнаго богатства и который далъ

мнѣ, наконецъ, аріаднину нить, выведшую меня изъ лабиринта формулъ, именъ и непонятныхъ афоризмовъ, — докторъ, Агриппа Неттесгеймскій, проживалъ всего въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ моего мѣстопребыванія: въ городѣ Боннѣ, на Рейнѣ же. И вотъ, все болѣе и все болѣе, сталъ я задумываться надъ тѣмъ, что могъ бы за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній обратиться къ этому человѣку, посвященному во всѣ тайны герметическихъ наукъ, и, дѣйствительно, знавшему изъ опыта и изъ сношеній съ другими учеными многое такое, что неумѣстно было бы передавать черезъ печать profano vulgo. Казалось мнѣ дерзкимъ личными своими дѣлами встревожить работу или отдыхъ мудреца, но въ тайнѣ сердца не почиталъ я себя недостойнымъ встрѣчи съ нимъ и не думалъ, что моя бесѣда покажется ему смѣшной и нелюбопытной.

За совѣтомъ, еще не рѣшивъ какъ поступить, я отправился въ лавку къ Глоку, у котораго не бывалъ уже давно и который, увидя меня, весьма обрадовался, такъ какъ любилъ во мнѣ покорнаго слушателя. На этотъ разъ пришлось мнѣ выдержать многорѣчивый панегирикъ Бернарду Тревизанскому, одному изъ немногихъ, нашедшихъ камень философовъ,—и только когда у Глока изсякъ запасъ восторженныхъ словъ или, можетъ быть, пересохло въ глоткѣ, приступилъ я къ изложенію своего дѣла. Осторожно объяснилъ я, что мои занятія магіей приближаются къ концу, что, однако, выводы, къ которымъ я пришелъ, сильно уклоняются отъ обычныхъ воззрѣній, и что я, прежде нежели изложить свои мнѣнія въ сочиненіи, желалъ бы представить ихъ на обсужденіе истинному авторитету въ этихъ вопросахъ; при этомъ я назвалъ имя Агриппы и высказалъ предположеніе, что Глокъ, благотворная дѣятельность котораго извѣстна всей Германіи, можетъ оказать мнѣ въ этомъ дѣлѣ нѣкоторую помощь. Къ немалому моему удивленію, Глокъ не только съ настоящимъ вниманіемъ отнесся къ моему замыслу, но изъявилъ готовность ему способствовать и тутъ же пообѣщалъ достать мнѣ рекомендательное письмо къ Агриппѣ отъ его издателя, съ которымъ былъ самъ въ отношеніяхъ дружескихъ. Это обѣщаніе принялъ я какъ omen bonum и подумалъ,

не сама ли богиня Фортуна приняла на сегодня дряхлый образъ стараго книгопродавца, чтобы подвигнуть меня въ путь, какъ принимала въ пѣсняхъ божественнаго слѣпца богиня Минерва образъ стараго Ментора.

Черезъ два дня послѣ этого Глокъ, сдержавъ свое слово, въ самомъ дѣлѣ прислалъ мнѣ письмо, на которомъ была сдѣлана надпись: Doctissimo ac ornatissimo viro, Henrico Cornelio Agrippae, comprimis amico Godefridus Hetorpius,—и тогда показалось мнѣ даже неприличнымъ отказаться отъ своего предпріятія. Разумѣется, смущало меня то, что я долженъ былъ покинуть Ренату, но вѣдь, находясь близъ нея, ничѣмъ не въ силахъ былъ я помочь ея тягостному недугу, у корня подрѣзавшему ея жизнь. Пытался было я переговорить съ Ренатою о своемъ планѣ, но она не хотѣла вникнуть въ смыслъ моихъ словъ и жалобнымъ знакомъ руки просила меня не мучить ее объясненіями, такъ что, сжавъ губы, рѣшилъ я дѣйствовать на свой страхъ, отправился покупать себѣ лошадь и досталъ изъ угла свой запылившійся дорожный мѣшокъ. Когда же, въ самый день отъѣзда, раннимъ утромъ, пришелъ я къ Ренатѣ въ комнату проститься и сказалъ ей, что, все-таки, ѣду по общему нашему дѣлу, она мнѣ отвѣтила такъ:

— У насъ съ тобою общаго дѣла быть не можетъ: ты—живой, я—мертвая. Прощай.

Я поцѣловалъ руку у Ренаты и вышелъ, словно, дѣйствительно, изъ комнаты, гдѣ стоитъ гробъ и дымятся похоронныя свѣчи.

Между городами Кельномъ и Бонномъ всего нѣсколько часовъ хорошей верховой ѣзды по имперской дорогѣ, но, такъ какъ началась уже зимняя погода и каждый часъ можно было ожидать снѣга, то дорога была испорчена жестоко и мнѣ пришлось путешествовать цѣлый день, отъ зари до темноты, не разъ отдыхая во многочисленныхъ деревенскихъ гостиницахъ, въ Годорфѣ, Весселингѣ, Виддигѣ, Герзелѣ, и даже едва не заночевавъ въ самомъ близкомъ разстояніи отъ города. Скажу также, что новая моя одежда, изъ темнокоричневаго сукна, которую я сшилъ себѣ уже въ Кельнѣ и впервые надѣлъ для

этого посѣщенія Агриппы, пришла въ очень плачевный видъ, и нисколько не защитилъ ее мой вѣрный товарищъ—морской плащъ, видавшій бури Атлантическаго океана. Однако, все время пути былъ я въ такомъ бодромъ настроеніи духа, какого не знавалъ уже давно, ибо, впервые послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ покинувъ Ренату, я какъ будто обрѣлъ потеряннаго самого себя. Испытывалъ я такое ощущеніе, словно изъ темнаго погреба вдругъ вышелъ на ясный свѣтъ, и мой одинокій путь вдоль Рейна въ Боннъ казался мнѣ непосредственнымъ продолженіемъ моего одинокаго пути изъ Брабанта, а недавніе дни съ Ренатою—мучительнымъ сновидѣніемъ на одной изъ дорожныхъ станцій.

Впрочемъ, никакъ не забывалъ я о цѣли своей поѣздки, и меня очень тѣшила мысль увидѣть Агриппу Неттесгеймскаго, одного изъ величайшихъ ученыхъ и замѣчательнѣйшихъ писателей новаго времени. Поддаваясь игрѣ воображенія, знакомой, вѣроятно, каждому, представлялъ я себѣ во всѣхъ подробностяхъ мое посѣщеніе Агриппы, и, слово за словомъ, повторялъ я мысленно тѣ рѣчи, которыя я ему скажу и какія услышу въ отвѣтъ, причемъ иныя изъ нихъ, не безъ затрудненія, составлялъ даже по-латыни. Мнѣ хотѣлось вѣрить, что явлюсь я передъ Агриппою не какъ неопытный ученикъ, но какъ скромный молодой ученый, не лишенный знаній и опытности, но ищущій указаній и наставленій въ тѣхъ высшихъ областяхъ науки, которыя еще не достаточно разработаны и гдѣ не стыдно спрашивать о дорогѣ. Я воображалъ себѣ, какъ Агриппа будетъ сначала слушать мои разсужденія не безъ недовѣрія, потомъ—съ радостнымъ вниманіемъ и какъ, наконецъ, пораженный моимъ умомъ и богатымъ запасомъ моихъ свѣдѣній, въ удивленіи спроситъ, какъ успѣлъ я въ мои годы достичь такой рѣдкой и разносторонней учености, а я ему отвѣчу, что лучшимъ моимъ руководителемъ были его сочиненія... И не мало другихъ, не менѣе вздорныхъ, невѣроятныхъ и просто немыслимыхъ разговоровъ подсказывало мнѣ дѣтское тщеславіе, неожиданно вынырнувшее со дна моей души въ часы труднаго пути по холоднымъ и пустыннымъ зимнимъ полямъ архіепископства.

Издрогшій и усталый, но не потерявшій бодрости, добрался я

до воротъ Бонна уже послѣ третьяго звона съ башни, совсѣмъ въ темнотѣ, и не безъ труда добился пропуска у ночной стражи, такъ что пришлось мнѣ не быть особенно разборчивымъ въ выборѣ мѣста для ночлега и охотно принять комнату въ первой попавшейся гостиницѣ, помнится, подъ вывѣской «Золотой Лозы».

Утромъ слѣдующаго дня, какъ то всегда водится въ маленькихъ гостиницахъ, хозяинъ ея пришелъ ко мнѣ освѣдомиться, не нуждаюсь ли я въ чемъ, а больше изъ любопытства, чтобы вывѣдать, кто такой его новый постоялецъ. Я встрѣтилъ его не безъ довольства, ибо надо мнѣ было разспросить, гдѣ именно живетъ Агриппа, да и пріятно мнѣ было показать, что пріѣхалъ я къ такому человѣку. А такъ какъ хозяинъ оказался мѣстнымъ старожиломъ, то, въ придачу къ свѣдѣніямъ объ улицѣ, на которой стоитъ домъ Агриппы, услышалъ я и городскіе толки про него.

— Какъ не знать Агриппы?—сказалъ мнѣ хозяинъ.—Его всякій мальчишка у насъ давно запримѣтилъ, и, правду сказать, избѣгаетъ! Хорошаго про него говорятъ мало, а дурного — много. Разсказываютъ, что занимается онъ чернокнижіемъ и знается съ дьяволомъ... Во всякомъ же случаѣ, сидитъ онъ въ своемъ гнѣздѣ, какъ сычъ, и иногда недѣлями не показывается на улицѣ. Что не больно-то онъ хорошій человѣкъ, можно судить уже потому, что двухъ своихъ женъ онъ уморилъ, а третья вотъ только-что, мѣсяца не прошло, какъ развелась съ нимъ. Но, впрочемъ, я прошу вашу милость простить меня, если это вашъ добрый знакомый, потому что разсказываю я это все только по слухамъ, а мало ли что люди говорятъ: всѣхъ не переслушаешь!

Я поспѣшилъ завѣрить, что съ Агриппою нѣтъ у меня дружбы никакой, а только денежныя дѣла, и хозяинъ, пріободрясь, но голосъ понизивъ, сталъ мнѣ передавать уже всякія небылицы про славнаго гостя ихъ города. Такъ, разсказалъ онъ, что у Агриппы всегда есть нѣсколько домашнихъ демоновъ, которые живутъ съ нимъ подъ видомъ собакъ; что Агриппа на дискѣ луны читаетъ обо всемъ, что совершается на разныхъ концахъ земли, и потому знаетъ всѣ новости безъ пословъ; что, владѣя тайной превращенія металловъ, часто расплачивается онъ

монетами, которыя имѣютъ всю видимость добрыхъ, но впослѣдствіи превращаются въ куски рога или навоза; что знатнымъ людямъ въ магическомъ зеркалѣ показываетъ онъ все ихъ будущее; что въ молодые годы, состоя въ Италіи при испанскомъ генералѣ Антоніо де Лейва, магическими силами обезпечивалъ своему начальнику успѣхъ во всѣхъ предпріятіяхъ; что однажды видѣли Агриппу въ городѣ Фрибургѣ кончающимъ публичную лекцію ровно въ десять часовъ утра, въ тотъ самый мигъ, когда онъ же начиналъ другую публичную лекцію за много миль оттуда, въ городѣ Понтимуссахъ, — и множество другихъ, столь же сомнительныхъ исторій.

Эти пустыя розсказни слушалъ я съ удовольствіемъ, не потому, чтобы вѣрилъ имъ, но потому, что мнѣ казалось лестнымъ итти въ домъ къ столь поразительному человѣку. И когда, по моимъ соображеніямъ, насталъ часъ, удобный для посѣщенія, я, еще разъ оправивъ свое платье, вышелъ изъ гостиницы съ видомъ гордымъ и, идя по улицамъ, втайнѣ желалъ, чтобы прохожіе замѣтили, куда я направляюсь. Вспоминая теперь тѣ свои самодовольныя мечтанія, не могу я не улыбнуться, горько и грустно, ибо Судьба, играющая съ человѣкомъ, какъ котъ съ мышью, сумѣла тутъ посмѣяться надо мною съ тонкой жестокостью. Вмѣсто роли тріумфатора, которую мнѣ присваивало мое самолюбіе, заставила она меня разыгрывать роли, гораздо менѣе почетныя: уличнаго буяна, пустого кутилы и школьника, которому учитель дѣлаетъ выговоръ.

По даннымъ мнѣ указаніямъ, я довольно легко отыскалъ домъ Агриппы, — на краю города, у самой стѣны, довольно большой, хотя только въ три этажа, со многими пристройками, старинный, суровый и строго-обособленный отъ другихъ зданій. Я постучалъ у входа, потомъ, не получивъ отвѣта, повторилъ стукъ, и, наконецъ, толкнувъ дверь, оказавшуюся незапертой, вошелъ въ обширныя и пустыя сѣни, и, на звукъ голосовъ, проникъ дальше, во вторую комнату. Тамъ, за широкимъ столомъ, вокругъ миски съ какимъ-то дымящимся блюдомъ, сидѣло, весело болтая и хохоча, четверо молодыхъ людей, которыхъ я принялъ за домовыхъ слугъ. Услышавъ скрипъ

растворяемой двери, они смолкли и обернулись ко мнѣ, а изъ-подъ стола, съ ворчаніемъ и скаля на меня зубы, вышли двѣ или три породистыхъ собаки.

Я спросилъ вѣжливо:

— Могу ли я видѣть доктора Агриппу Неттесгеймскаго, который, кажется, живетъ въ этомъ домѣ?

Одинъ изъ полдничавшихъ, рослый малый, съ лицомъ итальянца и съ итальянскимъ выговоромъ рѣчи, крикнулъ мнѣ въ отвѣтъ грубо:

— Какъ вы смѣете входить въ чужой домъ, не постучавшись? Это—не пивная и не ратуша! Уходите, пока мы не указали вамъ дороги къ двери!

Этотъ окрикъ до такой степени противорѣчилъ всѣмъ моимъ ожиданіямъ, что подѣйствовалъ на меня, какъ ударъ по лицу,— сразу потерялъ я обладаніе собою и, въ порывѣ безотчетнаго гнѣва, крикнулъ въ отвѣтъ тоже неосмотрительныя и рѣзкія слова, что-то вродѣ слѣдующихъ:

— Ты ошибаешься, пріятель, говоря, что я вошелъ безъ стука! Но въ этомъ домѣ лакеи бражничаютъ, вмѣсто того, чтобы исполнять свои обязанности! Ступай и освѣдомься у своего господина, какъ тебѣ обращаться съ его гостемъ, потому что вотъ у меня къ нему рекомендательное письмо отъ его друга.

Слова мои произвели впечатлѣніе сильнѣйшее. Одинъ изъ сидѣвшихъ вскочилъ съ яростнымъ ругательствомъ и устремился на меня съ сжатыми кулаками, опрокинувъ скамью, другой бросился ему на помощь, третій, напротивъ, пытался удержать товарищей, а собаки начали кидаться на меня съ лаемъ и рычаніемъ. Я, видя себя неожиданно вовлеченнымъ въ безславную схватку, обнажилъ свою испытанную шпагу и, размахивая ею, отступилъ къ стѣнѣ, повторяя, что проколю насквозь перваго, кто приблизится на разстояніе удара. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ все вокругъ напоминало покои царя Улисса передъ началомъ избіенія жениховъ, и легко могло статься, что, въ виду неравенства силъ, за свою заносчивость расплатился бы я жизнью, и никто, конечно, не поинтересовался бы убійствомъ неизвѣстнаго проѣзжаго.

По счастію, однако, исходъ распри былъ болѣе мирнымъ, потому что одержали верхъ голоса болѣе благоразумныхъ, которые убѣждали, что у насъ нѣтъ никакого повода къ кровавому столкновенію. Тотъ изъ молодыхъ людей, котораго, какъ я узналъ вскорѣ, звали Авреліемъ, принудилъ насъ разойтись, сказавъ намъ такую рѣчь:

— Господинъ пріѣзжій и товарищи! Не давайте богу войны — Марсу—торжествовать въ этомъ домѣ, посвященномъ богинѣ мудрости—Минервѣ! Господинъ пріѣзжій виноватъ, обращаясь съ нами, какъ съ челядью, но и мы виноваты, встрѣтивъ человѣка благороднаго столь пренебрежительно и невѣжливо. Принесемъ взаимныя извиненія и выяснимъ, въ чемъ недоразумѣніе, трезво, какъ подобаетъ людямъ мыслящимъ.

Говоря правду, я былъ радъ подобному обороту дѣлъ, избавлявшему меня отъ безсмысленной, но опасной драки, и, понявъ, что вижу передъ собою не слугъ Агриппы, но его учениковъ, вторично въ учтивыхъ выраженіяхъ изложилъ поводы моего посѣщенія, назвалъ свое имя, показалъ рекомендательное письмо и объяснилъ, что нарочно пріѣхалъ изъ другого города, чтобы переговорить съ Агриппою.

Аврелій отвѣтилъ мнѣ:

— Не знаю, удастся ли вамъ увидѣть учителя. Онъ имѣетъ обычай работать въ своемъ кабинетѣ, не выходя изъ него, по нѣскольку сутокъ подрядъ, и никто въ домѣ не смѣетъ въ это время его тревожить, такъ что даже обѣдъ и питье ставятъ для него въ сосѣдней комнатѣ. Тамъ же кладутъ ему и всѣ присылаемыя письма, такъ что, если вы передадите намъ ваше, мы его включимъ въ то же число.

Послѣ такого заявленія не оставалось мнѣ ничего лучшаго, какъ вручить Аврелію письмо Геторпія и откланяться, довольствуясь тѣмъ, что такъ счастливо разрѣшилось мое первое въ домѣ Агриппы приключеніе, въ которомъ велъ я себя не совсѣмъ достойно. Однако, надо думать, что тотъ день принадлежалъ къ числу несчастныхъ, dies nefasti, потому что и Аврелій и я, оба мы вздумали загладить слѣды нелѣпой ссоры, забывая пословицу, что кто отыгрывается, проигрываетъ вдвое. Такъ

Аврелій убѣдилъ всѣхъ своихъ товарищей подать мнѣ руку и по одному представлялъ ихъ мнѣ.

— Это,—говорилъ онъ, указывая на того, съ кѣмъ началась у меня перебранка,—самый изъ насъ старшій, родомъ изъ Италіи, и мы зовемъ его Эммануэлемъ; какъ уроженецъ юга, онъ вспыльчивъ и необузданъ; а это—маленькій Гансъ, самый младшій изъ насъ, не по имени только Іоаннъ, но и по любви къ нему учителя; а это—дѣльный малый, голова и кулакъ, какихъ немного, по прозвищу Августинъ; наконецъ, передъ вами я самъ—Аврелій, человѣкъ кроткій, какъ вы сами видѣли, а потому надѣющійся наслѣдить землю.

Я же не только пожалъ всѣмъ руки, но, на бѣду, предложилъ, въ знакъ того, что не осталось между нами никакого недоразумѣнія, выпить вмѣстѣ кварту вина въ одномъ изъ трактировъ. Посовѣтовавшись между собою вполголоса, ученики согласились на мой зовъ, и безъ промедленія всѣ, впятеромъ, отправились мы изъ дома Агриппы подъ гостепріимный кровъ лучшей въ городѣ гостиницы подъ вывѣской «Жирныхъ Пѣтуховъ».

Расположившись въ большой и еще совершенно пустой въ тотъ ранній часъ комнатѣ трактира за стаканами, въ которыхъ искрился радостный шарлахбергеръ, и за кругомъ добраго южнаго сыру, мы очень скоро забыли недавніе вражескіе другъ на друга взгляды. Вино, по выраженію Горація Флакка, explicuit contractae seria frontis, разгладило на нашихъ лбахъ морщины, и голоса наши стали громкими, живыми и радостными, такъ что сторонній наблюдатель могъ бы принять насъ за обычныхъ собутыльниковъ, не знающихъ тайнъ между собой. Но напрасно старался я навести разговоръ на сокровенныя знанія и на магію, думая, что ученики великаго чародѣя, за бокалами, будутъ похваляться своими частыми сношеніями съ демонами,—ихъ мысли были всего дальше отъ этихъ предметовъ. Здоровые и веселые, болтали они обо всемъ на свѣтѣ: объ успѣхахъ лютеріанства, о своихъ любовныхъ похожденіяхъ, о приближавшихся праздникахъ св. Катарины и св. Андрея съ ихъ забавными обрядами,—и я почувствовалъ себя опять студентомъ среди

своихъ давнихъ кельнскихъ собутыльниковъ. И только одинъ юный Гансъ держался среди насъ особнякомъ, пилъ мало и былъ похожъ на дѣвушку, которая, по стыдливости, говоритъ «спутники» вмѣсто «панталоны».

Когда, наконецъ, прямо сталъ я разспрашивать объ Агриппѣ и его теперешней жизни, изо всѣхъ устъ посыпались жалобы, для меня очень неожиданныя. Августинъ признался, что переживаютъ они время очень плачевное, что учителя тѣснятъ кредиторы, а у него почти нѣтъ другихъ доходовъ, кромѣ прибыли отъ продажи его сочиненій. Аврелій добавилъ, что изъ-за этой стѣсненности въ деньгахъ принужденъ былъ Агриппа вступить на службу къ нашему архіепископу, а тотъ поручаетъ ему такія недостойныя занятія, какъ устройство праздниковъ и присмотръ за ними. Наконецъ, Эммануэль съ бранными словами напалъ на третью жену Агриппы, съ которой онъ только что развелся, находя, что всѣ бѣды принесла съ собой эта женщина, и всячески выхваляя его покойную жену, Жанну-Луизу, къ которой, кажется, былъ не равнодушенъ. Началъ Эммануэль также разсказывать мнѣ о прекрасныхъ дняхъ, какіе знали они всѣ въ Антверпенѣ, когда Агриппа процвѣталъ подъ покровительствомъ, нынѣ уже покойной, принцессы Маргариты Австрійской; когда домъ ихъ былъ оживленнымъ, веселымъ, вѣчно наполненнымъ смѣхомъ и шутками; когда учитель, его жена, его дѣти и его ученики составляли одну дружную семью... Къ сожалѣнію, шкиперомъ нашей бесѣды былъ богъ Вакхъ, и конецъ разсказа, не достигнувъ пристани, затонулъ гдѣ-то подъ штормомъ неожиданныхъ шутокъ и насмѣшекъ Августина. Одно только могъ я заключить съ достовѣрностью: что Агриппа, если и умѣлъ дѣлать золото для другихъ и доставлять успѣхъ другимъ, не пользовался своимъ искусствомъ для самого себя.

Однако, нѣсколько времени спустя, мы опять повернули къ интереснымъ берегамъ, потому что захмелѣвшіе собесѣдники стали настойчиво добиваться отъ меня, съ какимъ дѣломъ пріѣхалъ я къ Агриппѣ. Я не въ силахъ былъ сказать ни слова этимъ безпечнымъ ребятамъ о Ренатѣ и потому отозвался кратко, что хочу спросить нѣкоторыхъ совѣтовъ по вопросамъ оперативной магіи.

Къ моему справедливому удивленію, этотъ отвѣтъ былъ встрѣченъ дружнымъ смѣхомъ.

— Ну, другъ,—сказалъ Аврелій,—попали вы не мѣтко въ цѣль! Придется вамъ ѣхать назадъ съ тѣмъ же багажомъ, съ какимъ пріѣхали!

— Неужели Агриппа,—спросилъ я,—до такой степени оберегаетъ свои свѣдѣнія въ тайныхъ наукахъ и такъ не охотно дѣлится ими?

Тутъ въ разговоръ вмѣшался Гансъ, молчавшій почти все время:

— Какъ обидно, — воскликнулъ онъ, — что на учителя всегда смотрятъ, какъ на чародѣя! Неужели всегда Агриппа Неттесгеймскій, одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ умовъ своего вѣка, долженъ будетъ платиться за увлеченія своей молодости, и его будутъ знать только, какъ автора слабой и неудачной книги «О сокровенной философіи»?

Изумленный, я указалъ, что книгу Агриппы по магіи никакъ не могу почитать неудачной, что, кромѣ того, она только-что вышла изъ печати и что, слѣдовательно, самъ авторъ придастъ ей, еще теперь, нѣкоторое значеніе.

Гансъ отвѣтилъ мнѣ, негодуя:

— Развѣ же вы не читали предисловія къ книгѣ, гдѣ учитель объясняетъ это? Его книга распространилась по всей Европѣ въ спискахъ невѣрныхъ, со вздорными дополненіями, вродѣ нелѣпой ея «четвертой части», и учитель предпочелъ напечатать свой подлинный текстъ, чтобы отвѣчать только за свои слова. Но въ самой книгѣ нѣтъ ничего, кромѣ изложенія разныхъ теорій, которыя учитель изучалъ, какъ философъ. Насъ онъ самъ завѣрилъ, что никогда, ни одного раза въ жизни не приходило ему въ голову заниматься такими пустяками или такими нелѣпостями, какъ вызываніе демоновъ!

Едва Гансъ произнесъ эти запальчивыя слова, какъ товарищи стали потѣшаться уже надъ нимъ, напоминая, что еще очень недавно онъ самъ вѣрилъ въ заклинанія. Смѣшавшись и покраснѣвъ, Гансъ, чуть не со слезами на глазахъ, просилъ замолчать, говоря, что тогда онъ былъ еще слишкомъ молодъ и глупъ. Но я, какъ

лицо постороннее, настаивалъ, чтобы мнѣ объяснили, о чемъ рѣчь, и Августинъ, хохоча, разсказалъ мнѣ, что Гансъ, только-что вступивъ въ домъ Агриппы, тайно унесъ изъ его кабинета книгу заклинаній и гримуаровъ и хотѣлъ, начертивъ кругъ, непремѣнно вызвать духа.

— Забавнѣе всего то,—добавилъ оправившійся Гансъ,—что теперь въ народѣ разсказываютъ про этотъ случай. Увѣряютъ, будто ученикъ, укравшій книгу, дѣйствительно вызвалъ демона, но не умѣлъ отогнать его. Тогда демонъ умертвилъ ученика. Агриппа какъ разъ въ эту минуту вернулся домой. Чтобы не сочли его самого виновникомъ этой смерти, велѣлъ онъ демону войти въ тѣло ученика и отправиться на людную площадь. Тамъ, будто бы, демонъ и покинулъ мертвое тѣло, оживленное имъ, такъ что оказалось много свидѣтелей скоропостижной смерти ученика. И я убѣжденъ, что эту вздорную басню включатъ впослѣдствіи въ біографію учителя и будутъ ей вѣрить больше, чѣмъ правдивымъ разсказамъ о его работахъ и несчастіяхъ!

Послѣ этого всѣ четверо еще нѣсколько минутъ говорили о демонахъ и вызываніяхъ, но все время въ тонѣ пренебрежительной шутки и не безъ лукавства разспрашивали меня, въ какой отдаленной мѣстности подобралъ я на нивѣ брошенную за ненадобностью вѣру въ магію. Я же, слушая эти легкомысленныя рѣчи, дѣйствительно, чувствовалъ себя какъ Лютеръ, пріѣхавшій изъ своего глухого городка въ Римъ, гдѣ ждалъ онъ найти сосредоточіе благочестія, а нашелъ только развратъ и безбожіе.

Тѣмъ временемъ хозяинъ «Жирныхъ Пѣтуховъ» усердно смѣнялъ опустѣвшія кварты полными, собесѣдники мои пили отъ чистаго сердца, съ ненасытимой жаждой молодости, а я пилъ, чтобы заглушить чувство стыда и неловкости передъ самимъ собой,—и наша веселая болтовня переходила понемногу въ буйное веселіе. Языки наши стали выговаривать слова не отчетливо, а въ головахъ закружились розовые смерчи, отъ которыхъ все стало казаться пріятнымъ, милымъ и легкимъ. Покинувъ темы о магахъ и заклинаніяхъ, перешли мы къ бесѣдамъ, болѣе подходящимъ къ состоянію нашей мыслительной способности.

Такъ, сначала поднялся у насъ споръ о преимуществахъ разныхъ сортовъ винъ: итальянскаго рейнфаля и испанскаго канарскаго, шпейерскаго генсфюссера и виртембергскаго эйльфингера, а также многихъ другихъ, причемъ ученики Агриппы проявили себя знатоками не хуже монаховъ. Споръ грозилъ перейти въ драку, потому что Эммануэль кричалъ, что лучшее вино идетъ изъ Истріи и грозилъ разбить черепъ всякому, кто думаетъ иначе; но всѣхъ пятерыхъ примирилъ Аврелій, предложившій спѣть пѣсенку:

Klingenberg am Main,
Würtzburg am Stein,
Bacharach am Rhein
Wachsen die besten Wein!

Стихи, должно быть, какъ голосъ Музы, успокоили всѣхъ; но черезъ минуту поднялась другая ссора о томъ, гдѣ женщины лучше. Эммануэль опять выхвалялъ свою Италію и особенно дома веселія въ Венеціи, но Августинъ увѣрялъ, что нѣтъ мѣста лучше Нюренберга, такъ какъ тамъ недавно закрыли женскій монастырь, и всѣ монахини перешли въ публичные дома. Впрочемъ, споръ велся безо всякихъ правилъ диспутовъ, и когда я только упомянулъ, что былъ въ Болонѣ, Эммануэль пришелъ въ неистовый восторгъ, схватилъ меня въ объятія и цѣловалъ, крича: «Онъ былъ въ Италіи! Слышите!—онъ былъ въ Италіи!» Чтобъ и въ этомъ случаѣ успокоить страсти, Аврелій предложилъ такое рѣшеніе, что лучшія женщины—въ Боннѣ, и что въ этомъ надо немедленно удостовѣриться. Товарищи, съ криками радости, согласились на доводы Аврелія и объявили, что никогда не видѣли болѣе ловкаго кводлибетарія.

Запѣвъ какую-то веселую пѣсню, но не очень твердо стоя на ногахъ, отправились мы, подъ предводительствомъ Аврелія, куда-то на другой край города, пугая мирныхъ прохожихъ. Однако, свѣжесть зимняго воздуха довольно скоро отрезвила меня, и, когда на одномъ поворотѣ маленькій Гансъ сдѣлалъ мнѣ знакъ глазами, я тотчасъ его понялъ и поспѣшилъ послѣдовать сиг-

налу. Залуманная военная диверсія намъ удалась счастливо, и скоро мы остались одни въ пустынномъ переулкѣ.

— Мнѣ показалось,—сказалъ Гансъ,—что вамъ не было заманчивымъ продолжать попойку, а я считаю такое времяпрепровожденіе и вреднымъ, и безполезнымъ. Хотите поэтому я провожу васъ къ вамъ домой?

Я отвѣтилъ:

— Вы совершенно правы. Я васъ благодарю и очень прошу въ самомъ дѣлѣ оказать мнѣ услугу, потому что вино въ этомъ городѣ, кажется, вдвое крѣпче, чѣмъ на всемъ свѣтѣ, и безъ васъ я не найду другой дороги, какъ въ ближайшій ровъ.

Маленькій Гансъ добродушно засмѣялся и принялъ во мнѣ самое близкое участіе. Не только онъ проводилъ меня въ мою гостиницу, но и уложилъ въ постель, гдѣ тотчасъ же придавилъ меня мутный сонъ. А когда, спустя нѣсколько часовъ, я проснулся, не совсѣмъ, конечно, освѣженный, съ сильной еще головной болью, но съ провѣтреннымъ сознаніемъ, — я увидѣлъ, что Гансъ не покидалъ меня и заготовилъ мнѣ какое-то питье и ужинъ.

— Я—медикъ,—объяснилъ мнѣ Гансъ, — не счелъ хорошимъ покинуть больного въ томъ видѣ, въ какомъ вы находились, хотя и помнилъ изрѣченіе Гиппократа: Si quis ebrius repente obmutescat...

Случайно то былъ одинъ изъ тѣхъ афоризмовъ, который еще съ дѣтскаго возраста прочно уложился у меня въ памяти, и я могъ продолжать:

— ... quo tempore crapulae solvi solent vocem edat.

Оба мы засмѣялись на такую школьную истину, и смѣхъ этотъ сблизилъ насъ больше, нежели всѣ предшествовавшіе разговоры.

Гансу было лѣтъ двадцать, а, можетъ быть, меньше. Онъ былъ невысокъ ростомъ и некрасивъ лицомъ, которому нѣсколько смѣшной видъ придавали кругловатые глаза на выкатѣ подъ круто-изогнутыми бровями, но молодое лицо изобличало умъ и было пріятно. Въ разговорѣ, который завязался у насъ тотчасъ, этотъ безбородый юноша выказалъ проницательность, большія

свѣдѣнія въ наукахъ и даже знаніе жизни. И вотъ, подъ впечатлѣніемъ минутнаго порыва, который управляетъ нашими поступками чаще, чѣмъ рука холоднаго соображенія, а, можетъ быть, и не безъ вліянія еще не вполнѣ миновавшаго опьяненія, я разсказалъ маленькому Гансу то, что утаилъ отъ его старшихъ товарищей: зачѣмъ я пріѣхалъ къ Агриппѣ и вообще, что пришлось мнѣ пережить за послѣдніе мѣсяцы, умолчавъ, конечно, только объ имени Ренаты и о нашемъ мѣстопребываніи. Надо, впрочемъ, въ мое оправданіе, вспомнить, что въ теченіе долгаго времени я не имѣлъ возможности ни съ однимъ человѣческимъ существомъ поговорить откровенно и что все то мучительное, что испытывалъ я, оставалось въ моей душѣ, какъ нѣкая тяжесть, давившая ее и давно искавшая исхода.

Гансъ выслушалъ мою длинную и страстную исповѣдь со вниманіемъ, какъ врачъ принимаетъ признанія больного, и, послѣ недолгаго обдумыванія, отвѣтилъ мнѣ такъ, говоря, словно наставникъ къ младшему:

— Я не сомнѣваюсь въ справедливости ни одного изъ вашихъ словъ. Но вы, повидимому, мало изучали медицину и во всякомъ случаѣ не знаете новыхъ и весьма замѣчательныхъ открытій, сдѣланныхъ въ этой области. Я же былъ счастливъ, имѣвъ руководителемъ по этой наукѣ такого ученаго, какъ нашъ учитель, который, хотя и прекратилъ практику, но остается однимъ изъ величайшихъ медиковъ своего вѣка. Теперь мы знаемъ, что существуетъ особая болѣзнь, которую нельзя признать помѣшательствомъ, но которая близка къ нему, и можетъ быть названа старымъ именемъ—меланхолія. Болѣзнь эта, чаще, чѣмъ мужчинъ, поражаетъ женщинъ,—существо болѣе слабое, какъ показываетъ самое слово mulier, производимое Варрономъ отъ mollis, нѣжный. Въ состояніи меланхоліи всѣ чувствованія бываютъ измѣнены подъ давленіемъ особаго флюида, распространившагося по всему тѣлу, такъ что больныя совершаютъ поступки, которыхъ нельзя объяснить никакой разумной цѣлью, и бываютъ подвержены самымъ необъяснимымъ и самимъ быстрымъ смѣнамъ настроеній. То онѣ веселы, то печальны, то бодры, то безвольны до крайности,—и все это безо всякой видимой причины. Точно

такъ же безъ надобности онѣ лгутъ: выдаютъ себя не за то, что онѣ есть, возводятъ сами на себя или на другихъ вымышленныя преступленія, особенно же любятъ играть роль преслѣдуемыхъ, жертвы. Эти женщины искренно вѣрятъ въ свои разсказы и искренно страдаютъ отъ призрачныхъ бѣдъ, воображая, что одержимы демонами, онѣ дѣйствительно мучатся и бьются въ конвульсіяхъ, причемъ заставляютъ такъ изгибаться свое тѣло, какъ это имъ невозможно сдѣлать сознательно, и вообще своимъ воображеніемъ могутъ довести себя и до смерти. Изъ числа именно этихъ несчастныхъ пополняются ряды, такъ называемыхъ, вѣдьмъ, которыхъ надо бы пользовать успокоительнымъ питьемъ, но противъ которыхъ папы издаютъ буллы, а инквизиторы воздвигаютъ костры. Я полагаю, что и вы повстрѣчались съ одной изъ подобныхъ женщинъ. Конечно, она вамъ разсказала о своей жизни басню, и никакого графа Генриха не существовало никогда; позднѣе же, всѣми доступными ей средствами, она стремилась къ тому, чтобы остаться въ вашихъ глазахъ необыкновенной и несчастной, за что, впрочемъ, никакъ нельзя ее винить, такъ какъ тутъ дѣйствовала ея болѣзнь.

Выслушавъ эту лекцію, я напомнилъ Гансу то, что разсказывалъ ему о своемъ полетѣ на шабашъ и о нашемъ вызываніи демона Анаэля, но Гансъ возразилъ мнѣ такъ:

— Пора бы перестать вѣрить въ такія бабьи сказки, какъ шабашъ: помраченіе чувствъ, воображеніе—вотъ что такое шабашъ! Вы, конечно, были во власти сильнаго снотворнаго средства, которое дала вамъ ваша знакомая, и я тотчасъ скажу вамъ составъ этого зелья: въ него входило—масло, петрушка, пасленъ, волкозубъ, ибунка, можетъ быть, соки и другихъ растеній, но главными элементами были—трава, называемая итальянцами белладонна, затѣмъ бѣлена и немного опиванскаго опіума. Составленная такимъ образомъ мазь, при втираніи ея въ тѣло, всегда вызываетъ глубокій летаргическій сонъ, въ которомъ являются съ большой яркостью видѣнія тѣхъ вещей, о которыхъ вы думали, засыпая. Нѣкоторые медики уже дѣлали опыты и заставляли женщинъ, которыя почитали себя вѣдьмами, натираться волшебной мазью подъ своимъ присмотромъ. И что же! ока-

зывалось, что эти несчастныя лежали простертыми во снѣ на одномъ мѣстѣ, хотя, проснувшись, съ полнымъ убѣжденіемъ и повѣствовали разныя небылицы о своихъ полетахъ и пляскахъ. Точно такъ же нелѣпо вѣрить, будто какія-то слова, халдейскія или латинскія, которыя ничѣмъ не лучше нашихъ нѣмецкихъ, и какія-то линіи, называемыя характерами, имѣютъ власть надъ силами природы и Дьяволомъ. Я увѣренъ, что въ вашемъ опытѣ вызыванія ни что иное, какъ дымъ отъ куренія приняли вы за образы демоновъ, и что разбилъ у васъ первую лампаду не одинъ изъ злыхъ духовъ, но та же ваша помощница, конечно, находясь въ припадкѣ изступленія.

На всѣ эти разсужденія у меня тогда не нашлось возраженій, какъ потому, что моя голова была утомлена въ тотъ день, такъ и потому, что я отвыкъ отъ ученыхъ споровъ, и я стоялъ передъ маленькимъ Гансомъ, какъ противникъ, выронившій шпагу изъ рукъ, или какъ пристыженный ученикъ, котораго наставникъ бьетъ линейкой. Такое положеніе не помѣшало мнѣ, однако, воздать должное остроумію доводовъ Ганса, и я тутъ же сказалъ ему, что, если онъ сумѣетъ обосновать свои мнѣнія и подкрѣпить ихъ достаточнымъ числомъ примѣровъ, ему удастся написать очень примѣчательное и, можетъ быть, полезное сочиненіе. И я еще твердо надѣюсь повстрѣчать такую книгу, которая и сдѣлаетъ извѣстнымъ имя моего молодого друга— Іоганна Вейера.

Прощаясь со мною, Гансъ убѣдительно совѣтовалъ мнѣ прійти на слѣдующій день къ нимъ въ домъ, такъ какъ это былъ воскресный день и можно было ожидать, что Агриппа покинетъ свой кабинетъ. Я тоже согласился, что неприлично мнѣ, оставивъ рекомендательное письмо, самому въ домѣ не появиться, но послѣ всего, что слышалъ я отъ учениковъ Агриппы, уже не могъ ждать ничего важнаго для себя и отъ встрѣчи съ нимъ. Эту вторую ночь въ Боннѣ провелъ я совсѣмъ не съ такими весенними мечтами, какъ первую, и всѣ мои пустоцвѣтныя надежды, словно отъ засухи, поникли головами къ самой землѣ.

Все-таки на слѣдующій день, въ часъ послѣ обѣдни, я опять постучался подъ дверями Агриппы, и на этотъ разъ Эммануэль,

Августинъ и Аврелій встрѣтили меня, какъ добраго пріятеля, только добродушно выговаривая мнѣ, что я не по-товарищески покинулъ ихъ наканунѣ «въ бѣдѣ». Вчера меня ждали въ домѣ Агриппы дреколья и собачьи зубы, а сегодня меня похлопывали по плечу, называли, шутя, amicissime, и я на дѣлѣ могъ убѣдиться, что нѣтъ лучшей свахи, чѣмъ Вакхъ. Мало того, потому ли, что Аврелій и его товарищи, дѣйствительно, почувствовали ко мнѣ расположеніе, или они хотѣли загладить вчерашній свой пріемъ, или, наконецъ, они просто рады были новому человѣку, скучая въ уединеніи,—но только весь тотъ день они посвятили мнѣ и наперерывъ заботились, чтобы доставить мнѣ всякія развлеченія.

Аврелій взялся показать мнѣ весь домъ, и мы обошли двѣнадцать или пятнадцать комнатъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были совершенно нежилыми и не обставленными никакой мебелью. Въ другихъ обстановка была самая разнообразная, отъ вещей роскошныхъ, хотя и обветшалыхъ, до совершенно дешевыхъ, купленныхъ по нуждѣ и разставленныхъ какъ попало, безо всякаго изящества. Въ комнатахъ, которыя недавно занимала третья жена Агриппы, все оставалось въ крайнемъ безпорядкѣ, словно жилище только-что было разграблено нѣмецкими ландскнехтами; но и наиболѣе прибранныя напоминали скорѣе лавку столяра, нежели домъ философа.

Аврелій познакомилъ меня и со всѣми обитателями дома, а, прежде всего, съ двумя сыновьями Агриппы, Генрихомъ и Іоганномъ, мальчиками лѣтъ по десяти, не произведшими на меня впечатлѣнія ни умныхъ, ни воспитанныхъ; два другихъ сына Агриппы были тогда въ отсутствіи. Съ дѣтьми жила старая служанка Марія, добродушная и простоватая, не покидавшая Агриппу въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ, но, кажется, неспособная связать трехъ словъ подъ рядъ. Другая служанка, Маргарита, была лишь немногимъ помоложе, но зато лишь немногимъ и поумнѣе, а слуга, рослый парень, по прозвищу Антей, производилъ впечатлѣніе совершеннаго идіота. Такимъ образомъ легко можно было догадаться, что жизнь въ этомъ домѣ была невеселая, и послѣ учениковъ я долженъ былъ при-

знать самыми живыми его обитателями шесть или семь собакъ, большихъ, породистыхъ, со звучными кличками: Таро, Пикконіусъ, Баласса, Муза, которыя важно бродили по всѣмъ комнатамъ, какъ по своимъ исконнымъ владѣніямъ.

Аврелій, не упускавшій нигдѣ случая увѣрить меня, что Агриппа не занимается чародѣйствомъ, сказалъ мнѣ объ этихъ собакахъ:

— Учитель такъ любитъ собакъ, что съ ними не разлучается даже ночью и спитъ съ ними въ одной постели. На смерть одной изъ его любимыхъ собакъ Filolus'а, его друзья даже написали нѣсколько латинскихъ эпитафій въ стихахъ. А въ народѣ по этому поводу ходятъ вздорные слухи, будто Агриппа держитъ у себя въ видѣ собакъ домашнихъ демоновъ.

Точно такъ же, показывая мнѣ комнату, смежную съ кабинетомъ Агриппы, гдѣ ставилась ему пища и клались новыя письма, Аврелій сказалъ мнѣ:

— Имперская почта получаетъ хорошій доходъ съ учителя, такъ какъ ему ежедневно приходитъ нѣсколько писемъ. Онъ въ перепискѣ и съ Эразмомъ, и со многими коронованными лицами, и съ архіепископами, и даже съ самимъ папою, не говоря о простыхъ ученыхъ и безчисленныхъ его почитателяхъ. Отъ нихъ-то узнаетъ онъ новости со всѣхъ краевъ Европы, а суевѣры воображаютъ, будто онъ получаетъ ихъ магическими способами.

Послѣ осмотра дома и сытнаго, хотя довольно скромнаго обѣда, новые пріятели повели меня гулять по городу, изъ улицы въ улицу, при чемъ мы очень скоро обошли его весь, такъ какъ Боннъ очень невеликъ, и даже выходили за ворота, откуда красивый видъ на Семигорье. Также полюбовался я и церквами Бонна, особенно же пятибашеннымъ соборомъ—поистинѣ однимъ изъ прекраснѣйшихъ созданій нашей старинной архитектуры. Улицы въ тотъ день были по праздничному полны народомъ, и было пріятно медленно брести въ толпѣ, разодѣтой въ яркія, разноцвѣтныя платья, перемигиваться съ незнакомыми дѣвушками и разсматривать молодыхъ людей, въ зимнихъ плащахъ и шляпахъ съ перьями. Августинъ зналъ по именамъ весь городъ и чуть не о каждомъ прохожемъ и не о каждой жен-

щинѣ успѣвалъ шепнуть намъ на ухо веселую исторійку, напоминавшую Facetiae Поджо и заставлявшую насъ смѣяться.

Часовъ около пяти мы вернулись домой, и Аврелій, узнавъ, что Агриппа все еще не отворялъ дверей кабинета, предложилъ играть въ шахматы. Я предоставилъ доску Аврелію съ Эммануэлемъ, а самъ вызвался биться съ Августиномъ объ закладъ за выигрышъ того или другого. Смотрѣть на игру пришли мальчики изъ своей дѣтской, а съ ними и Марія, которая почитала себя членомъ семьи. Всѣ мы столпились вокругъ стола, за которымъ сидѣли игроки, и двѣ собаки, помѣстившись подлѣ, не съ меньшимъ вниманіемъ слѣдили за передвиженіемъ пѣшекъ и коней. И никто, глядя на двухъ шахматистовъ, увлеченныхъ своими ходами, на слѣдящихъ за ними закладчиковъ, на двухъ мальчишекъ, сосущихъ свои пальцы, и на старую добрую няньку,—не подумалъ бы, что эта идиллическая семейная сцена, достойная пера Саннацаро, совершается въ домѣ великаго чародѣя Агриппы, который, по разсказамъ, сводитъ луну съ неба и выводитъ тѣла мертвыхъ изъ ихъ могилъ.

Я держалъ пари за Эммануэля, надѣясь на его изобрѣтательность, но Аврелій оказался гораздо болѣе ловкимъ въ искусствѣ Даміана и, дѣйствуя медленно и обдуманно, очень рѣшительно тѣснилъ своего противника. Играя безъ хладнокровія, Эммануэль сердился и ни за что не хотѣлъ признать себя побѣжденнымъ, но, вѣроятно, не избѣгъ бы мата, если бы вдругъ изъ комнаты Агриппы не раздался звукъ колокольчика, призывающій къ нему. Всѣ, бывшіе въ нашей комнатѣ, пришли въ движеніе: мальчики испуганно шмыгнули за двери, Марія побѣжала за ними, Гансъ кинулся наверхъ по зову, а Эммануэль, пользуясь общимъ смятеніемъ, словно въ минутномъ порывѣ, смѣшалъ фигуры на доскѣ, и никто не узналъ, чѣмъ должна была кончиться та партія.

Черезъ нѣсколько минутъ Гансъ вернулся отъ учителя и объявилъ, что Агриппа читалъ мое письмо и готовъ принять меня немедленно, и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ зоветъ къ себѣ и всѣхъ учениковъ.

Такимъ образомъ исполнилось мое завѣтное желаніе и

осуществилась цѣль, ради которой я прибылъ въ Боннъ,—но уже не надежда получить разрѣшеніе томившихъ меня недоумѣній, а только любопытство путешественника, осматривающаго мѣстныя достопримѣчательности, владѣло мною, когда взбирался я по узкой лѣстницѣ во второй этажъ, гдѣ былъ кабинетъ Агриппы. Ученики же, принимая во мнѣ дружеское участіе, наперерывъ давали мнѣ совѣты, какъ вести себя съ Агриппою, то напоминая, чтобы я говорилъ громче, ибо учитель нѣсколько тугъ на ухо, то предупреждая, что учитель терпѣть не можетъ монаховъ, то предлагая непремѣнно называть учителя «magister doctissime» и т. под. Передъ самой дверью въ комнату Агриппы пришлось еще разъ остановиться, Гансъ опять побѣжалъ впередъ, и только послѣ этого, наконецъ, дверь отворилась, и я вступилъ въ святую святыхъ.

Кабинетъ Агриппы съ перваго взгляда напоминалъ скорѣе музей или монастырскую библіотеку,—такъ былъ онъ весь загроможденъ шкафами съ книгами и съ папками, а также чучелами животныхъ и разными физическими приборами и инструментами; даже на скамьяхъ и на полу были разбросаны рукописи, рисунки, бумаги всякаго рода. Тамъ и сямъ лежали слои пыли, пахло какой-то затхлостью, но солнце, проникая въ узкое готическое окно комнаты, озаряло ее довольно привѣтливо и ярко. У широкаго стола, тоже заваленнаго фоліантами и тетрадями, самъ словно погребенный въ бумагахъ, сидѣлъ въ высокомъ креслѣ человѣкъ небольшого роста, не старый еще, худой и бритый, въ малиновой шапочкѣ на сѣдыхъ волосахъ и широкомъ плащѣ, отороченномъ мѣхомъ. Я узналъ Агриппу, ибо онъ очень похожъ на свой портретъ, напечатанный на обложкѣ книги «De Occulta Philosophia»; только выраженіе лица показалось мнѣ нѣсколько инымъ: на портретѣ оно добродушное и откровенное,—у Агриппы же было въ лицѣ что-то пренебрежительное или брезгливое, можетъ быть, оттого, что губы его какъ-то старчески свисали, а усталыя вѣки на половину прикрывали взглядъ живыхъ и острыхъ глазъ. У ногъ Агриппы, положивъ ему морду на колѣни, сидѣла его любимая черная собака, небольшая, съ мохнатой шерстью и поразительно умными,

словно человѣческими, глазами, которую, какъ я узналъ позже, звали «Монсеньеромъ».

Войдя, я съ поклономъ остановился на порогѣ, но Агриппа, привѣтствуя меня наклономъ головы, словно государь, привыкшій давать аудіенціи, сказалъ мнѣ:

— Добро пожаловать, господинъ пріѣзжій! Мнѣ о васъ пишетъ мой другъ Геторній. Въ старости у меня друзей осталось немного, очень немного, но зато каждое ихъ слово для меня—обязательство. Садитесь и будьте другомъ въ этомъ домѣ хотя вы и привезли мнѣ дурныя новости.

Послѣднія слова чуть-чуть смутили меня и, занимая мѣсто среди учениковъ около стола, я не зналъ, что сказать, но Агриппа снова заговорилъ самъ. Взявъ со стола привезенное мною рекомендательное письмо и показывая его намъ, онъ произнесъ, не безъ риторскаго искусства, цѣлую рѣчь, которую, повидимому, предназначалъ исключительно для меня, такъ какъ ученикамъ не сообщалъ въ ней ничего новаго.

— Геторній, представляя васъ,—сказалъ онъ,—пишетъ мнѣ въ то же время, что онъ не рѣшается печатать моего «Апологетическаго письма къ Кельнскому сенату» и что вообще ни одна типографія въ Кельнѣ не приметъ его подъ свой прессъ! Узнаю обычное оружіе моихъ противниковъ, такъ какъ происки ихъ преслѣдовали меня всю мою жизнь! Въ Антверпенѣ тамошніе ученые добились запрещенія мнѣ практиковать, какъ медику, хотя я лѣчилъ людей въ дни язвы, когда городскіе лѣкаря всѣ разбѣжались! Въ Кельнѣ мнѣ не позволили читать лекцій, хотя въ Долѣ, въ Туринѣ, въ Павіи у меня было больше слушателей, чѣмъ у всѣхъ другихъ магистровъ! Императоръ, у котораго я состоялъ исторіографомъ, не находилъ нужнымъ платить мнѣ жалованье, и въ Брюсселѣ кредиторы бросили меня за долги въ тюрьму! Наконецъ, едва попытался я печатать свои сочиненія, какъ обрушились на меня еще худшія угрозы: въ Парижѣ мою книгу сожгли, по приговору Сорбонны, а въ Германіи противился ея напечатанію самъ инквизиторъ, пренебрегая данной мнѣ привилегіей. Противъ моихъ сочиненій кричатъ доктора, лиценціаты, учителя, баккалавры,

риторы всѣхъ родовъ и вся несчетная толпа бездѣльниковъ въ рясахъ, капюшонахъ, мантіяхъ, босоногихъ и въ сандаліяхъ, черныхъ, бѣлыхъ, сѣрыхъ, всѣхъ мастей: однимъ словомъ всѣ дѣлатели силлогизмовъ и наемные софисты, которымъ истина слѣпитъ глаза, какъ совамъ. Но я не боюсь нападеній, сумѣю оборонится и противъ явныхъ обвиненій и противъ клеветы тайной. Они теперь не даютъ мнѣ напечатать письма, въ достаточной степени сдержаннаго. Что жъ, я напишу другое, безпощадное, подбавлю туда уксусу и горчицы, но поуменьшу масла, и напечатаю-таки его въ другомъ городѣ, хоть въ Лондонѣ, хоть въ Константинополѣ!

Произнося эти грозныя диатрибы въ моемъ присутствіи, Агриппа, вѣроятно, надѣялся, что черезъ меня онѣ станутъ извѣстными разнымъ кругамъ лицъ, такъ какъ почиталъ меня другомъ Геторпія. Но я, видя необходимость отвѣтить, сказалъ осмотрительно, что не берусь быть судьею въ спорѣ Агриппы съ клиромъ, ни, тѣмъ болѣе, съ его величествомъ Императоромъ, но что, конечно, всѣ тѣ преслѣдованія, о которыхъ говоритъ Агриппа, дѣлаютъ ему честь, ибо на незначительнаго человѣка не направили бы нападеній ни инквизиція, ни теологи, ни ученые.

Воспользовавшись минутою молчанія, Аврелій напомнилъ учителю, что я пріѣхалъ съ опредѣленною цѣлью просить у него совѣта. Агриппа, словно бы онъ только неожиданно вспомнилъ обо мнѣ, обернулся въ мою сторону и, гнѣвно кинувъ письмо Геторпія на столъ, спросилъ:

— Что же, молодой другъ, хотите вы отъ меня? Чѣмъ можетъ помочь вамъ Агриппа, котораго, какъ вы видите, травятъ, словно свора собакъ лису?

Я поспѣшилъ отвѣтить, что чувствую себя, какъ Марсіасъ, вопрошаемый Аполлономъ, и что оправданія своей смѣлости ищу только въ славѣ Агриппы, распространенной по всей Европѣ, но что за разъясненіемъ вопросовъ, на которые отвѣта нельзя найти въ книгахъ, во всей Германіи обратиться можно только къ его познаніямъ, къ его уму, къ его опытности. Далѣе разсказалъ, что нѣкоторыя обстоятельства моей лич-

ной жизни привели меня къ занятіямъ оперативной магіей, что среди всѣхъ книгъ, написанныхъ по этому вопросу, я не могъ не выдѣлить сочиненіе Агриппы, что, изучивъ основательно все, изложенное въ его трудѣ, я нахожу еще множество темныхъ пунктовъ и хочу о нихъ отдѣльно просить разъясненія у самого автора.

Агриппа, выслушавъ меня, нахмурился и произнесъ съ досадливостью:

— Вы, должно быть, мою книгу читали не очень внимательно или ее не поняли, иначе бы не обратились ко мнѣ съ такими вопросами! Въ предисловіи у меня сказано ясно и твердо, что магъ долженъ быть не суевѣромъ, не кознодѣемъ и не демоніакомъ, но мудрецомъ, священнослужителемъ и пророкомъ. Истиннымъ магомъ почитаю я сибиллу, пророчившую въ язычествѣ о Христѣ, и тѣхъ трехъ царей, которые, узнавъ изъ дивныхъ міровыхъ тайнъ о рожденіи Спасителя міра, поспѣшили съ дарами къ колыбели-яслямъ. Вы же, повидимому, ищете въ магіи, какъ и большинство, не сокровеннаго знанія о природѣ, но разныхъ ловкихъ средствъ, чтобы вредить ближнимъ, чтобы добывать богатства, чтобы разузнавать о завтрашнемъ днѣ: но за такими свѣдѣніями надо итти къ фокусникамъ и шарлатанамъ, а не къ философу. Книга моя «О сокровенной философіи» написана мною въ юности и содержитъ много несовершеннаго, но все же представляетъ только обзоръ всего сказаннаго о магіи, дабы любознательный умъ могъ прослѣдить всѣ отрасли этой науки, но никогда никого не приглашалъ я пускаться въ темныя и не заслуживающія одобренія опыты гоетеіи!

Видя, что Агриппа отъ прямого отвѣта уклоняется, я рѣшился его, однако, принудить къ тому хотя бы и героическими средствами, и потому сказалъ такъ:

— Почему же, учитель, изслѣдовавъ внимательно области магіи и найдя въ нихъ одни заблужденія, не постарались вы другихъ отклонить отъ безплодныхъ занятій этою наукою, а, напротивъ, поспѣшили напечатать свой трудъ, который сами считаете несовершеннымъ? Онъ, можетъ быть, и составленъ

вами въ юности, но не забудьте, что присоединили вы къ нему два предисловія, которыя написаны совсѣмъ недавно и въ которыхъ о магіи говорите вы съ большимъ почтеніемъ и своего презрительнаго къ ней отношенія не проявляете ничѣмъ. Не подаете ли вы этимъ великій соблазнъ любознательнымъ читателямъ, и не правъ ли буду я, напомнивъ вамъ слова евангелія, что лучше было бы человѣку, соблазнившему единаго изъ малыхъ сихъ, если бы повѣсили ему на шею мельничный жерновъ и утопили его въ морской пучинѣ?

Во время этой моей рѣчи Аврелій дѣлалъ мнѣ глазами знаки, чтобы я замолчалъ; но я не привыкъ оставаться осмѣяннымъ и спокойно договорилъ до конца. Агриппа тоже былъ живо затронутъ моими словами, весь видъ его рѣзко перемѣнился,—такъ какъ его самоувѣренность и надменность какъ бы погасли, и онъ сказалъ мнѣ раздражительно:

— Чтобы напечатать мое сочиненіе, у меня были важныя причины, о которыхъ вы, молодой человѣкъ, не имѣете, вѣроятно, никакого понятія. Объяснять ихъ вамъ сейчасъ было бы совсѣмъ неумѣстно, не говоря о томъ, что особая клятва воспрещаетъ мнѣ касаться нѣкоторыхъ вопросовъ передъ непосвященнымъ.

Суровость отвѣта могла только возбудить мою настойчивость, и я, не побоявшійся задавать вопросы предсѣдателю шабаша, конечно, не отступилъ передъ гнѣвомъ Агриппы Неттесгеймскаго. Продолжая тѣснить его, я тотчасъ бросилъ ему новый вопросъ, и, мнѣ самому показалось, что мой ясный голосъ застучалъ, какъ двѣ игральныхъ кости, прыгающія по столу при рѣшительной ставкѣ:

— Magister doctissime! Но вѣдь я не имѣю никакихъ притязаній, чтобы вы открывали предо мной сокровенныя тайны! Но, будучи однимъ изъ соблазненныхъ вашей книгой, я только скромно прошу отвѣтить мнѣ, что же такое магія: истина или заблужденіе, наука или нѣтъ?

Агриппа вскинулъ на меня глаза, но я не опустилъ своихъ, и, пока наши взоры были сопряжены, испытывалъ я такое чувство, словно бы, держась за руки, мы оба стояли надъ пропастью.

Одну минуту вѣрилось мнѣ, что Агриппа сейчасъ-сейчасъ скажетъ мнѣ что-то исключительное и вдохновенное,—но вотъ уже предо мной опять сидѣлъ въ высокомъ креслѣ пожилой ученый, въ широкомъ плащѣ и малиновой шапочкѣ, который, сдержавъ свое негодованіе, на мои дерзкія требованія отвѣтилъ мнѣ чуть-чуть недовольнымъ, но строгимъ и ровнымъ голосомъ:

— Есть два рода науки, молодой человѣкъ. Одна — это та, которую практикуютъ въ наши дни въ университетахъ, которая всѣ предметы разсматриваетъ отдѣльно, разрывая единый цвѣтокъ вселенной на части, на корень, стебель, листъ, лепестокъ, и которая, вмѣсто познанія, даетъ силлогизмы и комментаріи. Въ моей книгѣ «О недостовѣрности познанія», стоившей мнѣ многихъ лѣтъ работы, но принесшей мнѣ однѣ насмѣшки и обвиненія въ ереси, выяснено подробно, что называю я псевдо-наукой. Адепты ея—псевдо-философы—сдѣлали изъ грамматики и риторики инструменты для своихъ ложныхъ выводовъ, превратили поэзію въ ребяческія выдумки, на ариѳметикѣ основали пустыя гаданія, а также музыку, которая развращаетъ и разслабляетъ, вмѣсто того, чтобы укрѣплять, превратили политику въ искусство обмановъ, а теологіей пользуются, какъ ареной для логомахіи, для словесной борьбы безо всякаго содержанія! Эти-то псевдо-философы исказили и магію, которую древніе почитали вершиной человѣческаго познанія, такъ что въ наши дни натуральная магія не болѣе, какъ рецепты отравъ, усыпительныхъ напитковъ, потѣшныхъ огней и всего подобнаго, а магія церемоніальная — только совѣты, какъ войти въ сношеніе съ низшими силами духовнаго міра или какъ пользоваться ими разбойнически и враснлохъ. Какъ не устану я оспаривать и осмѣивать ложную науку, такъ постоянно буду отвергать и ложную магію. Но въ человѣкѣ, все же, нѣтъ ничего болѣе благороднаго, какъ его мысль, и возвышаться силой мысли до созерцанія сущностей и Самого Бога — это прекраснѣйшая цѣль жизни. Надо только помнить, что все въ мірѣ устремлено къ одному, все обращается вокругъ единой точки и черезъ то все связано, одно съ другимъ, все въ опредѣленныхъ отношеніяхъ между собою:

звѣзды, ангелы, люди, звѣри и травы! Единая душа движетъ и Солнце въ его бѣгѣ вокругъ земли, и небеснаго духа, покорнаго велѣнію Божію, и мятущагося человѣка, и простой камень, скатившійся съ горы,—лишь въ разной степени напряженности проявляется эта душа въ разныхъ вещахъ. Наука, которая разсматриваетъ и изучаетъ эти вселенскія отношенія, которая устанавливаетъ связь всѣхъ вещей и пути, которыми они вліяютъ другъ на друга, и есть магія, истинная магія древнихъ. Она ставитъ себѣ задачею согласовать слѣпую жизнь своей души, а по возможности — и другихъ душъ, съ божественнымъ планомъ Создателя Міра, и требуетъ для своего выполненія возвышенной жизни, чистой вѣры и сильной воли, — ибо нѣтъ силы болѣе мощной въ нашемъ мірѣ, чѣмъ воля, которая способна совершать и невозможное, и чудеса! Истинная магія есть наука наукъ, полное воплощеніе совершеннѣйшей философіи, объясненіе всѣхъ тайнъ, полученное въ откровеніяхъ посвященными разныхъ вѣковъ, разныхъ странъ и разныхъ народовъ. Объ этой магіи, молодой другъ, какъ кажется вы, ничего не знали до сихъ поръ и, въ заключеніе нашей бесѣды, я желаю вамъ обратиться отъ гаданій и волхованій къ истинному источнику познанія.

Послѣ этой двусмысленной рѣчи не оставалось мнѣ дѣлать ничего другого, какъ, вставъ, еще разъ просить извиненія за причиненное безпокойство и проститься. Я бросилъ послѣдній взглядъ на Агриппу, на его учениковъ, тѣснившихся вокругъ его кресла съ изъявленіями восторга,—и вышелъ изъ комнаты, думая, что покидаю этотъ кругъ навсегда, не подозрѣвая вовсе, что мнѣ еще придется повстрѣчать великаго чародѣя, и при какихъ странныхъ обстоятельствахъ!

На площадкѣ лѣстницы меня догнали Гансъ и Аврелій, которымъ хотѣлось, должно быть, загладить непріятное впечатлѣніе аудіенціи, такъ какъ они всячески старались объяснить суровость Агриппы, ссылаясь на то, что онъ очень былъ разстроенъ письмомъ Геторція. Въ краткомъ разговорѣ, происшедшемъ у насъ тутъ, Аврелій сказалъ:

— Вотъ не ожидалъ я, что учитель еще втайнѣ вѣруетъ въ магію.

А Гансъ, съ заносчивостью юности, добавилъ:

— Великій онъ человѣкъ и ученый, но другого, нежели мы, поколѣнія.

И Гансъ и Аврелій убѣдительно просили меня остаться въ Боннѣ еще на день, увѣряя, что завтра учитель отнесется ко мнѣ доброжелательнѣе, но я рѣшительно отказался еще разъ тревожить Агриппу, тѣмъ болѣе, что потерялъ всякую надежду на его помощь въ моемъ дѣлѣ. Впрочемъ, я благодарилъ обоихъ юношей за содѣйствіе, ими оказанное мнѣ, а Гансъ дружески проводилъ меня до дверей дома, и мы, разставаясь, дали другъ другу обѣщаніе обмѣниваться письмами.

На слѣдующее утро я выѣхалъ обратно на сѣверъ. Въ поляхъ выпалъ снѣгъ и было довольно холодно, но дорога значительно исправилась и ѣхать было гораздо легче, нежели три дня назадъ. Лошадь бодро бѣжала по мягкому бѣлому ковру, прикрывавшему промерзшую твердую почву.

Когда впослѣдствіи я тщательно обсудилъ все свое посѣщеніе Агриппы и внимательно обдумалъ всѣ его рѣчи, я пришелъ къ выводу, что не каждому сказанному имъ слову должно придавать вѣру. Въ тѣ краткія минуты, которыя я, пріѣзжій незнакомецъ, стоялъ передъ Агриппою, не было у него причинъ открывать свою душу и высказывать прямо свои сокровенныя мысли о предметѣ, столь отвѣтственномъ, какъ магія. Похоже было, что не высказывалъ онъ ихъ и передъ своими учениками, такъ что въ ихъ скептическихъ рѣчахъ, можетъ быть, отражалось не окончательное мнѣніе философа, а то одиночество, на которое всегда обречены великіе люди, принужденные таиться даже отъ самыхъ близкихъ! Теперь же, послѣ второй встрѣчи съ Агриппою, я даже не сомнѣваюсь, что въ магію вѣрилъ онъ гораздо больше, нежели хотѣлъ это показать, и что, можетъ быть, именно гоетейѣ были посвящены часы его уединенныхъ занятій.

Но всѣ эти соображенія еще не приходили мнѣ въ голову во время моего возвратнаго пути изъ Бонна. Напротивъ, мнѣ тогда казалось, что строгая рѣчь Агриппы и трезвыя догадки Ганса, какъ свѣжій вѣтеръ, разогнали тотъ туманъ таинствен-

наго и чудеснаго, въ которомъ я блуждалъ послѣдніе три мѣсяца. Съ настоящимъ удивленіемъ спрашивалъ я себя, какъ могъ я въ теченіе четверти года не выходить изъ круга демоновъ и дьяволовъ,—я, привыкшій къ ясному и отчетливому міру корабельныхъ снастей и военныхъ передвиженій. Съ такимъ же недоумѣніемъ искалъ я отвѣта, почему оказался я, не разъ прежде залѣчивавшій въ сердцѣ раны отъ стрѣлы крылатаго божка, привязаннымъ такими прочными узами къ стану женщины, отвѣчавшей мнѣ только пренебреженіемъ или снисходительною холодностью. Пересматривая, не безъ краски стыда на щекахъ, свою жизнь съ Ренатою, находилъ я теперь свое поведеніе смѣшнымъ и глупымъ и негодовалъ на себя, что такъ рабски подчинялся причудамъ дамы, о которой даже не зналъ съ точностью, кто она и имѣетъ ли право на вниманіе. А чтобы нѣсколько оправдать себя, я, съ немалой непослѣдовательностью, опять готовъ былъ думать, что Рената удерживала меня близъ себя какимъ-нибудь магическимъ фильтромъ или наговоромъ.

Наконецъ, вспомнилась мнѣ и та клятва, которую я далъ самому себѣ въ Дюссельдорфѣ и о которой совсѣмъ не думалъ послѣднія недѣли: не оставаться близъ Ренаты долѣе трехъ мѣсяцевъ и больше, чѣмъ то время, въ какое истрачу я треть собранныхъ мною денегъ. Три мѣсяца съ того утра истекли уже шесть дней тому назадъ и предѣльная сумма денегъ тоже была почти вся израсходована. Подъ вліяніемъ этихъ раздумій мелькнула у меня мысль вовсе не возвращаться въ Кельнъ, но, повернувъ свою лошадь, ѣхать южнѣе Бонна по направленію къ родному Лозгейму, а Ренату предоставить ея одинокой судьбѣ. Однако, сдѣлать этого у меня не достало духу, прежде всего потому, что меня томила тоска по Ренатѣ, но и честь не позволяла мнѣ такого предательства.

Тогда я сказалъ себѣ: пріѣхавъ домой, я поговорю съ Ренатою открыто и чистосердечно, укажу ей, что ея исканія графа Генриха—безуміе, напомню ей, что полюбилъ ее страстно и сердечно, и предложу ей стать моей женой. Если можетъ она предъ Богомъ и людьми дать мнѣ клятву быть женою вѣр-

ной и преданной, мы направимся въ Лозгеймъ вдвоемъ и, получивъ благословеніе моихъ родителей, поѣдемъ жить за Океанъ, въ Новую Испанію, гдѣ все прошлое Ренаты забудется какъ предутренній сонъ.

Убаюканному этими мечтами о мирномъ счастіи, мнѣ было легко и вольно; я напѣвалъ вполголоса веселую испанскую пѣсенку «A Mingo Revulgo, Mingo» и безъ устали понукалъ свою лошадь, такъ что еще засвѣтло выступили передъ мною городскія стѣны Кельна, темнѣя надъ бѣлымъ снѣгомъ.

ГЛАВА VII.

Какъ я встрѣтился съ графомъ Генрихомъ.

Добравшись до нашего дома, усталый, но веселый, я стукомъ въ ворота вызвалъ Луизу, передалъ ей поводья лошади и спросилъ:

— Что госпожа Рената?

Къ моему удивленію, Луиза отвѣтила мнѣ:

— Ей, кажется, лучше, господинъ Рупрехтъ. Безъ васъ она всѣ дни гуляла по городу и вчера возвратилась только поздно вечеромъ.

Конечно, въ словахъ Луизы было затаенное остріе, такъ какъ давно уже относилась она къ Ренатѣ недоброжелательно,— и ударъ не пришелся мимо. «Какъ,—сказалъ я себѣ,—Рената, которая при мнѣ дѣлаетъ видъ, что не можетъ подняться съ постели, какъ параличная, Рената, которая цѣлыми недѣлями не хочетъ переступить порога своей комнаты, словно она отказалась отъ этого по обѣту,—едва осталась одна, гуляетъ по зимнимъ улицамъ до темной ночи! Можно ли не вѣрить послѣ этого догадкамъ Ганса Вейера, что вся ея болѣзнь—только воображеніе, что всѣ ея страданія—только роль на театрѣ!»

Негодуя, почти въ гнѣвѣ, вбѣжалъ я по лѣстницѣ во второй этажъ, гдѣ на площадкѣ, опираясь на перила, Рената уже

ждала меня; лицо ея было блѣдно и обличало волненіе необыкновенное. Завидѣвъ меня, она протянула ко мнѣ руки, взяла меня за плечи и, не давая мнѣ вымолвить ни слова, сама не произнося привѣтствія, сказала:

— Рупрехтъ, онъ—здѣсь.

Я переспросилъ:

— Кто здѣсь?

Она подтвердила:

— Генрихъ—здѣсь! Я его видѣла. Я говорила съ нимъ.

Еще не совсѣмъ довѣряя словамъ Ренаты, я сталъ ее спрашивать:

— Ты не ошиблась? Тебѣ это, быть можетъ, показалось? Это былъ кто-нибудь другой. Онъ самъ признался тебѣ, что онъ—графъ Генрихъ?

Рената же увлекла меня въ свою комнату, заставила сѣсть и, почти прильнувъ ко мнѣ, наклонивъ лицо близко-близко, стала, задыхаясь, разсказывать мнѣ, что произошло съ нею въ Кельнѣ за эти два дня.

По ея словамъ, въ субботу, въ часъ вечерней службы, ей, когда она обычно изнемогала у окна въ холодной тоскѣ, вдругъ послышался тихій, но явственный голосъ, какъ бы ангельскій, который повторилъ трижды: «Онъ—здѣсь, около Собора. Онъ—здѣсь, около Собора. Онъ—здѣсь, около Собора». Послѣ этого Рената не могла ни разсуждать, ни медлить, но, вставъ и накинувъ плашъ, тотчасъ поспѣшила къ Собору на площадь, въ то время полную народомъ. Не прошло и пяти минутъ, какъ въ толпѣ она различила графа Генриха, шедшаго съ другимъ молодымъ человѣкомъ, обнявшись. Отъ волненія при этомъ видѣніи, о которомъ она слишкомъ долго мечтала, Рената едва не упала безъ чувствъ, но нѣкая сила, какъ бы извнѣ, поддержала ее, и она послѣдовала за идущими, черезъ весь городъ, пока они не вошли въ одинъ домъ, принадлежащій Эдуарду Штейну, другу гуманистовъ.

На другой день, въ воскресенье, съ ранней зари, Рената была на стражѣ близъ этого дома, твердо рѣшивъ дождаться появленія Генриха. Ей пришлось ждать долго, весь день, но она не

обращала вниманія на изумленные взгляды прохожихъ и подозрительные—рейтаровъ, и только мысль, что Генрихъ могъ ночью покинуть городъ, заставляла ея дрожать. Вдругъ, уже около сумерекъ, дверь растворилась и появился Генрихъ съ тѣмъ же юношей, какъ вчера, оживленно бесѣдуя. Рената пошла за ними, прячась у стѣнъ, и прослѣдила весь ихъ путь до Рейна, гдѣ друзья распрощались: незнакомецъ направился къ судамъ, а Генрихъ хотѣлъ возвратиться. Тогда Рената вышла изъ тѣни и назвала его по имени.

По словамъ Ренаты, Генрихъ сразу узналъ ее, но она была бы счастлива, если бы не было такъ, ибо лицо его, едва онъ понялъ, кто передъ нимъ, исказилось негодованіемъ и ненавистью. Рената схватила его за руку; онъ освободился, съ дрожью брезгливости, и, отстраняя протянутые къ нему пальцы, пытался удалиться прочь. Тогда Рената стала передъ нимъ на колѣни на грязной набережной, цѣловала край его плаща и сказала ему всѣ тѣ слова, которыя такъ много разъ твердила мнѣ: какъ она его ждала, какъ она его искала, какъ она его любитъ, и умоляла здѣсь же убить ее, потому что отъ его удара умерла бы съ блаженствомъ, какъ святая. Но Генрихъ отвѣтилъ ей, что не хочетъ ни говорить съ ней, ни видѣть ее, что даже не имѣетъ права простить ее; наконецъ, вырвавшись изъ ея рукъ, онъ скрылся, почти убѣгая, оставивъ ее одну, въ темнотѣ и безлюдіи.

Весь этотъ разсказъ Рената провела однимъ духомъ, говоря голосомъ твердымъ и выбирая выраженія вѣрныя и картинныя, но, дойдя до конца, она вдругъ сразу потеряла силы и волю, и залилась слезами: словно бы спалъ вѣтеръ, гнавшій корабль ея души, и паруса жалостно захлопали по снастямъ. И тотчасъ тяжело опустилась она на полъ, такъ какъ отчаяніе всегда влекло ее къ землѣ, и, клонясь ничкомъ, начала рыдать и биться, повторяя безпомощно одни и тѣ же слова, не слушая ни моихъ ласковыхъ утѣшеній, ни моихъ пытливыхъ вопросовъ.

Признаюсь, что на меня разсказъ Ренаты, хотя въ тотъ день я и былъ отъ нея болѣе далекъ, чѣмъ всегда,—произвелъ впечатлѣніе ошеломляющее: у меня забилось сердце прерывисто и

вся душа словно наполнилась чернымъ дымомъ отъ взрыва. Мысль, что кто-то смѣлъ обращаться надменно и презрительно съ женщиной, передъ которой я привыкъ стоять на колѣняхъ, была мнѣ нестерпима. Однако, я не позволилъ себѣ поддаться гнѣву и ревности, но постарался отчетливо разобраться въ томъ, что произошло, хотя оно и представлялось мнѣ безпорядочнымъ и стремительнымъ вихремъ. Какъ только Рената получила опять хоть нѣкоторую возможность говорить связно, я попросилъ ее повторить мнѣ точнѣе слова Генриха.

Все еще захлебываясь слезами, она воскликнула:

— Какъ онъ оскорблялъ меня! Какъ онъ меня оскорблялъ! Онъ говорилъ мнѣ, что я была злымъ геніемъ его жизни. Что я погубила всю его судьбу. Что я отняла его у Неба. Что я—отъ Дьявола. Онъ сказалъ мнѣ, что презираетъ меня. Что воспоминаніе о нашей любви ему отвратительно. Что наша любовь была мерзость и грѣхъ, въ которые я завлекла его постыднымъ обманомъ. Что онъ, что онъ... плюетъ на нашу любовь!

Тогда я спросилъ, почему графъ Генрихъ могъ говорить, что Рената отняла его у Неба? развѣ не самъ онъ, добровольно, увезъ ее въ свой замокъ, чтобы жить съ ней, какъ съ женой и какъ съ близкой? И такъ какъ въ тотъ часъ всѣ обычныя плотины въ душѣ Ренаты были сломаны стремительнымъ потокомъ ея горя, то, не дѣлая даже попытки защищаться, она упала лицомъ мнѣ на колѣни и воскликнула съ какой-то послѣдней искренностью, такъ для нея непривычной:

— Рупрехтъ! Рупрехтъ! Я утаила отъ тебя самое важное! Генрихъ никогда не искалъ человѣческой любви! Онъ не долженъ былъ никогда въ жизни прикасаться къ женщинѣ! Это я, это я, заставила его измѣнить клятвѣ. Да, я отняла его у Неба, я у него отняла лучшія мечты, и за это онъ меня теперь презираетъ и ненавидитъ!

Продолжая осторожно подкрадываться къ истинѣ, какъ звѣрь къ добычѣ, я, вопросъ за вопросомъ, вывѣдалъ затѣмъ у Ренаты все то, что она утаила отъ меня о Генрихѣ въ своемъ первомъ разсказѣ и о чемъ не обмолвилась ни разу за три мѣсяца нашей общей жизни. Я узналъ, что Генрихъ былъ участникомъ

одного тайнаго общества, вступая въ которое даютъ обѣтъ цѣломудрія. Это общество должно было скрѣпить христіанскій міръ болѣе тѣснымъ обручемъ, нежели Церковь, и стать во главѣ всей земли болѣе властно, нежели Императоръ и Святѣйшій отецъ. Генрихъ мечталъ, что онъ будетъ избранъ гроссмейстеромъ этого ордена и выведетъ ладью человѣчества изъ пучины зла на путь правды и свѣта. Ренату позвалъ онъ за собой, лишь какъ помощницу въ его опытахъ новой, божественной магіи, ибо ему нужна была особая сила, таящаяся въ нѣкоторыхъ людяхъ. Но Рената, почитая Генриха воплощеніемъ своего Мадіэля, прибли зилась къ нему съ одной цѣлью—владѣть имъ, и, не пренебрегая никакими средствами, достигла торжества своихъ желаній. Однако, Генрихъ, послѣ недолгаго времени, въ которое умъ его былъ ослѣпленъ любовью, пришелъ въ ужасъ отъ совершеннаго и, въ горькомъ раскаяньи, бѣжалъ изъ родного замка, какъ изъ зачумленной страны.

Такое истолкованіе событій показалось мнѣ гораздо болѣе правдоподобнымъ, нежели то, которое Рената давала мнѣ раньше,—и я, соединивъ, наконецъ, въ одно цѣлое отдѣльныя нити ея разсказа, спросилъ у нея:

— Если ты сама сознаешь, что виновата передъ графомъ Генрихомъ, что ты лишила его лучшей надежды и отняла у него святую цѣль жизни, какъ же ты удивляешься, что онъ ненавидитъ тебя?

Рената медленно приподнялась съ полу, посмотрѣла на меня вдругъ высохшими глазами и потомъ сказала, совершенно новымъ, твердымъ, стальнымъ голосомъ:

— Я, можетъ быть, не удивляюсь вовсе. Я, можетъ быть, рада тому, что Генрихъ меня ненавидитъ. Я плачу не по немъ, но по себѣ. Мнѣ не его жалко потерять, но стыдно и горько, что я могла такъ любить его, такъ предаваться ему. Я сама его ненавижу! Теперь я узнала точно, о чемъ догадывалась давно. Генрихъ обманулъ меня! Онъ—только человѣкъ, простой человѣкъ, котораго можно соблазнить и котораго можно погубить, а я, въ безуміи, воображала, что онъ—мой ангелъ! Нѣтъ, нѣтъ, Генрихъ—только графъ Оттергеймъ, неудавшійся гроссмейстеръ

своего ордена, а мой Мадіэль — на небесахъ, вѣчно чистый, вѣчно прекрасный, вѣчно недоступный!

Рената сложила руки, какъ для молитвы, а я почелъ это мгновеніе подходящимъ для того, чтобы высказать ей все то, о чемъ мечталъ и раздумывалъ на возвратномъ пути изъ Бонна. Я сказалъ:

— Рената! Итакъ, ты убѣдилась, что графъ Генрихъ—не твой ангелъ Мадіэль, но простой смертный, который нѣкоторое время любилъ тебя и котораго ты любила едва ли не по заблужденію. Нынѣ любовь эта погасла въ немъ, равно какъ и въ тебѣ, и твое сердце, Рената, свободно. Вспомни же, что близъ тебя есть другой, кому это сердце дороже всѣхъ золотыхъ розсыпей Мексики! Если со спокойной душой, хотя бы и безъ страсти, ты можешь протянуть мнѣ свою руку и дать мнѣ на будущее обѣщаніе вѣрности, я приму это, какъ несчастный нищій королевскую милостыню, какъ пустынникъ благодать съ неба! Вотъ, еще разъ, Рената, я на колѣняхъ передъ тобой,—и отъ тебя зависитъ обратить все свое страшное прошлое въ забывающійся сонъ.

Рената, послѣ моихъ словъ, встала, выпрямилась, опустила мнѣ руки на плечи и сказала такъ:

— Я буду твоей женой, но ты долженъ убить Генриха!

Отступивъ на шагъ, я переспросилъ, такъ ли я разслышалъ, потому что еще разъ Рената нѣсколькими словами перевернула все мое представленіе о ней, словно ребенокъ, перевертывающій мѣшокъ, изъ котораго сыплются на землю всѣ лежавшія тамъ вещи, — и Рената повторила мнѣ, голосомъ спокойнымъ, но, повидимому, въ крайнемъ волненіи:

— Ты долженъ убить Генриха! Онъ не смѣетъ жить, послѣ того, какъ выдавалъ себя за другого, за высшаго. Онъ укралъ у меня мои ласки и мою любовь. Убей его, убей его, Рупрехтъ, и я буду твоей! Я буду тебѣ вѣрна, я буду тебя любить, я пойду за тобой всюду — и въ этой жизни, и въ вѣчномъ огнѣ, куда откроется путь намъ обоимъ!

Я возразилъ:

— Я — не наемный убійца, Рената, не неаполитанецъ, я не

могу поджидать графа за угломъ и ударить его кинжаломъ въ спину: мнѣ честь не позволитъ этого!

Рената отвѣтила:

— Неужели ты не найдешь поводовъ вызвать его на бой? Ступай къ нему, какъ ты пошелъ къ Агриппѣ, оскорби его или заставь его оскорбить тебя, — развѣ мало у мужчины средствъ, чтобы убить другого?

Меня въ этой рѣчи поразило, прежде всего, упоминаніе объ Агриппѣ, такъ какъ до той минуты я былъ увѣренъ, что Рената, относясь безучастно ко всему на свѣтѣ, не знала о цѣли моей поѣздки. Что же касается самаго требованія—убить графа Генриха, то я лицемѣрилъ бы, если бы сталъ утверждать, что оно меня ужаснуло. Смутила меня лишь неожиданность словъ Ренаты, но въ глубинахъ души моей они сразу нашли сочувственный отзвукъ, словно бы кто-то ударилъ въ мѣдный щитъ передъ глубокими гротами и многогласное эхо, замирая далеко, долго повторяло этотъ звукъ. И, когда Рената начала тѣснить меня, какъ противникъ врага, загнаннаго въ ущелье, вырывать у меня согласіе, какъ пантера кусокъ мяса изъ чужихъ когтей,— я сопротивлялся не очень упорно, почти для виду, и далъ ту клятву, которой она ждала.

Едва я произнесъ рѣшающія слова, какъ Рената перемѣнила все свое поведеніе. Внезапно замѣтила она, что я изнемогаю отъ усталости послѣ довольно продолжительнаго пути; съ заботливостью, которая до того времени проявлялась въ ней такъ рѣдко, бросилась она снимать съ меня дорожное платье, принесла мнѣ воды, чтобы умыться, разыскала мнѣ ужинъ и вина. Она вдругъ стала со мною какъ самая добрая, домовитая жена съ любимымъ супругомъ, или какъ старшая сестра съ захворавшимъ младшимъ братомъ. Переставъ говорить о графѣ Генрихѣ, словно позабывъ весь нашъ ожесточенный разговоръ и мою клятву, Рената, за ужиномъ, начала разспрашивать меня о моей поѣздкѣ, интересуясь всѣмъ, что со мною случилось, обсуждая со мною слова Агриппы, какъ въ счастливые дни нашихъ общихъ занятій. Когда я, видя сквозь окна совершенно черное небо, сознавая внутреннимъ чувствомъ, что мы уже переступили

черезъ порогъ полночи, хотѣлъ, поцѣловавъ руку Ренаты, удалиться къ себѣ,—она тихо сказала мнѣ, опустивъ глаза, какъ невѣста:

— Почему ты сегодня не хочешь остаться со мной?

Почему я не хотѣлъ остаться! Да развѣ я смѣлъ объ этомъ мечтать! Уже очень давно, въ теченіе многихъ недѣль, не суждено мнѣ было проводить ночи близъ Ренаты, и я вспоминалъ о былой близости съ ней, какъ о чемъ-то призрачномъ и недоступномъ.

Этотъ разъ Рената не хотѣла, чтобы я устроился на деревянномъ помостѣ близъ ея постели, но позвала меня лечь съ ней рядомъ, опять какъ въ первые дни. Этотъ разъ Рената прижималась ко мнѣ всѣмъ тѣломъ, какъ любовница, цѣловала меня, искала моихъ губъ, моихъ рукъ, всего меня. И, когда я, отстраняясь, сказалъ ей, что она не должна искушать меня, Рената отвѣчала мнѣ:

— Должна! Должна! Я хочу быть съ тобой! Сегодня я хочу тебя!

Такъ, неожиданно, совершилось наше первое соединеніе съ Ренатою, какъ мужчины съ женщиною, въ день, когда я всего менѣе ждалъ этого, послѣ разговора, который всего менѣе велъ къ этому. Та ночь стала нашей первой брачной ночью, послѣ того, какъ не мало ночей мы провели на одной постели, словно братъ и сестра, и послѣ того, какъ нѣсколько мѣсяцевъ мы жили рядомъ, словно скромные друзья. Но, когда, въ мукѣ неожиданнаго счастья, почти опьянѣвъ отъ свершенія всего, что уже казалось невозможнымъ, приникъ я, истомленный, къ губамъ Ренаты, чтобы поцѣлуемъ благодарить ее за свой трепетъ,—вдругъ увидѣлъ я, что ея глаза вновь полны слезами, что слезы текутъ по ея щекамъ и что губы ея искривлены улыбкой боли и безнадежности. Я воскликнулъ:

— Рената! Рената! Неужели ты плачешь?

Она отвѣтила мнѣ сдавленнымъ голосомъ:

— Цѣлуй меня, Рупрехтъ! Ласкай меня, Рупрехтъ! Вѣдь я же отдалась тебѣ! Вѣдь я же отдала тебѣ все мое тѣло! Еще! Еще!

Почти въ страхѣ, упалъ я ницъ на подушки, самъ готовый плакать и скрежетать зубами, но Рената съ насиліемъ влекла меня къ себѣ, заставляя быть живымъ орудіемъ ея пытки, добровольнымъ, но содрогающимся палачемъ, терзая и распиная себя, съ неизсытимой жаждой, на колесѣ ласкъ и крестѣ сладострастія. Она обманывала меня, снова и снова, притворной нѣжностью, соблазняла страстью, можетъ быть, и не искусственной, но предназначавшейся не мнѣ, и, вбросивъ свое тѣло въ пламя и въ пилы, стонала отъ блаженства—чувствовать боль, плакала отъ послѣдней радости — презирать себя. И до самаго утра длилась эта чудовищная игра въ любовь и счастіе, въ которой поцѣлуи были острыми клинками, призывы къ наслажденію — угрозами судьи, влага страсти — кровью, а вся наша брачная постель — чернымъ застѣнкомъ.

Этотъ вечеръ, когда во имя любви отъ меня потребовали убійства, и эта ночь, когда во имя любви отъ меня потребовали мукъ, остались самымъ страшнымъ изъ моихъ бредовъ, и сонъ изнеможенія, избавившій меня отъ дьявольскихъ видѣній, оказалъ мнѣ милость бо́льшую, чѣмъ то могли всѣ владыки міра.

Я утромъ проснулся измученный больше, чѣмъ былъ бы послѣ полугодового заключенія въ подземной тюрьмѣ: мои глаза едва въ силахъ были смотрѣть на свѣтъ и сознаніе мое было тускло, словно плохое стекло. Но Рената, порой, бывала какъ изъ металла, твердая и упругая, не знающая никакого утомленія, и когда я впервые встрѣтилъ ея взглядъ — онъ былъ все тотъ же, что́ наканунѣ. Для меня все было еще такъ смутно, что я готовъ былъ сомнѣваться, живы ли мы оба, а Рената уже звала меня съ безжалостной настойчивостью.

— Рупрехтъ! пора! пора! Мы должны итти къ Генриху сейчасъ же! Я хочу, чтобы ты убилъ его скоро, завтра же!

Она не давала мнѣ одуматься, она торопила меня, словно на кораблѣ въ часъ крушенія, когда каждая минута дорога,— и теперь это я подчинялся съ покорностью андроида Альберта Великаго. Не споря, принарядился я, какъ могъ лучше, надѣлъ свою шпагу и послѣдовалъ за Ренатою, которая повела меня по пустыннымъ утреннимъ улицамъ,— молча, не откликаясь на

мои слова, точно исполняя чью-то неодолимую волю. Наконецъ, подошли мы къ дому Эдуарда Штейна, большому и роскошному, съ хитрыми балконами и лѣпными обводами у оконъ, и, съ однимъ только словомъ «здѣсь», Рената, указавъ мнѣ тяжелыя, рѣзныя двери, быстро повернулась и пошла прочь, какъ бы оставляя меня наединѣ съ моей совѣстью. Впрочемъ, и не смотря вслѣдъ Ренаты, я тотчасъ почувствовалъ, что она не уйдетъ далеко, но укроется за первымъ поворотомъ и будетъ ждать моего вторичнаго появленія у этой двери, чтобы, кинувшись, выхватить у меня тотчасъ извѣстіе объ успѣхѣ.

Сказать правду, я былъ такъ оглушенъ закрутившимъ меня смерчемъ событій, что, противъ своего обыкновенія, совсѣмъ не успѣлъ внимательно и строго обсудить свое положеніе. Только взявшись, чтобы постучаться, за дверную ручку, массивную и утонченной работы, вспомнилъ я, что не подготовилъ словъ для разговора съ Генрихомъ, что вообще не знаю, что я буду дѣлать, войдя въ этотъ богатый домъ. Медлить, однако, было не время, и съ тою рѣшимостью, съ какой, зажмуривъ глаза, бросаются въ пучину, я ударилъ твердо и громко металломъ по металлу, и, когда слуга отворилъ мнѣ дверь, сказалъ, что долженъ непремѣнно видѣть остановившагося въ этомъ домѣ графа Генриха фонъ-Оттергеймъ, по дѣлу важному и не терпящему отлагательства.

Слуга провелъ меня черезъ переднюю, уставленную высокими, но изящными шкафами, потомъ по широкой лѣстницѣ съ красивыми перилами, далѣе еще черезъ входную комнату, гдѣ висѣли картины, изображавшія разныхъ животныхъ, и, наконецъ, постучавшись, отворилъ мнѣ маленькую дверь. Я увидѣлъ передъ собой узкую комнату съ деревяннымъ, разукрашеннымъ потолкомъ, съ рѣзными фризами по стѣнамъ, всю заставленную деревянными для книгъ аналоями,—изъ-за которыхъ и выступилъ мнѣ навстрѣчу молодой человѣкъ, одѣтый изысканно, какъ рыцарь, въ шелкъ, съ прорѣзными рукавами, съ золотой цѣпью на груди и множествомъ мелкихъ золотыхъ украшеній. Я понялъ, что это — графъ Генрихъ.

Нѣсколько мгновеній, прежде чѣмъ заговорить, всматривался

я въ этого человѣка, съ которымъ, безъ его вѣдома, уже такъ давно была чудеснымъ образомъ связана моя судьба, образъ котораго такъ часто силился я представить, котораго, порою, считалъ то небеснымъ духомъ, то созданіемъ больного воображенія. Генриху на видъ было не болѣе двадцати лѣтъ и во всемъ существѣ его былъ такой избытокъ свѣжести и юности, что, казалось, ихъ не можетъ сокрушить ничто въ мірѣ, такъ что становилось почти страшно и невольно вспоминалось о вѣчной молодости, какую, будто бы, даетъ людямъ таинственный напитокъ, растворившій въ себѣ алхимическій камень мудреновъ. Лицо Генриха, безбородое и полу-юношеское, было не столько красиво, сколько поразительно: голубые глаза его, сидѣвшіе глубоко подъ нѣсколько рѣдкими рѣсницами, казались осколками лазурнаго неба, губы, можетъ быть, слишкомъ полныя, складывались невольно въ улыбку такую же, какъ у ангеловъ на иконахъ, а волосы, дѣйствительно, похожіе на золотыя нити, такъ какъ были они тонки, остры и сухи и до странности лежали каждый отдѣльно, возносились надъ его челомъ, словно нимбъ святыхъ. Во всѣхъ движеніяхъ Генриха была стремительность не бѣга, но полета, и если бы продолжали настаивать, что онъ — житель неба, принявшій человѣческій обликъ, я бы, можетъ быть, увидѣлъ за его дѣтскими плечами два бѣлыхъ лебединыхъ крыла.

Первымъ графъ Генрихъ прервалъ молчаніе, конечно, недолгое, но казавшееся длительнымъ, спросивъ меня, какую можетъ онъ оказать мнѣ услугу,—и голосъ его, который я услышалъ здѣсь въ первый разъ, показался мнѣ самымъ прекраснымъ въ его существѣ, — пѣвучій, легко и быстро переходящій всѣ ступени музыкальныхъ тоновъ.

Собравъ всѣ силы своей сообразительности, стараясь говорить плавно и свободно, но даже не зная, чѣмъ закончу предложенія, первыя слова которыхъ произношу,—я началъ почтительную рѣчь. Я сказалъ, что много слышалъ о графѣ, какъ о замѣчательномъ ученомъ, въ молодые годы проникшемъ въ запретныя тайны природы и во всѣ сокровенныя ученія, отъ Пиѳагора и Плотина до учителей нашихъ дней; что съ ранняго

дѣтства влекло меня неутолимое желаніе къ познанію высшей мудрости, къ исканію перво-причины всѣхъ вещей; что усерднымъ и прилежнымъ изученіемъ достигъ я нѣкоторой высоты пониманія, но увѣрился съ несомнѣнностью, что личными усиліями нельзя проникнуть въ послѣднія тайны, ибо посвященные, еще со временъ Хирамъ, строителя Соломонова, передаютъ основныя истины лишь устно ученикамъ; что только въ обществахъ, гдѣ, какъ благодать въ Церкви, преемственно передаются откровенія древнѣйшихъ народовъ: евреевъ, халдеевъ, египтянъ и грековъ, возможно прійти къ цѣли на пути познанія; что, зная графа за лицо вліятельное и важное въ самомъ значительномъ изъ этихъ обществъ, которыя всѣ связаны между собою единствомъ задачъ и единствомъ дѣла, я и прибѣгаю теперь къ нему съ просьбою — помочь мнѣ вступить, покорнымъ ученикомъ, въ одно изъ нихъ.

Къ моему удивленію, эта рѣчь, наполовину хвастливая и наполовину лицемѣрная, въ которой я постарался выставить на показъ всѣ свои скудныя свѣдѣнія о таинственныхъ орденахъ посвященныхъ,—была встрѣчена графомъ Генрихомъ какъ что-то, достойное вниманія. Принявъ меня, кажется, за одного изъ посвященныхъ, хотя и стоящаго внѣ обществъ, Генрихъ поспѣшно и съ крайней вѣжливостью указалъ мнѣ на скамью, сѣлъ самъ и, глядя мнѣ въ лицо грустными и откровенными глазами, заговорилъ со мною какъ близкій съ близкимъ.

— Отвѣтьте сначала,—сказалъ мнѣ онъ,—родственны ли вы къ намъ по основнымъ устремленіямъ своего духа? Одушевлены ли вы, какъ и мы, ненавистью къ звѣрямъ Востока и Запада? Приняли ли вы, какъ первое и вѣчное руководство, эмблему Сына Господня, озаренную свѣтомъ? Жаждете ли подняться къ небеснымъ вратамъ по семи ступенямъ изъ свинца, латуни, мѣди, желѣза, бронзы, серебра и золота?

По правдѣ, я мало, что понялъ изъ этихъ странныхъ вопросовъ, но подобныя выраженія были не въ новость мнѣ, только-что прочитавшему множество книгъ по магіи, и хотя тотъ часъ казался мнѣ тогда важнѣйшимъ въ жизни, не преодолѣлъ я лукаваго соблазна, который поманилъ меня испытать, насколько

сами посвященные понимаютъ другъ друга. Припомнивъ нѣсколько загадочныхъ выраженій, встрѣченныхъ мною въ «Пэмандрѣ» и другихъ подобныхъ сочиненіяхъ, постарался я отвѣтить Генриху въ тонѣ его рѣчи и озаботился при этомъ всего болѣе, чтобы слова мои не имѣли никакого отношенія къ его, ибо такую особенность подмѣтилъ я во всѣхъ таинственныхъ вопросахъ и отвѣтахъ. Я сказалъ:

— Изумрудная скрижаль Гермеса Трисмегиста гласитъ: то, что вверху, подобно тому, что внизу. Но пентаграмма, съ главой, устремленной вверхъ, знаменуетъ побѣду терпера надъ двумя, духовнаго надъ тѣломъ; съ главой же, устремленной внизъ, — побѣду грѣха надъ добромъ. Всѣ числа таинственны, но простыя выражаютъ преимущественно божественное, десятки — небесное, сотни—земное, тысячи—будущее. Какъ же думаете вы, что пришелъ бы я къ вамъ, если бы не умѣлъ различать бездны верхней отъ бездны нижней?

Едва произнесъ я эти совершенно пустыя слова, какъ тотчасъ раскаялся въ своей шуткѣ, потому что Генрихъ устремился на нихъ съ довѣрчивостью ребенка и воскликнулъ въ такомъ восторгѣ, словно я открылъ ему что-то невѣдомое и что-то поразительное:

— Ахъ, вы правы, вы правы! конечно, конечно! Я сразу понялъ, что мы съ вами — объ одномъ. И я васъ вовсе не испытывалъ! Я только хочу предупредить васъ, что на томъ пути, куда вы порываетесь, больше терній, чѣмъ сладкихъ ягодъ. На тайныхъ собраніяхъ не открываютъ, словно какой-то ларчикъ, истину истинъ. Первое слово, которое должны мы говорить новоприбывшему, это—жертва. Лишь тотъ, кто жаждетъ принести себя въ жертву, можетъ стать ученикомъ. Вдумались ли вы въ примѣры: свѣтлаго Озириса, погубленнаго темнымъ Тифономъ? божественнаго Орфея, растерзаннаго вакханками? дивнаго Діониса, умерщвленнаго титанами? нашего Бальдура, сына свѣта, павшаго отъ стрѣлы хитраго Локи? Авеля, убитаго рукою Каина? Христа распятаго? Рыцари Храма, двѣсти лѣтъ тому назадъ, заплатили жизнью за возвышенность своихъ цѣлей и за благородство, съ какимъ они говорили владыкамъ: «ты будешь королемъ, пока справедливъ». Вергилій Маронъ описы-

ваетъ двѣ двери изъ міра тѣней: первая изъ слоновой кости, но сквозь нея вылетаютъ лишь обманчивые призраки; вторая изъ рога. Я только спрашиваю васъ, добровольно ли вы идете въ менѣе украшенную дверь?

Генрихъ проговорилъ все это со страстнымъ увлеченіемъ, произнося каждое слово такъ, словно оно было ему особенно дорого или словно оно въ первый разъ въ жизни пришло ему на уста. Смотря на этого полу-юношу, полу-ребенка, въ которомъ было такъ много внутренняго огня, что ничтожнаго повода, вродѣ легкомысленныхъ вопросовъ случайнаго посѣтителя, было ему достаточно, чтобы вспыхнуть огненными языками,—чувствовалъ я, что падаетъ и замираетъ во мнѣ вся къ нему ненависть, всякое къ нему недоброжелательство. Я слушалъ удивительные переливы его голоса, словно открывавшіе голубыя дали, вглядывался въ его глаза, которые, какъ мнѣ казалось, оставались, несмотря на оживленность рѣчи, печальными, какъ бы тая на своемъ днѣ канувшее туда отчаяніе, — и былъ какъ змѣя, выползшая изъ-подъ камня, чтобы ужалить, но зачарованная напѣвомъ африканскаго заклинателя. Былъ одинъ мигъ, когда я почти готовъ былъ воскликнуть: «Простите меня, графъ, вѣдь я недостойно посмѣялся надъ вами!». Но съ ужасомъ, поймавъ свою мысль на такой опасной тропинкѣ, я самъ крикнулъ себѣ «берегись!» и поспѣшилъ овладѣть своею душою, какъ всадникъ понесшей лошадью. И тотчасъ, чтобы дать себѣ возможность оправиться, бросилъ я еще нѣсколько словъ Генриху, сказавъ ему:

— Я не боюсь испытаній, ибо мнѣ давно нестерпимо наше знаніе, которое есть, по выраженію одного ученаго, уподобленіе познающаго познаваемому, assimilatio scientis ad rem scitam. Я ищу того познанія, о которомъ говоритъ тотъ же Гермесъ Трисмегистъ, какъ о разумной жертвѣ души и сердца. А тому ли, кто ее ищетъ, бояться дорожныхъ шиповъ?

Генрихъ схватилъ и эти слова, какъ драгоцѣнную находку, и, словно бы по всякому поводу могъ онъ говорить безъ конца, тотчасъ разлился передо мною въ длинной и опять воодушевленной рѣчи. И опять, противъ моей воли, эта рѣчь, какъ буд-

то произнесенная съ желаніемъ убѣдить и уговорить своего лучшаго друга, отпечатлѣлась въ моей памяти такъ рѣзко, что сейчасъ не составляетъ мнѣ труда воскресить ее, едва ли не отъ слова до слова.

— Я васъ понимаю, я васъ понимаю,—сказалъ онъ.—Только вы все-таки ошибаетесь, думая, что мы въ силахъ раздавать истинное познаніе, какъ дары. Сокровенныя знанія называются такъ не потому, что ихъ скрываютъ, но потому, что они сами скрыты въ символахъ. У насъ нѣтъ никакихъ истинъ, но есть эмблемы, завѣщанныя намъ древностью, тѣмъ первымъ народомъ земли, который жилъ въ общеніи съ Богомъ и ангелами. Эти люди знали не тѣни вещей, но самыя вещи, и потому оставленные ими символы точно выражаютъ самую сущность бытія. Вѣчной Справедливости, однако, надо было, чтобы мы, утративъ это непосредственное знаніе, пришли къ блаженству черезъ купель слѣпоты и незнанія. Теперь мы должны соединить все, что добыто нашимъ разумомъ, — съ древнимъ откровеніемъ, и только изъ этого соединенія получится совершенное познаніе. Но, вѣрьте мнѣ, чистая душа и чистое сердце помогутъ въ этомъ болѣе, чѣмъ всѣ совѣты мудрыхъ. Добродѣтель — вотъ истинный камень мудрецовъ!

Въ этомъ мѣстѣ рѣчи Генрихъ сдѣлалъ остановку, потомъ, съ совершенно измѣненнымъ лицомъ и немного блуждающимъ взоромъ, добавилъ тихо и раздѣльно:

— Вѣдь вы тоже знаете, что времена и сроки исполнились. Вѣдь вы тоже, какъ только наступаетъ тишина, слышите раскрываемыя двери. Тише, тише, прислушайтесь! Слышите: шаги приближаются? слышите: падаютъ листья съ деревьевъ?

Послѣднія слова Генрихъ произнесъ совсѣмъ замирающимъ голосомъ, дѣлая знакъ мнѣ соблюдать тишину, весь насторожившись, словно дѣйствительно слышалъ онъ шумъ шаговъ и паденіе листьевъ, и наклонивъ ко мнѣ близко-близко свои глаза, большіе и безумные, такъ что стало мнѣ жутко и не по себѣ. Я оторвалъ свой взглядъ отъ взгляда Генриха и, вдругъ откинувшись назадъ, на спинку скамьи, перемѣнилъ тонъ и сказалъ ему твердо и жестко:

— Довольно, графъ, теперь я все понялъ, что желалъ узнать.

Генрихъ посмотрѣлъ на меня недоумѣвающе и спросилъ:

— Что вы поняли и что вы желали узнать?

Я отвѣтилъ:

— Я окончательно узналъ, что вы—обманщикъ и шарлатанъ, который гдѣ-то укралъ обрывки сокровенныхъ знаній и пользуется наворованнымъ, чтобы выдавать себя за посвященнаго и учителя!

При такомъ неожиданномъ нападеніи Генрихъ невольно поднялся со скамьи и, продолжая глядѣть прямо на меня, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, словно желая потребовать отъ меня объясненій. Я ждалъ, не двигаясь, не опуская взгляда, но, не дойдя до меня, Генрихъ переломилъ свое волненіе и произнесъ кротко:

— Если вы такъ думаете, намъ не о чемъ больше разговаривать! Прощайте!..

Но я, толкая самаго себя внизъ по склону, крикнулъ ему:

— Теперь это вы ошибаетесь, думая, что за обманъ заплатите такъ дешево! Есть святыни, которыми нельзя шутить, и есть слова, которыя нельзя произносить легкомысленно! Я призываю васъ къ отвѣту, графъ Генрихъ фонъ-Оттергеймъ!

Съ гнѣвнымъ лицомъ Генрихъ отвѣтилъ мнѣ:

— Кто вы такой, что приходите ко мнѣ и вдругъ начинаете говорить такимъ голосомъ? Я могу не слушать васъ!

Я возразилъ съ торжественностью:

— Кто я? Я—голосъ вашей совѣсти и голосъ мести!

Говоря такъ, я себѣ показывалъ на глаза Генриха, и напоминалъ, что ихъ любила Рената,—на его руки, и говорилъ, что она ихъ цѣловала,—на все его тѣло, и старался представить, какъ она ласкала его съ упоеніемъ. Словно большими мѣхами раздувалъ я въ своей душѣ огонь ревности и, словно полководецъ солдатамъ, приказывалъ я своимъ словамъ: «смѣлѣе!»

Между тѣмъ, Генрихъ, сочтя меня, должно быть, за помѣшаннаго, сказалъ мнѣ:—«Мы поговоримъ послѣ!»—и хотѣлъ выйти изъ комнаты. Но я, въ страхѣ, что не использовалъ этой встрѣ-

чи, которая можетъ не повториться, загородилъ Генриху дорогу и крикнулъ, уже въ самомъ дѣлѣ со страстью:

— Вы, говорящій о добродѣтели, я васъ обвиняю въ безчестности! Я васъ обвиняю, что вы по отношенію къ дамѣ вели себя не какъ рыцарь! Вы обманомъ увезли въ свой замокъ дѣвушку для цѣлей низкихъ и едва ли не преступныхъ. Вы потомъ пренебрегли ею и покинули ее. Когда же она здѣсь, на улицѣ, молила васъ о снисхожденіи, вы оскорбили ее, какъ мужчина не долженъ оскорблять женщину. Я вамъ бросаю перчатку, и вы подымите ее, если вы рыцарь!

Впечатлѣніе моихъ словъ, необдуманныхъ, которыхъ, по всѣмъ соображеніямъ, говорить мнѣ не слѣдовало, было выше моихъ ожиданій, потому что Генрихъ метнулся отъ меня въ сторону, какъ раненый олень; потомъ, въ крайнемъ волненіи, схватилъ какую-то книгу съ аналоя и безвольно, дрожащими пальцами, сталъ ее перелистывать; наконецъ, обернулся и спросилъ меня подавленнымъ голосомъ:

— Я не знаю васъ, кто вы такой. Я могу принять вызовъ только отъ равнаго себѣ...

Эти слова заставили меня потерять послѣднее самообладаніе, ибо, хотя я и не имѣю никакихъ причинъ стыдиться своего происхожденія отъ честнаго медика маленькаго городка, однако, въ вопросѣ Генриха узналъ я незаслуженное оскорбленіе, которое клеймило меня уже не разъ, какъ человѣка не изъ рыцарской семьи. И въ тотъ мигъ не нашелъ я ничего болѣе достойнаго, какъ, откинувъ голову, сказать съ холодной гордостью:

— Я такой же рыцарь, какъ вы, и вамъ не можетъ быть стыда сойтись со мною въ честномъ поединкѣ. Пришлите же завтра вашихъ товарищей, въ полдень, къ Собору, условиться съ моими. Иначе мнѣ останется убить васъ, какъ труса и не знающаго чести.

Уже произнеся эти слова, понялъ я, какъ позорно было мнѣ лгать въ ту минуту, и меня охватилъ и стыдъ и раздраженіе, такъ что, не добавивъ болѣе ничего, почти выбѣжалъ я изъ комнаты Генриха, быстро спустился внизъ по роскошной лѣстницѣ и гнѣвнымъ движеніемъ заставилъ растворить передо мною вы-

ходную дверь. Лицо мое въ свѣжій вѣтеръ свѣтлаго зимняго дня и глаза мои въ ясное синее небо упали какъ въ водоемъ съ ключевой водой, и я долго стоялъ, не увѣренный, было ли въ дѣйствительности все, что произошло. Потомъ я пошелъ по улицѣ, какъ-то невольно касаясь рукой стѣнъ, словно слѣпой, нащупывающій свою дорогу. Вдругъ прямо передо мною означилось лицо Ренаты, испуганное, блѣдное, съ расширенными зрачками. Она хотѣла что-то спросить у меня, но я отстранилъ ее съ такой силой, что она едва не упала, ударившись о выступъ дома, а самъ пробѣжалъ дальше, не произнеся ни слова.

ГЛАВА VIII.

О моемъ поединкѣ съ графомъ Генрихомъ.

Миновавъ нѣсколько улицъ, освѣженный движеніемъ и холодомъ, я вновь получилъ способность думать ясно и дѣлать выводы, и сказалъ себѣ:

«Поединокъ твой съ графомъ Генрихомъ рѣшенъ. Отступать теперь невозможно и непристойно. Надо искать только, какъ лучше выполнить все дѣло».

Лично я никогда не былъ сторонникомъ поединковъ, получившихъ въ наши дни столь пагубное распространеніе во Франціи, и, хотя извѣстны мнѣ блистательныя слова Іоганна Рейхлина «прекраснѣйшее, что принадлежитъ намъ, есть честь»,—но никогда не могъ принять я, чтобы честь опиралась на остріе шпаги, а не была утверждена на благородствѣ поступковъ и словъ. Однако, въ дни, когда сами вѣнценосцы не гнушаются посылать другъ другу вызовы на единоборство, не почиталъ я умѣстнымъ уклоняться отъ поединковъ и выступалъ на нихъ въ бытность свою ландскнехтомъ даже не однажды. Теперь положеніе вещей усложнялось тѣмъ, во-первыхъ, что вызывающимъ, и притомъ безъ надлежащаго повода, былъ я, и тѣмъ, во-вторыхъ, что ставилъ я себѣ цѣлью поразить противника насмерть, — и отъ всего этого было мнѣ тяжко и трудно, какъ если бы предстояло выполнить долгъ палача.

Въ тѣ минуты не сомнѣвался я нисколько, что перевѣсъ и превосходство въ бою будутъ принадлежать мнѣ, ибо, хотя уже давно не случалось мнѣ упражнять руку, былъ я однимъ изъ лучшихъ бойцовъ на длинныхъ шпагахъ, тогда какъ графъ Генрихъ, преданный исключительно книжнымъ занятіямъ и философскимъ размышленіямъ, не могъ имѣть времени (такъ мнѣ тогда казалось) достаточно изощриться въ искусствѣ Понца и Торреса. Смущало меня другое, — именно то, что во всемъ городѣ, помимо стараго Глока, не было у меня человѣка знакомаго, и не видѣлъ я, кому, согласно съ обычаемъ поединковъ, поручить переговоры съ противникомъ и устройство нашей съ нимъ встрѣчи. Послѣ долгаго колебанія, порѣшилъ я постучать въ дверь одного изъ своихъ давнихъ университетскихъ товарищей, Матвѣя Виссмана, фамилія котораго, какъ я зналъ, жила въ городѣ Кельнѣ уже нѣсколько поколѣній и котораго, поэтому, я скорѣе, чѣмъ кого другого, могъ найти, послѣ прошедшихъ не малыхъ лѣтъ, на томъ же мѣстѣ, гдѣ бывало, у прежнихъ пенатовъ.

Ожиданія мои не были обмануты, такъ какъ, дѣйствительно, оказалось, что Виссманы живутъ на старомъ мѣстѣ, хотя и не легко было мнѣ разыскать ихъ приземистый, старозавѣтный домикъ въ три выступающихъ другъ надъ другомъ этажа, среди новыхъ, высокихъ, всячески изукрашенныхъ строеній, кругомъ воздвигнутыхъ нашимъ бойкимъ вѣкомъ. На удачу мою Матвѣй оказался дома, но я едва могъ признать юношу, хотя и нѣсколько неповоротливаго, но все же не лишеннаго привлекательности и бывшаго даже моимъ (посрамленнымъ, однако) соперникомъ въ моихъ ухаживаніяхъ за хорошенькой женой хлѣбопекаря, — въ томъ обрюзгшемъ и степенномъ толстякѣ, съ глазами сонными, со смѣшной бородкой, оставлявшей подбородокъ голымъ, къ которому провелъ меня слуга дома. Конечно, и онъ едва могъ признать студента счастливаго времени, буйнаго и безбородаго, въ мужчинѣ, обожженномъ экваторіальнымъ солнцемъ и обвѣтренномъ ураганами океана; но, когда я назвалъ Матвѣю свое имя и напомнилъ о нашемъ быломъ дружествѣ, онъ обрадовался непритворно, лицо его растянулось въ

добродушную улыбку и, сквозь слои жира, проглянуло на немъ что-то юношеское, какъ свѣтъ сквозь мутное стекло.

Обнявъ меня дружески и цѣлуя маслянистыми губами, Матвѣй сказалъ мнѣ:

— Помню ли я Рупрехта! Братъ, да я тебя за каждой попойкой вспоминаю! Клянусь пречистою кровью Христовой, изо всего нашего былого круга тебя одного не достаетъ мнѣ. Ну, влѣзай, влѣзай въ мою берлогу, садись и развязывай языкъ! А я велю подать сейчасъ двѣ кварты добраго вина.

Къ огорченію Матвѣя, отъ вина я отказался, но долго не умѣлъ приступить къ изложенію своего дѣла. Какъ я не отнѣкивался, а пришлось-таки мнѣ пересказать Матвѣю свои приключенія: годы въ Лозгеймѣ, службу ландскнехтомъ, бродяжничество по Италіи, путешествіе въ Новую Испанію и походы тамъ. А потомъ и Матвѣй не преминулъ сообщить мнѣ, какъ преуспѣваетъ онъ, позабывъ всѣ проказы юности, на многотрудномъ поприщѣ университетскаго ученаго. Болѣе пяти лѣтъ потратилъ онъ, чтобы, одолѣвъ начала «артистическихъ» знаній и защитивъ на диспутахъ нѣсколько «софизмовъ», получить званіе баккалавра; столько же лѣтъ ушло у него, чтобы одержать побѣду надъ книгами Аристотеля, проявить себя въ декламаціи и стать лиценціатомъ; наконецъ, въ этомъ году надѣется онъ добиться инцепціи и званія магистра, послѣ чего откроется ему доступъ къ любому изъ высшихъ факультетовъ. Матвѣй съ такимъ самодовольствомъ говорилъ о томъ, что засѣдаетъ въ совѣтѣ вмѣстѣ съ докторами и ректоромъ, такъ искренно опасался предстоящихъ ему большихъ «промоцій» и такъ наивно почиталъ себя ученымъ, что не почелъ я нужнымъ возобновлять старый споръ «поэтовъ» съ «софистами», хотя ясно увидѣлъ, что и «Письма темныхъ людей», и прославленныя реформы послѣднихъ лѣтъ не далеко сдвинули съ мѣста тотъ кельнскій истуканъ, близъ котораго и я когда-то изнывалъ отъ схоластики!

Наконецъ, удалось мнѣ прервать повѣствованіе увлекшагося своею славою профессора, и, кое-какъ, скрывая истинную причину вещей, изложить свою просьбу. Матвѣй поморщился, словно принявъ горькаго лѣкарства, но потомъ скоро ухватилъ

мое предложеніе за какой-то его веселый край и заликовалъ опять.

— Не мое это дѣло, братъ! — сказалъ онъ мнѣ. — Нынче, правда, и студенты берутся за шпаги, но я держусь стараго устава, что ученый—какъ монахъ, ему оружіе—какъ ослу очки. Ну, да куда ни шло, для стараго пріятеля! Къ тому же страсть какъ не люблю я эту знать, задирающую передъ нами носъ! Мы потомъ выпариваемъ изъ себя доктора, а ихъ жалуютъ учеными степенями князь или императоръ. Видно и твой графъ изъ такихъ докторовъ-по-буллѣ! Если берешься ты посадить его на вертелъ, я ужъ для тебя постараюсь!..

Я указалъ назначенное мною мѣсто свиданія для переговоровъ, объяснилъ, гдѣ живу самъ, затѣмъ распрощался, и Матвѣй вышелъ проводить меня до уличной двери. Когда проходили мы черезъ столовую, заставленную тяжелой мебелью старо-нѣмецкой работы, неожиданно выбѣжала изъ сосѣдней комнаты молодая дѣвушка въ розовомъ платьѣ, зеленоватомъ передникѣ и золотомъ поясѣ и, вдругъ, натолкнувшись на насъ, смутилась, остановилась и не знала, что дѣлать. Стройность и нѣжность ея образа, овальное, дѣтское лицо съ зазубринами длинныхъ рѣсницъ надъ голубыми глазами, льняныя, золотистыя косы, собранныя подъ бѣлымъ чепчикомъ, все это видѣніе предстало мнѣ, привыкшему къ образамъ скорби и мученія, къ чертамъ, искаженнымъ страстью и отчаяньемъ, какъ осужденнымъ духамъ мимолетный полетъ ангела у входа въ ихъ преисподнюю. Я самъ остановился въ смятеніи, не зная, пройти ли мнѣ мимо, или поклониться, или заговорить, а Матвѣй, раскатисто хохоча, смотрѣлъ на наше замѣшательсво.

— Сестра, это — Рупрехтъ, — сказалъ онъ, — добрый малый, котораго мы съ тобой въ иную минуту поминаемъ. А это, Рупрехтъ, — сестра моя, Агнесса, которую видалъ ты дѣвочкой, совсѣмъ малышомъ, тринадцать лѣтъ тому назадъ. Что же вы смотрите другъ на друга, какъ кошка на собаку? Знакомьтесь! Можетъ быть, я васъ еще посватаю. Или ты, братъ, уже женатъ, а, отвѣчай?

Не сумѣю объяснить, почему, но я отвѣтилъ:

— Я не женатъ, милый Матьѣй, но не надо такими сло-

вами стыдить и меня, и барышню. Извините меня, госпожа Агнесса, я васъ очень радъ увидѣть вновь, но тороплюсь по одному важному дѣлу.

И, поклонившись низко, я поспѣшилъ выйти изъ дому.

Не знаю, подъ впечатлѣніемъ ли этой встрѣчи или отъ нея независимо, но когда я подумалъ объ томъ, чтобы возвратиться домой, я испыталъ какое-то отталкивающее чувство, какое, конечно, вѣдали бы, будь они одушевлены, два магнита, сближенные одноименными полюсами. Мнѣ показалось нестерпимымъ быть съ Ренатою, видѣть ея глаза, слышать ея слова, говорить съ нею о Генрихѣ.

Довольно долго проблуждалъ я по улицамъ города, почему-то останавливаясь на однихъ углахъ и почему-то быстро пробѣгая другія площади, но потомъ утомленіе и холодъ заставили меня поискать прибѣжища, и я вошелъ въ первый встрѣтившійся кабакъ, сѣлъ уединенно, въ углу, спросивъ себѣ пива и сыру. Кабакъ полонъ былъ крестьянами и гуляющими дѣвками, потому что день былъ базарный, и кругомъ не смолкали крики, споры, брань, ругань и проклятія, подкрѣпляемые порою здоровымъ тумакомъ; но мнѣ казалось хорошо въ промозгломъ воздухѣ и въ гамѣ пьяныхъ людей. Грубыя, звѣрскія лица, дикая, неправильная рѣчь, непристойныя выходки какъ-то странно согласовались со смятеніемъ моей души, какъ сливаются иногда въ хоръ крики тонущихъ съ воемъ бури.

Потомъ подсѣлъ ко мнѣ какой-то худо выбритый малый, въ пестромъ праздничномъ нарядѣ, словно вылѣзшій изъ гравюръ Зебальда Бехама,—и завелъ длинную рѣчь о бѣдственномъ положеніи мужиковъ, не новую, хотя и не чуждую правды. Жаловался онъ на тяготу платежей, барщины, оброковъ, штрафовъ и всякихъ поборовъ, на ростовщичество, на запрещеніе заниматься ремеслами въ деревнѣ, поминалъ мятежъ, который былъ десять лѣтъ назадъ, и все это съ угрозами, обращенными чуть ли не прямо ко мнѣ, словно я во всемъ и былъ виноватъ. Попытался я возразить, что самъ почитаю себя скорѣе изъ мужиковъ, и что все, чѣмъ я владѣю, заработано собственными моими руками, но, конечно, мои слова пропали даромъ, и я уже покорно

слушалъ,—ибо мнѣ все равно было, что ни слушать,—какъ мой случайный сотоваришъ грозилъ рыцарямъ и горожанамъ и пожарами, и вилами, и висѣлицами...

Такъ какъ собесѣдника моего угощалъ я, то понемногу онъ захмелѣлъ окончательно, и я опять оказался одинъ въ общемъ гулѣ голосовъ. Оглядѣвшись, увидѣлъ я картину отвратительную: тамъ и сямъ валялись тѣла людей, пьяныхъ мертвецки, въ углу двое колотили другъ друга, вцѣпившись въ волосы, вездѣ стояли лужи пролитаго пива и человѣческой блевотины, а посреди всего этого другіе еще продолжали попойку, или безстыдно шутили съ дѣвками, тоже пьяными и тоже безобразными, или обыгрывали одинъ другого въ грязныя карты. Мнѣ представились вдругъ два образа—сумрачной Ренаты и ясной Агнессы; я самъ удивился, почему я сижу въ этомъ темномъ и смрадномъ углу, и, торопливо расплатившись, опять вышелъ я на зимнюю стужу. Было уже сумеречно, и я безвольно побрелъ домой.

Когда стучался я въ нашу дверь, душа моя казалась мнѣ пустой, какъ вычерпанный колодецъ, но въ домѣ ее тотчасъ наполнила строгая тишина и непобѣдимо повлекла меня въ знакомый кругъ и мыслей и чувствъ. Я почти тѣлесно ощущалъ, какъ съ лица моего сбѣгали выраженія, искажавшія его весь день, и какъ губы складывались въ ту тихую улыбку, которою я всегда встрѣчалъ глаза Ренаты. Съ сердцемъ, бьющимся тревогою, какъ въ первый разъ, отворилъ я дверь къ Ренатѣ и сразу, увидѣвъ ее въ привычномъ положеніи, у окна, прижавшую лицо къ его холоднымъ стеклянным кружочкамъ, кинулся къ ней и опустился передъ ней на колѣни.

Рената не сказала мнѣ ни слова о грубости, съ какой я оттолкнулъ ее утромъ, не упрекнула, что я не возвращался такъ долго, не захотѣла узнать, о чемъ мы говорили съ Генрихомъ, но только, какъ если бы все другое уже было ей извѣстно, спросила:

— Рупрехтъ, когда вашъ поединокъ?

Я, въ ту минуту не удивившись на этотъ вопросъ, отвѣтилъ просто:

— Не знаю, рѣшится завтра...

Рената не промолвила больше ни слова и опустила рѣсницы,

а я остался у ея ногъ, неподвижный, приложивъ голову къ подоконнику, поднявъ глаза на лицо сидящей, на любимыя, милыя, хотя неправильныя черты, съ каждой минутой опять и опять погружаясь въ ихъ очарованіе, словно уходя все въ глубь, все въ глубь бездоннаго омута. Я смотрѣлъ на эту женщину, которую еще вчера ласкалъ всѣми поцѣлуями счастливаго любовника и къ рукѣ которой сегодня я не смѣлъ прикоснуться благоговѣйными губами, и чувствовалъ, какъ отъ всего ея существа разливается магическая власть, замыкающая въ свой предѣлъ всѣ мои желанія. Какъ легкая мякина на вѣялкѣ, сѣроватымъ дымомъ отлетали и разсѣивались всѣ мятежныя думы и всѣ случайные соблазны дня, и опредѣленно падало на токъ души полное зерно моей любви и моей страсти. Не хотѣлось мнѣ думать ни о Генрихѣ, ни о себѣ; я былъ счастливъ, тихо касаясь рукою руки Реваты; я былъ счастливъ, что возвращалось когда-то бывшее, и что минуты проходятъ, проходятъ, проходятъ неслышно.

Такъ, въ безмолвіи, не смѣя нарушить его неосторожнымъ словомъ, могъ бы я остаться до утра и почелъ бы себя у дверей эдема, но вдругъ Рената подняла голову, коснулась рукою моихъ волосъ и промолвила нѣжно, какъ бы продолжая разговоръ:

— Милый Рупрехтъ, но ты не долженъ убивать его!

Вздрогнувъ, вырванный изъ очарованія, я спросилъ:

— Я не долженъ убивать графа Генриха?

Рената подтвердила свои слова:

— Да, да. Его нельзя убить. Онъ—свѣтлый, онъ—прекрасный, я его люблю! Я передъ нимъ виновата, — не онъ предо мною. Я была какъ лезвіе, перерѣзавшее всѣ его надежды. Надо передъ нимъ преклоняться, цѣловать его, ублажать его. Слышишь, Рупрехтъ? Если ты коснешься одного его волоса,—у него золотые волосы,—если ты уронишь одну каплю его крови, ты больше не услышишь обо мнѣ никогда, ничего!

Я всталъ съ колѣнъ, скрестилъ руки на груди и спросилъ:

— Зачѣмъ же ты, Рената, не сообразила всего этого раньше? Зачѣмъ же ты заставила меня играть смѣшную роль въ комедіи

съ поединкомъ? Можно ли быть легкомысленной въ вопросахъ о жизни и смерти?

У меня дыханіе прерывалось отъ волненія, а Рената возразила мнѣ рѣзко:

— Если ты вздумаешь бранить меня, я не стану слушать! Но я запрещаю тебѣ, слышишь ты, запрещаю касаться моего Генриха! Онъ — мой, и я для него хочу только счастія. Я не отдаю его тебѣ, я не отдамъ его никому въ мірѣ!..

Дѣлая послѣднюю попытку, я спросилъ:

— Такъ ты забыла, какъ онъ оскорблялъ тебя?

Рената воскликнула:

— Какъ было хорошо! Какъ было прекрасно! Онъ проклиналъ меня! Онъ хотѣлъ ударить меня! Пусть бы онъ топталъ меня! Онъ—милый! милый! Я люблю его!

Тогда я сказалъ тяжелымъ голосомъ:

— Я исполню все такъ, какъ ты хочешь, Рената. Но больше говорить намъ не о чемъ. Прощай!

Я ушелъ въ свою комнату, бросился на постель, и мнѣ казалось, что я загнанъ какъ звѣрь, котораго травятъ, въ кругъ изъ колючей изгороди, прорвать которую у меня нѣтъ силъ, и упалъ на землю, въ ожиданіи, пока охотники покончатъ со мною. Мнѣ хотѣлось или не быть, или проснуться отъ жизни, и я въ первый разъ начиналъ понимать, что такое искушеніе—поднять на себя руки. Думая о своей судьбѣ, я рѣшалъ, что не буду болѣе говорить съ Ренатою ни объ чемъ, а завтра выйду на поединокъ, опущу шпагу и буду счастливъ, ощущая чуждую сталь въ своей груди. И воображая свое тѣло простертымъ, все въ крови, на оснѣженной травѣ, испытывалъ я умиленіе передъ собою и нѣжную къ себѣ жалость, какъ дитя, которому читаютъ о мукахъ святыхъ.

Утромъ, однако, при трезвыхъ лучахъ солнца, нѣсколько успокоенный, я еще разъ обдумалъ свое положеніе, и захотѣлъ все-таки переговорить съ Ренатою основательно и безпощадно, ибо рѣшенія ея всегда были зыбки, какъ образы облака, и легко могли перемѣниться за ночь; но оказалось, что Рената, вставъ раньше меня, уже ушла изъ дому. Тогда пошелъ я къ

Матвѣю, чтобы предложить ему, при переговорахъ, выбрать условія менѣе тягостныя, такъ какъ, по какому-то врожденному чувству, продолжалъ заботиться о своей жизни, которая въ то же время казалась мнѣ ни на что не нужной; но и Матвѣя не пришлось мнѣ увидѣть. Тогда, какъ-то обезволенный, вернулся я домой и предоставилъ все тремъ пряхамъ, какъ человѣкъ, все равно приговоренный къ смерти, которому открывался только выборъ между топоромъ и висѣлицей.

Послѣ полудня пришелъ Матвѣй, и странно было появленіе здороваго, добродушнаго толстяка въ нашихъ комнатахъ унынія и отчаянья, страненъ былъ раскатистый, безпечный смѣхъ среди стѣнъ, привыкшихъ отражать звуки рыданій и вздоховъ. Привѣтствовалъ меня Матвѣй такими словами:

— Ага, братъ, напрасно прикидывался ты вчера причастницей. Я, вѣдь, узналъ, что ты не одинъ здѣсь. Только не бойся, я для друзей—рыба, молчу, потому что никто не безъ грѣха. Нехорошо только отъ пріятелей таиться! Я отбивать красотокъ не стану,—не таковскій.

Когда же я прервалъ рѣчь Матвѣя и попросилъ дать отчетъ о переговорахъ, онъ сказалъ:

— Все проѣхало, какъ корабль по маслу. Ужъ я друга не выдамъ, волкъ его не съѣстъ! Пришелъ отъ твоего графа щеголь, присѣдаетъ, какъ дѣвка, волосы завиты. Ну, да я отщелкалъ его! Другой разъ не будетъ похваляться своимъ рыцарствомъ передъ добрымъ бюргеромъ. А встрѣча ваша сегодня же, въ три часа, — что откладывать? — въ лѣсу, близъ Линденталя. Тамъ никто вамъ не помѣшаетъ, переломай всѣ кости молодчику!

Этотъ свой приговоръ выслушалъ я, не выказавъ никакихъ признаковъ волненія или недовольства; съ большой дѣловитостью условился съ Матвѣемъ о разныхъ подробностяхъ встрѣчи и попросилъ его зайти за мною, когда будетъ время. Проводивъ Матвѣя, я приказалъ Луизѣ подать мнѣ обѣдъ, такъ какъ не хотѣлъ, чтобы на исходъ дѣла повліяла слабость тѣла, и потомъ, доставъ свою длинную шпагу, сталъ упражнять руку, стараясь вернуть ей нужную гибкость. За этимъ занятіемъ и за-

стала меня Рената, появившаяся въ дверяхъ, вся закутанная въ плащъ, словно нѣкое привидѣніе, и вперившая въ меня вопрошающій и укоризненный взглядъ.

— Рупрехтъ,—сказала она,—ты вчера мнѣ поклялся!

Я отвѣтилъ:

— Я исполню мою клятву, Рената. Но что, если теперь графъ Генрихъ убьетъ меня?

Откинувъ голову назадъ, Рената произнесла твердо:

— Такъ что жъ?

Я поклонился церемонно, какъ кланяются два противника передъ началомъ поединка, вложилъ свою шпагу въ ножны и опять, какъ вчера, вышелъ изъ комнаты: ибо отречься отъ Ренаты у меня не было воли, а подпасть подъ ея вліяніе я не хотѣлъ.

Оставшееся время провелъ я въ томъ, что написалъ письмо матери, которой не давалъ извѣстій о себѣ во всѣ семь лѣтъ, со дня, какъ тайно покинулъ родительскій кровъ. Кратко разсказалъ я въ этомъ письмѣ свои приключенія, утаивъ, конечно, все, что свершилось по возвращеніи моемъ въ Европу, и просилъ прощенія за причиненныя въ жизни обиды и безпокойства. Далѣе не забылъ я написать и свое духовное завѣщаніе, обращенное къ Ренатѣ, въ которомъ я поручалъ ей, взявъ изъ остающихся у меня денегъ сумму, какую она найдетъ нужнымъ, все остальное переслать въ Лозгеймъ, моей семьѣ. Удивительнымъ образомъ, мои родные, отецъ, и мать, и братья, и сестры, о которыхъ я почти не помышлялъ, вдругъ представились мнѣ необыкновенно близкими, я отчетливо вспомнилъ ихъ лица, ихъ голоса, и неудержно захотѣлось мнѣ ихъ обнять, сказать имъ, что я не забылъ ихъ. Должно быть, угроза смерти размягчаетъ самый твердый духъ, какъ сильный жаръ металлы, ибо чувствовалъ я себя уже не какъ преслѣдуемый кабанъ, но какъ ребенокъ, которому не передъ кѣмъ выплакаться.

Въ половинѣ третьяго часа пришелъ за мною Матвѣй, все не унывающій, и сталъ дружески меня торопить, хотя мои сборы и сводились къ тому, чтобы надѣть теплый плащъ да привѣсить на поясъ шпагу. Передъ самымъ уходомъ предупредилъ я

Матвѣя, что есть у меня еще маленькое дѣло, и онъ лукаво подмигнулъ мнѣ, указывая на комнату Ренаты, къ которой, дѣйствительно, не могъ я не войти еще разъ. Въ третій разъ я сдѣлалъ попытку обратить ее вниманіе на себя, вырвать у нея, почти насильно, хотя бы одно сердечное слово, обращенное ко мнѣ, и, заставъ ее у аналоя, какъ будто молящейся, я ей сказалъ:

— Рената, я ухожу, пришелъ съ тобою проститься. Можетъ быть, мы не увидимся больше въ этой жизни...

Рената обратила ко мнѣ свое блѣдное лицо, и я приникъ къ нему взоромъ, чтобы выискать въ его чертахъ малѣйшую надежду, затаенную въ какой-нибудь складкѣ губъ, въ какой-нибудь морщинкѣ у глаза,—но выраженіе этого лица было какъ объявленіе казни для меня, и слова, которыя услышалъ я вторично, были неумолимы и безпощадны, какъ камень, который падаетъ безъ воли:

— Рупрехтъ, помни, ты мнѣ далъ клятву!

Впрочемъ, эта жестокость Ренаты скорѣе прибавила мнѣ силъ, чѣмъ потрясла меня, что, навѣрное, сдѣлала бы ея ласка, ибо почувствовалъ я, что мнѣ нечего терять дорогого, а, слѣдовательно, и нечего страшиться. Къ Матвѣю вернулся я съ лицомъ почти веселымъ, и, когда, вышедши, сѣли мы на лошадей, имъ припасенныхъ (ибо ѣхать было сравнительно далеко), я даже немало смѣялся надъ забавной фигурой, какую представлялъ конный профессоръ. Всю дорогу Матвѣй потѣшалъ меня шутками и остротами, которыми хотѣлъ онъ поддержать во мнѣ бодрость, и я сознательно заставлялъ себя принимать ихъ какъ можно ближе къ сердцу, чтобы не думать о томъ, о чемъ думать было страшно. Со стороны можно насъ было принять за двухъ купцовъ, сдѣлавшихъ выгодное дѣльце въ городѣ, выпившихъ хорошо и везущихъ подарки своимъ женамъ въ родное селеніе.

Совершивъ довольно длинный путь по трудной, мерзлой дорогѣ, различили мы, наконецъ, въ неясной дали рано убывающаго зимняго дня — отлогій косогоръ и двухъ всадниковъ, чернѣющихъ у опушки лѣса.

— Эге, да мы опоздали!—сказалъ Матвѣй:—господину рыцарю не терпится, пришелъ первымъ, не повезутъ ли послѣднимъ!

Приблизившись, мы молча поклонились нашимъ противникамъ, и я вновь увидѣлъ и графа Генриха, закутаннаго въ темный плащъ, и его соговарища, юношу, стройнаго, какъ дѣвушка, съ нѣжнымъ продолговатымъ лицомъ, въ беретѣ съ перомъ, похожаго на одинъ изъ портретовъ Ганса Гольбейна. Затѣмъ мы спѣшились, и въ то время, какъ мы двое, я и графъ Генрихъ, остались другъ противъ друга, наши товарищи отошли въ сторону для послѣднихъ условій. Генрихъ стоялъ передо мною недвижимо, полузакрывъ лицо, опираясь на эфесъ шпаги, весь словно отлитый изъ одного куска металла,—и я не могъ разгадать, спокоенъ онъ, негодуетъ или тяготится судьбою, какъ я.

Наконецъ, наши товарищи вернулись къ намъ, и Матвѣй, пожимая плечами и всячески давая понять, что онъ находитъ это излишнимъ, объявилъ мнѣ, что другъ графа, Люціанъ Штейнъ, намѣренъ предложить намъ примиреніе. Если должно быть правдивымъ, то, не боясь выставить себя трусомъ, я признаюсь, что при этой вѣсти мое сердце застучало отъ радости и представилось мнѣ, что этотъ франтъ, въ бархатномъ плащѣ,—посланецъ неба.

Но вотъ какова была рѣчь Люціана Штейна, обращенная ко мнѣ:

— Изъ вчерашнихъ переговоровъ, — сказалъ онъ,—выяснилось, что вы, почтенный господинъ, по происхожденію не изъ рыцарской семьи, и потому мой другъ, графъ Генрихъ, по чести, могъ бы пренебречь тѣми оскорбленіями, какими вы его осыпали, и не принять вашего вызова. Но, видя въ васъ человѣка воспитаннаго и образованнаго, онъ не отвѣчаетъ вамъ отказомъ и готовъ, съ оружіемъ въ рукахъ, доказать неосновательность вашихъ утвержденій. Однако, раньше, чѣмъ вступить въ поединокъ, считаетъ онъ нужнымъ вамъ предложить, чтобы, одумавшись, прекратили вы эту распрю миромъ. Ибо, помимо крайнихъ случаевъ, не долженъ человѣкъ, существо, созданное по образу и подобію Божіему, угрожать жизни другого человѣка. И если вы, почтенный господинъ, согласны признать, что вве-

дены были кѣмъ-то въ заблужденіе, раскаиваетесь и извиняетесь въ своихъ вчерашнихъ словахъ,—другъ мой охотно протянетъ вамъ руку.

Несмотря на заносчивость такихъ словъ, я, быть можетъ, не побоялся бы унизиться до извиненій, такъ какъ все же это была лучшая изъ дверей, остававшаяся мнѣ для выхода,—но первая половина рѣчи дѣлала это для меня невозможнымъ. Намекъ Люціана на то, что вчера я лживо назвалъ себя рыцаремъ, заставилъ всю кровь прилить къ моему лицу, и я готовъ былъ тутъ же ударить говорившаго, жизнь котораго не была запрещена мнѣ и которому могъ я, съ полной свободой, показать силу своей нерыцарской руки. И, еще въ этомъ волненіи, не дававшемъ мнѣ, какъ высокія морскія волны, ясно видѣть цѣли на берегу, я отвѣтилъ:

— Я не отказываюсь ни отъ одного изъ своихъ словъ. Я повторяю, что графъ Генрихъ фонъ-Оттергеймъ—обманщикъ, лицемѣръ и человѣкъ нечестный. И да разсудитъ насъ Богъ!

Матвѣй при моемъ отвѣтѣ вздохнулъ облегченно, какъ переводящій дыханіе быкъ, а Люціанъ, отвернувшись, отошелъ къ Генриху.

Мы сбросили плащи и обнажили шпаги, между тѣмъ какъ товарищи наши начертили на землѣ, чуть-чуть бѣлой отъ изморози, кругъ, изъ котораго мы не должны были выступать. Я всматривался въ лицо Генриха, видѣлъ, что оно сосредоточенно и мужественно, словно теперь сквозь ангельскія его черты проглядывалъ земной человѣкъ, и соображалъ, что такимъ бывалъ онъ въ часы, когда, какъ мужчина, отвѣчалъ на ласки Рената. Потомъ, обмѣниваясь съ нимъ обычнымъ поклономъ, обратилъ я вниманіе на то, что онъ гибокъ, какъ мальчикъ, что всѣ его движенія, безъ заботы объ томъ, красивы, какъ у античной статуи, и вспоминалъ слова восторга, которыми мнѣ описывала его Рената. Но едва наши клинки скрестились, едва сталь звякнула о сталь, во мнѣ вздрогнула и пробудилась душа воина: я сразу забылъ все, кромѣ боя, и вся жизнь моя сосредоточилась въ узкомъ промежуткѣ между мною и моимъ противникомъ, и въ тѣхъ недолгихъ минутахъ, какія могло длиться наше состязаніе.

Всѣ подробности борьбы, бѣглыя, мгновенныя,—усиліе удара, быстрота прикрытія, степень упругости встрѣчнаго лезвія,—вдругъ сдѣлались событіями, включавшими въ себя столько смысла, какъ цѣлый прожитый годъ.

Я зналъ, что не нарушу данной Ренатѣ клятвы, ибо сковывала она мою волю почти сверхъестественной силой, но я надѣялся, что сумѣю и буду въ состояніи, не касаясь графа Генриха, выбить шпагу изъ его рукъ и тѣмъ покончить поединокъ, для себя съ честью. Однако, я очень скоро убѣдился, что совершенно неосновательно судилъ о фехтовальномъ искусствѣ своего соперника, ибо подъ своимъ клинкомъ обрѣлъ я шпагу твердую, быструю и ловкую. На всѣ мои ухищренія Генрихъ отвѣчалъ немедленно, съ непринужденностью мастера, и очень скоро перешелъ въ наступленіе, принудивъ меня со всѣмъ вниманіемъ отбивать его опасные выпады. Какъ бы связанный тѣмъ, что самъ я не желалъ наносить удара, парировалъ я удары противника съ затрудненіемъ, а остріе его шпаги каждый мигъ устремлялось на меня, и прямо, и сбоку, и снизу. Теряя надежду на удачный исходъ боя, терялъ я и самообладаніе: пальцы мои посинѣли отъ зимняго холода, шпага моя переставала мнѣ повиноваться; я видѣлъ передъ собою словно колесо крутящихся огненныхъ клинковъ и среди нихъ, тоже какъ бы огненное, лицо Генриха-Мадіэля. И вотъ уже стало казаться мнѣ, что глаза Генриха сіяютъ гдѣ-то въ высотѣ надо мною, что нашъ бой идетъ въ свободныхъ надземныхъ пространствахъ, что это не я отбиваю нападенія врага, но что темнаго духа Люцифера тѣснитъ съ надзвѣздной высоты свѣтлый архистратигъ Михаилъ и гонитъ его во мракъ преисподней...

И вдругъ, при одномъ моемъ невѣрномъ парадѣ, графъ Генрихъ съ силою отбросилъ мою шпагу, и я увидѣлъ блескъ вражескаго клинка у самой моей груди. Тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ почувствовалъ я тупой ударъ и толчокъ, какъ всегда при ранѣ холоднымъ оружіемъ; шпага у меня изъ рукъ выпала, быстро заволокло мой взоръ алое облако,—и я упалъ.

ГЛАВА IX.

Какъ мы прожили декабрь и праздникъ Рождества Христова.

Какъ я узналъ потомъ, ко мнѣ, простертому безъ памяти на холодной землѣ, поспѣшилъ на помощь не только Матвѣй, но и мой соперникъ и его пріятель. Графъ Генрихъ проявлялъ всѣ признаки крайняго отчаянья, горько упрекалъ себя, что принялъ вызовъ, и говорилъ, что, если я умру, не будетъ знать покоя всю жизнь. Перевязавъ мнѣ рану, всѣ трое устроили родъ носилокъ и рѣшили нести меня въ городъ пѣшкомъ, ибо опасались подвергнуть меня качкѣ на лошади по плохой дорогѣ. Я же не сознавалъ почти ничего изъ совершавшагося со мной, погруженный въ смутное безчувствіе, почти блаженное, прерываемое порою мучительной колющей болью, которая заставляла меня открывать глаза,—но, видя надъ собой синее небо, я думалъ почему-то, что плыву въ лодкѣ, и, успокаиваясь, опять опускалъ голову и душу въ бредъ.

Я совершенно не помню, какъ принесли меня домой и какъ меня встрѣтила Рената, но Матвѣй говорилъ мнѣ потомъ, что проявила она въ такихъ обстоятельствахъ мужество и распорядительность. Ближайшіе за тѣмъ дни, какъ то всегда бываетъ отъ воспаленія раны и потери крови, провелъ я также въ безпамятствѣ и даже не сумѣю пересказать здѣсь видѣнія своей горячки, ибо не соотвѣтствуютъ слова, созданныя для дѣлъ разума, призракамъ безумія. Знаю только, что, страннымъ обра-

зомъ, воспоминаніе о Ренатѣ ни въ какой мѣрѣ не примѣшивалось къ этому бреду: изъ памяти моей, словно губкой написанное мѣломъ на доскѣ, стерты были всѣ мучительныя событія послѣдняго времени, и я самъ себѣ представлялся тѣмъ, какимъ былъ въ годы моей жизни въ Новой Испаніи. Когда, въ рѣдкія минуты просвѣтлѣнія, видѣлъ я передъ собою заботливое лицо Ренаты, воображалъ я, что это—Анджелика, та крещеная индѣйская дѣвушка, съ которой я жилъ нѣкоторое время въ Чемпоаллѣ и съ которой, не безъ горечи, былъ долженъ разстаться послѣ ея неблаговидныхъ поступковъ. И потому, въ своемъ бреду, я всегда негодующе отталкивалъ руки Ренаты и гнѣвно говорилъ ей въ отвѣтъ на ея хлопоты: «Зачѣмъ ты здѣсь? Ступай прочь! Я не хочу, чтобы ты была со мною!»,—и Рената принимала это грубое обращеніе больного безропотно.

Поединокъ нашъ съ Генрихомъ произошелъ въ среду, и лишь въ субботу, въ часъ всенощной, въ первый разъ пришелъ я въ себя настолько, чтобы узнать и комнату, которая замыкала мнѣ кругозоръ, и дни, черезъ которые переводила меня жизнь, и, наконецъ, Ренату, въ ея розовой кофтѣ, съ бѣлыми и темно-синими украшеніями, въ томъ платьѣ, въ какомъ видѣлъ я ее въ первый день знакомства. Она, внимательно слѣдившая за моимъ лицомъ, вдругъ по моимъ глазамъ разгадала, что я очнулся и бросилась ко мнѣ въ порывѣ радости и надежды, съ крикомъ:

— Рупрехтъ! Рупрехтъ! Ты узналъ меня!

Сознаніе мое было еще очень неясно, словно туманная даль, въ которой мачты кажутся башнями, но я уже помнилъ, что бился на шпагахъ съ графомъ Генрихомъ и, пытаясь вздохнуть, явно ощущалъ мучительную боль во всей груди. Мнѣ пришло въ голову, что я умираю отъ раны и что этотъ проблескъ памяти—послѣдній, который часто знаменуетъ наступающій конецъ. И вотъ, по той причудливости человѣческой души, которая даетъ возможность преступнику шутить на плахѣ съ палачомъ, я постарался сказать Ренатѣ тѣ слова, которыя показались мнѣ наиболѣе красивыми при такомъ случаѣ, хотя исходили они вовсе не изъ сердца:

— Видишь, Рената, вотъ я умираю,—затѣмъ, чтобы остался живъ твой Генрихъ...

Рената съ плачемъ упала на колѣни передъ постелью, прижала мою руку къ губамъ и не сказала, а какъ бы сквозь нѣкую стѣну закричала мнѣ:

— Рупрехтъ, я люблю тебя! Развѣ же ты не знаешь, что я люблю тебя! Давно люблю! Одного тебя! Я не хочу, чтобы ты умеръ, не зная этого!

Признаніе Ренаты было послѣднимъ лучомъ, который еще запечатлѣлся на моемъ сознаніи, и потомъ оно опять погрузилось во мракъ, и на его поверхности, словно отблески незримаго костра, опять начали плясать красные дьяволы, размахивая широкими рукавами и переплетаясь длинными хвостами. Но мнѣ слышалось, что въ своей чудовищной пляскѣ они хоромъ продолжали слова Ренаты и пѣли, и кричали, и вопили надо мной: «Я люблю тебя, Рупрехтъ! давно люблю! тебя одного!» и сквозь лабиринтъ бреда, по его тяжкимъ лѣстницамъ и стремительнымъ проваламъ, я словно несъ эти драгоцѣнныя слова, тяжесть которыхъ, однако, сокрушала мнѣ плечи и грудь: «Я люблю тебя, Рупрехтъ!».

Вторично я очнулся на благовѣстъ къ воскресной обѣднѣ, и этотъ разъ, не смотря на слабость и боль въ ранѣ, почувствовалъ, что какая-то грань переступлена, что во мнѣ—жизнь, и я—въ жизни. Рената была подлѣ, и я глазами сдѣлалъ ей знакъ, что узнаю ее, что помню ея вчерашнія слова, что благодаренъ ей, что счастливъ, и она, понявъ меня, опять опустилась на полъ, на колѣни, и приникла ко мнѣ головой, какъ поникаютъ въ церквахъ на молитвѣ. Сознаніе, что я какъ бы возсталъ изъ могилы, ощущеніе нѣжныхъ рѣсницъ Ренаты на моей рукѣ, тихіе разсвѣтные лучи и слабо сквозь стекла проникающій благовѣстъ дѣлали мигъ несказаннымъ и неземнымъ, словно бы въ немъ намѣренно было соединено все для человѣка самое прекрасное и самое дорогое.

Съ этого дня началось мое выздоровленіе. Прикованный къ постели, почти не въ силахъ шевельнуться, съ изумленіемъ наблюдалъ я, какъ ловко и обстоятельно распоряжалась Рената

всѣмъ ходомъ домашней жизни, хлопоча около меня, заставляя исполнять свою волю Луцу, не позволяя посѣтителямъ докучать мнѣ. Посѣтители же гораздо чаще стучались въ нашу дверь, чѣмъ то можно было ожидать, потому что каждый день непремѣнно приходилъ ко мнѣ Матвѣй, нѣсколько пристыженный моей неудачей, но, конечно, не потерявшій своей здоровой бодрости и своего добродушнаго веселья, и почти столь же часто появлялся Люціанъ Штейнъ, настойчиво добивавшійся свѣдѣній о ходѣ моей болѣзни, чтобы сообщать о томъ графу Генриху. Наконецъ, тоже каждый день, входилъ ко мнѣ докторъ, приглашенный Матвѣемъ, человѣкъ въ черномъ плащѣ и съ круглой шляпой, педантъ и невѣжда, которому, менѣе чѣмъ всѣмъ другимъ, почитаю я себя обязаннымъ жизнью.

Будучи не совсѣмъ несвѣдущимъ въ медицинѣ и видавъ на практикѣ, въ Новой Испаніи, не мало ранъ, тотчасъ же, какъ только я получилъ способность разсуждать разумно, я приказалъ выбросить всѣ масленыя мази изъ разныхъ отвратительныхъ составовъ этого жреца Эскулапа и пользовалъ свою рану исключительно теплой водой, къ большой тревогѣ Ренаты и къ негодованію чернаго доктора. Я, однако, понимая, что вопросъ поставленъ о жизни и смерти, нашелъ въ себѣ уже достаточно воли, чтобы одѣть свое рѣшеніе въ панцырь, непроницаемый ни для угрозъ, ни для просьбъ, и послѣ, день за днемъ, указывалъ на удачу своего лѣченія, съ торжествомъ и врача и больного.

Когда же мы оставались съ Ренатою наединѣ, мы забывали о моей болѣзни, потому что ей хотѣлось только повторять, что она меня любитъ, а мнѣ было слишкомъ сладостно слушать эти признанія, отъ которыхъ мое сердце начинало биться такъ сильно, что я чувствовалъ боль въ ранѣ. Я спрашивалъ Ренату въ сотый и въ тысячный разъ: «Такъ ты меня любишь? Почему же ты мнѣ не говорила о томъ прежде?»—а она въ сотый и въ тысячный разъ отвѣчала:

— Я тебя давно люблю, Рупрехтъ. Какъ же не замѣчалъ ты того? Часто я тихо шептала тебѣ это слово: «люблю». Ты, не разслышавъ, переспрашивалъ, что я говорю, а я отвѣчала: «такъ, ничего». Я любовалась тобой, твоимъ лицомъ, суровымъ и стро-

гимъ, твоими бровями, сходящимися вмѣстѣ, твоей рѣшительной походкой, но когда тебѣ случалось поймать мой любовный взглядъ, я начинала тебѣ говорить о Генрихѣ. Сколько разъ ночью, если ты спалъ отдѣльно, я на цыпочкахъ прокрадывалась къ тебѣ въ комнату и цѣловала тебѣ руки, грудь, ноги, трепеща, какъ бы не разбудить тебя! Когда тебя не было дома, я тоже часто входила къ тебѣ и тоже цѣловала твои вещи, подушки, на которыхъ ты спалъ. Но развѣ же я смѣла признаться, что люблю тебя, послѣ всего, что говорила тебѣ о моей любви къ Генриху? Мнѣ казалось, ты станешь презирать меня, ты почтешь мою любовь ничего не стоющей, если я перебрасываю ее, какъ мячъ, отъ одного къ другому. Ахъ, но развѣ же я виновата, что ты побѣдилъ меня своей нѣжностью, своей преданностью, силой своей любви, неуклонной и могучей, какъ горный потокъ!

Я спрашивалъ Ренату:

— Однако, ты послала меня почти на вѣрную смерть? Ты мнѣ запретила касаться Генриха и приказала подставить грудь подъ его ударъ! Вѣдь очень недалеко было отъ того, чтобы онъ вонзилъ шпагу мнѣ прямо въ сердце!

Рената отвѣчала:

— Это было послѣднее испытаніе, судъ Божій. Помнишь, я молилась, когда ты уходилъ на поединокъ. Я спрашивала Бога, хочетъ ли Онъ, чтобы я любила тебя. Если была на то Его воля, Онъ могъ сохранить твою жизнь и подъ вражескимъ клинкомъ. И еще я хотѣла въ послѣдній разъ извѣдать твою любовь, смѣетъ ли она посмотрѣть—взоръ во взоръ—на смерть. А если бы ты погибъ, знай, въ тотъ же день я затворилась бы въ монастырской кельѣ, потому что дольше могла жить—только близъ тебя!

Не знаю, сколько было правды въ словахъ Ренаты; впрочемъ не допускаю, что разсказывала она все не такъ, какъ оно было, но какъ ей теперь представлялось прошлое; однако, тогда было мнѣ не до оцѣнки ея словъ, ибо едва доставало силъ, чтобы впитывать ихъ въ себя,—какъ изсохшій цвѣтокъ дождевую влагу. Я былъ подобенъ нищему, который въ теченіе долгихъ лѣтъ тщетно вымаливалъ у церковной паперти жалкіе гроши и передъ которымъ вдругъ раскрыли всѣ богатства лидійскаго Креза, пред-

лагая брать золото, алмазы и сапфиры горстями. Я, который выслушивалъ съ каменнымъ лицомъ самыя жестокія отповѣди Ренаты, не находилъ въ себѣ силы перенести ея нѣжность и часто уже не ея, а мои щеки были теперь смочены слезами.

Мучительную сладость нашей близости придавало то, что въ теченіе многихъ дней моя рана дѣлала невозможнымъ для насъ отдаться нашей страсти въ полной мѣрѣ. Первое время у меня едва доставало силъ, чтобы, приподнявъ голову, приблизить свои губы къ губамъ Ренаты, словно къ огненному углю, и, обезсиленный такимъ подвигомъ, я падалъ назадъ, на подушки, не дыша. Позднѣе, когда я уже могъ сидѣть на постели, Рената должна была съ кроткой настойчивостью удерживать меня отъ безумныхъ порывовъ, такъ какъ хотѣлось мнѣ, схвативъ ее въ руки, сжимать, и цѣловать, и ласкать, и заставить пережить всѣ содраганія любовнаго счастія. Но, дѣйствительно, при первой попыткѣ довѣриться вихрю страсти, силы мнѣ измѣняли, кровь выступала изъ-подъ перевязки, въ глазахъ у меня начинали вертѣться одноцвѣтные круги, въ ушахъ свистѣть однообразный вѣтеръ, мои руки опускались, и Рената, улыбаясь извиняюще, укладывала меня, какъ ребенка, въ постель и шептала мнѣ:

— Милый, милый! полно! Передъ нами еще вся жизнь! передъ нами еще вся жизнь!

Къ концу первой декабрьской недѣли я, наконецъ, оправился настолько, что могъ слабо бродить по комнатѣ, и, сидя въ большомъ креслѣ, исхудалой рукою перелистывать заброшенные нами томы магическихъ сочиненій. Вмѣстѣ съ моимъ выздоровленіемъ наша жизнь начала вновь вливаться въ прежнее русло, такъ какъ одинъ за другимъ исчезали наши посѣтители,—и Люціанъ Штейнъ, которому не о чемъ было больше справляться, и черный докторъ, которому я самъ указалъ дверь, и, наконецъ, вѣрный Матвѣй, который не очень ладилъ съ Ренатою. Вокругъ насъ двоихъ начала образовываться привычная намъ пустота, но насколько отличной казалась она мнѣ отъ той, въ которую я былъ погруженъ раньше! Можно было повѣрить, что надо мною новое небо и новыя звѣзды и что всѣ предметы кругомъ преобразились силою волшебства,—такъ не похоже было на

прошлое все то, что переживалъ я тогда, въ тѣхъ самыхъ стѣнахъ, которыя прежде тѣснили меня, какъ неотступный кошмаръ!

И теперь, вспоминая этотъ декабрь, которой прожили мы съ Ренатою, какъ новобрачные, я готовъ на колѣняхъ благодарить Творца, если свершилось все Его волею, за минуты, которыя могъ испытать. А въ тѣ дни только одна мысль настойчиво занимала и тревожила меня: что жизнь моя достигла своей вершины, за которой не можетъ не начаться новый спускъ въ глубину, что я, какъ Фаэтонъ, возница колесницы Солнца, вознесенъ къ зениту и не сдержавъ отцовскихъ коней, долженъ буду позорно рухнуть по крутому склону вновь на землю. Съ томительной поспѣшностью старался я всѣмъ существомъ впитать въ себя блаженство высоты, и изступленно говорилъ Ренатѣ, что самое благоразумное—было бы мнѣ умереть, чтобы счастливымъ и побѣдителемъ оставить эту жизнь, въ которой, несомнительно, еще ждали меня, не въ первый разъ, трагическія маски скорби и пораженія.

Но Рената на всѣ эти рѣчи отвѣчала мнѣ:

— Какъ ты не привыкъ къ счастію! Вѣрь мнѣ, милый, мы еще только въ его дверяхъ, не прошли и первой залы! Я вела тебя по подземеліямъ мукъ, а теперь поведу тебя по дворцу блаженства. Только оставайся со мной, только люби меня,—и мы оба будемъ восходить все выше и выше! Это я такъ напугала тебя, но я хочу, чтобы ты все забылъ, хочу за каждый мигъ страданія заплатить тебѣ цѣлыми днями радости, потому что ты своей любовью уже вознаградилъ меня за всю жизнь отчаянія и гибели!

Говоря это, Рената имѣла такой видъ, словно всю жизнь питалась счастіемъ, какъ райскія птицы воздухомъ.

И подобно тому, какъ не знала Рената предѣла въ проявленіяхъ своего отчаянія, не знала она предѣла и въ выраженіяхъ своей любви. Я вовсе не былъ новичкомъ въ плаваніи по океану страсти на галерѣ подъ флагомъ богини Венеры, но еще въ первый разъ встрѣчалъ я такую алчность чувства, для которой всѣ ласки казались слишкомъ слабыми, всѣ сближенія не достаточно тѣсными, всѣ радости не наполняющими мѣры желанія. При этомъ, какъ бы стремясь вознаградить меня за жестокость, съ

какой прежде она встрѣчала мою любовь, Рената теперь искала въ страсти униженій и покорности. Я долженъ былъ не мало сопротивляться, чтобы она не цѣловала мнѣ ногъ, какъ Магдалина Христу, и удерживать ее почти насиліемъ отъ многого такого, намекъ на что я не могу довѣрить и этой рукописи.

Около двухъ недѣль длился нашъ медовый мѣсяцъ, время, за которое ко мнѣ почти совсѣмъ вернулись силы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и присущій мнѣ трезвый взглядъ на вещи, который въ себѣ я цѣню болѣе всѣхъ иныхъ способностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ минуло и то напряженіе всѣхъ чувствъ, въ которомъ долгое время меня держали наши неопредѣленныя отношенія съ Ренатою, наши постоянные поиски чего-то, наше неотступное ожиданіе какого-то событія, и я началъ чувствовать себя такъ, словно въ душѣ моей спущенъ, наконецъ, давно натянутый лукъ и стрѣла вонзилась въ намѣченную цѣль. Разумѣется, даже въ начальные дни нашего неожиданнаго соединенія, которые Ренатѣ хотѣлось превратить въ оживший бредъ двухъ какъ бы безумныхъ, не терялъ я головы окончательно, и, сквозь всю изступленность нашихъ взаимныхъ клятвъ, любовныхъ признаній и ласкъ, въ непрерывной цѣпи смѣнявшихъ одна другую, — видѣлъ я, словно день за густыми ліанами, суровую дѣйствительность и не забывалъ ни на часъ, что—мы лишь пилигримы на волшебномъ островѣ. Но, когда существо мое насытилось, наконецъ, непривычными и имъ забытыми радостями, когда черный и огненный кошмаръ мучительныхъ мѣсяцевъ совсѣмъ былъ заслоненъ розоватымъ туманомъ настоящаго, не могъ я не подумать, здраво и отчетливо, и о нашемъ будущемъ.

Прежде всего побуждало меня къ этому сознаніе, что отъ денегъ, собранныхъ мною за океаномъ, осталось уже не больше половины, которая также таяла довольно быстро. Во-вторыхъ, помимо необходимости заботиться о заработкѣ, меня уже явно тяготило многомѣсячное бездѣйствіе, и я часто мечталъ о дѣлѣ и о трудѣ, какъ о самыхъ благородныхъ радостяхъ. Наконецъ, никогда не угасало во мнѣ убѣжденіе, къ которому въ зрѣлую пору жизни приходятъ всѣ мыслящіе люди, что одними личными удовольствіями не вычерпаешь жизни, какъ моря—куб-

ками веселаго пира. Правда, чтобы приступить къ работѣ, надо было окончательно устроить свою судьбу, но я твердо помнилъ, что Рената дала согласіе быть моей женой въ дни, когда скрывала любовь подъ маской суровости, и не могъ сомнѣваться, что она даетъ это согласіе теперь, когда открыла лицо.

Выбравъ подходящій часъ, я сказалъ Ренатѣ:

— Дорогая моя, изъ моихъ разсказовъ ты достаточно знаешь, что мы не можемъ безъ конца вести съ тобою такое безпечное существованіе, какъ теперь, и я долженъ непремѣнно приняться за какое-либо дѣло. Я предпочиталъ бы за то, о которомъ давно думаю: за торговлю съ язычниками въ Новой Испаніи. И вотъ сегодня, Рената, послѣ того, какъ ты дала мнѣ тысячи доказательствъ, что любишь меня, повторяю я тебѣ мою просьбу, которую раньше едва смѣлъ произнести: быть моей женой, ибо я хочу, чтобы моя подруга могла безъ смущенія смотрѣть въ глаза всѣмъ женщинамъ. Если и ты повторишь мнѣ свое «да», мы тотчасъ поѣдемъ съ тобою въ мой родной Лонгеймъ, и я увѣренъ, что мои родители не откажутъ намъ въ благословеніи,—иначе же мы обойдемся безъ него, ибо я давно уже собственными силами пробиваю себѣ путь въ дебряхъ жизни. И, какъ мужъ и жена, мы поплывемъ въ Новый Свѣтъ, чтобы тамъ осуществить тѣ годы свѣта и блаженства, о которыхъ пророчишь ты.

Къ моему удивленію, это мое предложеніе, которое и понынѣ представляется мнѣ естественнымъ и разумнымъ, произвело на Ренату самое дурное впечатлѣніе и сразу на ея лицо какъ бы упала тѣнь отъ какого-то мимовѣющаго крыла. Замѣчу кстати, что эта тѣнь почти всегда омрачала ея обликъ, когда заговаривалъ я о своихъ родителяхъ и о своемъ домѣ; сама же она никогда, ни даже въ минуты предѣльной близости двухъ страстно соединенныхъ, не говорила мнѣ ничего о своемъ отцѣ и матери или о своей родинѣ. Теперь же, нахмуривъ брови, она мнѣ отвѣтила такъ:

— Милый Рупрехтъ, я тебѣ обѣщала быть женой, если ты убьешь Генриха. Этого не случилось, можетъ быть, по моей винѣ, но я клятвой не связана. Такъ погодимъ говорить о будущемъ. Неужели ты не можешь принять счастіе безо всякой

посторонней мысли, взять его, какъ берутъ стаканъ вина, и выпить до дна? Когда необходимымъ станетъ заботиться о жизни, мы и будемъ заботиться, и, вѣрь мнѣ, ты найдешь во мнѣ помощницу мужественную. Теперь же я отдаю тебѣ всю мою любовь, и отъ тебя прошу только одного: пусть будутъ твои руки достаточно сильны, чтобы принять ее полностью!

Произнеся эту неожиданную и несправедливую отповѣдь, Рената приникла ко мнѣ съ нѣжностью и постаралась увлечь меня въ садъ ласкъ, но, конечно, она не разсѣяла тѣмъ моихъ сомнѣній, и, какъ это ни странно, тотъ разговоръ оказался явнымъ переломомъ въ ходѣ событій и тотъ день должно признать послѣднимъ днемъ нашего медоваго мѣсяца. Неудачу моего предложенія не могъ я не приписать какимъ-то тайнымъ причинамъ и страстное мое чувство къ Ренатѣ сразу потускнѣло, а на днѣ души стало собираться неопредѣленное недовольство, капля по каплѣ, словно новая колонна въ сталактитовой пещерѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, словно мыши изъ шапки фокусника, стали тогда, неожиданно, разбѣгаться по нашей жизни всякія недоразумѣнія, подъ часъ нелѣпыя и насъ недостойныя.

Тогда подошли праздники Святого Рождества Христова, и Рената, съ обычной прихотливостью своихъ рѣшеній, захотѣла непремѣнно провести ихъ весело и людно. Ей понадобились вдругъ знакомства, зрѣлища и разныя пѣсни, и я, вспоминая, съ какимъ вниманіемъ вникала, бывало, Рената въ латинскіе тексты, только недоумѣвалъ, видя, съ какой дѣтской наивностью стала она предаваться разнымъ уличнымъ удовольствіямъ.

Прежде всего, конечно, должны мы были посѣтить всѣ церковныя службы. Въ ночь подъ день Рождества въ церкви св. Цециліи любовались мы изображеніемъ святыхъ яслей, съ колѣнопреклоненными подлѣ царями, такъ живо напомнившимъ мнѣ дни дѣтства; не пропустили обѣдни въ день Іоанна Евангелиста, и въ день сорока тысячъ младенцевъ, и въ день обрѣзанія Господня; ходили по городу со всѣми церковными процессіями. Затѣмъ понравилось Ренатѣ принимать въ нашихъ комнатахъ дѣтей, приходившихъ славить Христа со сдѣланнымъ изъ дощечекъ вертепомъ, слушать ихъ пѣніе, говорить съ ними и угощать ихъ.

Далѣе водила меня Рената по всѣмъ балаганамъ, настроеннымъ вдоль по набережнымъ и на рынкѣ, въ которыхъ показывались разныя диковинки, и только смѣялась, когда я напоминалъ ей ея прежнія слова о несносности уличной толпы. И мы проводили цѣлые часы среди пьяныхъ и грубыхъ мужиковъ, наблюдая игроковъ на бандурахъ и волынкахъ, акробатовъ, ходившихъ на головѣ, фокусниковъ, достававшихъ живую змѣю изъ своей ноздри, шпагоглотателей и людей, пускавшихъ фонтаны изо рта, женщинъ съ бородами, ихневмоновъ, носороговъ, дромадеровъ и всякія рѣдкости, за которыя проѣзжіе люди умѣютъ собирать съ горожанъ ихъ трудовые гроши.

Наконецъ, неожиданно для меня появились въ нашемъ домѣ двѣ женщины, повидимому, изъ бюргерской семьи, которыхъ Рената назвала Катариной и Маргаритой и которыхъ мнѣ представила, какъ нашихъ сосѣдокъ и своихъ давнихъ знакомыхъ. Женщины показались мнѣ тупыми и неинтересными, и я никакъ не могъ понять, зачѣмъ нужны онѣ среди насъ, послѣ того, какъ мы такъ радовались, что вновь обрѣли наше одиночество. Проведя съ двумя посѣтительницами очень скучный часъ въ разговорѣ о сравнительныхъ достоинствахъ патеровъ разныхъ приходовъ, я послѣ сталъ довольно горько выговаривать Ренатѣ за такое знакомство, и это послужило поводомъ къ нашей первой ссорѣ. Рената отвѣтила мнѣ съ неожиданной горячностью, что не могу же я требовать, чтобы она не видала никого на свѣтѣ, и спросила, неужели, приглашая ее съ собою въ Новый Свѣтъ, намѣренъ я тамъ заточить ее въ четырехъ стѣнахъ. Я не побоялся указать Ренатѣ на всю неосновательность ея рѣчей, но она ничего не хотѣла слушать и, осыпавъ меня упреками, пригрозила тутъ же уйти изъ дому, какъ изъ тюрьмы.

Правда, обмѣнявшись, словно ударами шпаги, очень жестокими словами, мы черезъ нѣсколько минутъ оба увидѣли нелѣпость нашего спора и поспѣшили задуть огонь распри буйнымъ вѣтромъ клятвъ и признаній и залить его влагой поцѣлуевъ и ласкъ,— но подъ пепломъ остались живыя искры. Дня черезъ два послѣ этого происшествія Рената вдругъ объявила мнѣ, что въ послѣобѣденный часъ намѣрена итти къ нашей сосѣдкѣ

и что меня также ждутъ на это собраніе. Я съ негодованіемъ отвѣтилъ, что не хочу сохранять вздорнаго знакомства; когда же Рената, несмотря на то, принарядилась и ушла изъ дому, я, какъ бы въ отместку ей, пошелъ къ Матвѣю, къ которому порывался давно,—и то было въ первый разъ послѣ моей болѣзни, что мы разлучились съ Ренатою.

Матвѣй встрѣтилъ меня ворчливо, но добродушно, а Агнесса, которая, по всему судя, была теперь освѣдомлена о существованіи въ моей жизни Ренаты, — робко и недовѣрчиво. Я постарался пробить тотъ ледъ, которымъ затянулось наше дружество съ Агнессою, и долго занималъ ее разсказами о Новой Испаніи, которыми производилъ неизмѣнное впечатлѣніе на всѣхъ ново-знакомыхъ, еще разъ повѣствуя и о храмахъ майовъ, и о громадныхъ кактусахъ, и объ опасныхъ охотахъ на медвѣдей и унце. Разстались мы снова друзьями, и когда, вернувшись домой, услышалъ я отъ Ренаты лукавыя слова о какомъ-то юношѣ, сынѣ купца, проявлявшемъ къ ней особенное вниманіе въ домѣ сосѣдки, я поспѣшилъ съ своей стороны сообщить объ Агнессѣ, которая завлекла мое любопытство въ домѣ Матвѣя. Этотъ новый нашъ поединокъ, гдѣ клинки старались поразить ревность противника, кончился въ мою пользу, ибо Рената, сначала дѣлавшая видъ, что пренебрегаетъ моими признаніями, скоро перешла къ жалобнымъ упрекамъ, а потомъ не удержала и слезъ, такъ что я долженъ былъ, утѣшая ее, поклясться, что не чувствую никакого влеченія къ Агнессѣ, а она призналась мнѣ, что сынъ купца существуетъ только въ ея воображеніи.

Это не помѣшало, однако, чтобы черезъ немного дней Рената опять объявила мнѣ, что приняла какое-то приглашеніе сосѣдки, на что я отвѣтилъ новымъ посѣщеніемъ Матвѣя. А такъ какъ подобный турниръ имѣлъ и еще продолженія, то въ короткое время я, дѣйствительно, сдѣлался частымъ посѣтителемъ Виссмановъ и, оставляя Матвѣя его ученымъ книгамъ, сталъ проводить долгіе часы съ Агнессою. Мнѣ очень нравилось это созданіе, тихое и кроткое, дѣвушка, съ которой хорошо было говорить обо всемъ на свѣтѣ, ибо все для нея было ново и всему она вѣрила съ довѣрчивостью младенца. Въ собствен-

ной же ея головѣ бабушкины сказки были причудливо перемѣшаны съ университетской мудростью, которою сбивалъ ее съ толку братъ, и это приводило ее къ самымъ забавнымъ и несообразнымъ представленіямъ и соображеніямъ, которыми я любилъ тѣшить себя, какъ дѣти игрушками. Агнесса вполнѣ серьезно спрашивала меня, правда ли, что на лицѣ человѣка написано латинскими буквами Homo Dei, причемъ два глаза суть двѣ буквы O, носъ — буква M и т. под.; — что Іисусъ Христосъ былъ распятъ по самой серединѣ земли, ибо Іерусалимъ есть центръ міра, какъ сердце центръ тѣла; — что на землѣ ровно столько видовъ растеній, сколько звѣздъ на небѣ, ибо виды растеній возникаютъ отъ вліянія звѣзды на соединеніе стихій;—что изумрудъ присвоила себѣ Пресвятая Дѣва и что этотъ камень самъ собою разбивается въ дребезги, если при немъ совершится любовный грѣхъ,—и многое въ этомъ родѣ.

Я, впрочемъ, долженъ тутъ же со всею опредѣленностью заявить, что въ моихъ отношеніяхъ съ Агнессою не было ничего похожаго на начало любви, хотя, конечно, близость милой и юной дѣвушки была мнѣ сладостна, какъ-то дополняя страстность и опытность Ренаты. Но долженъ я также сознаться, что въ глубинѣ души въ тѣ дни, дѣйствительно, не находилъ въ себѣ ни той безусловной преданности, которая прежде отдавала меня безъ меча и безъ кольчуги въ руки Ренаты, ни той опьянительной страстности, которая держала меня въ своихъ цѣпяхъ изъ розъ въ дни нашего сближенія послѣ моей болѣзни. Наступило естественное паденіе той волны чувствъ, которая наростала долгіе мѣсяцы, вознесла до послѣдней высоты свой гребень въ наши медовые дни и разсыпалась безсильной пѣной. Моя страсть, потопомъ блаженства затопившая меня на двѣ недѣли, какъ бы отливомъ отхлынула потомъ отъ береговъ души, обнаживъ ея дно и оставивъ на пескѣ морскія звѣзды, ракушки и водоросли.

Я, если не сознаніемъ, то чутьемъ, зналъ, что наступитъ часъ и новаго прилива, и потому продолжалъ повторять Ренатѣ прежнія слова о любви и клясться, что вѣренъ ей, какъ бывало. Не разъ возобновлялъ я и просьбу — дать согласіе на нашъ бракъ и покинуть городъ Кельнъ, гдѣ мы пережили слишкомъ

много и гдѣ трудно намъ обновить жизнь. Но отъ зоркости Ренаты не могла укрыться перемѣна, произошедшая во мнѣ. Съ горечью спрашивала меня Рената, не потому ли я охладѣлъ къ ней, что она призналась въ своей страсти ко мнѣ и дала мнѣ доказательства ея пыла. На мою же просьбу отвѣчала мнѣ, что слишкомъ меня любитъ теперь и ни за что не хочетъ увидѣть равнодушнымъ и скучающимъ то лицо, на которомъ привыкла читать мученіе за себя и счастіе черезъ себя.

Въ эту пору обмелѣвшей любви, мы съ Ренатою то цѣлыми днями не видали другъ друга, то опять бросались одинъ на другого въ порывѣ вспыхнувшаго желанія, то падали въ провалы вражды и злобы. Въ часы ссоръ Рената иногда доходила до крайняго наступленія, то попрекала меня такимъ, о чемъ, можетъ быть, лучше было не вспоминать, то угрожала, что ночью перерѣжетъ мнѣ горло или подстережетъ на улицѣ и убьетъ Агнессу, то опять исходила слезами, падала на полъ и предавалась обо мнѣ такому же отчаянью, какъ когда-то о графѣ Генрихѣ. Напротивъ, въ дни примиренія воскресали всѣ восторги двухъ счастливыхъ любовниковъ: мы были вновь какъ Клеопатра и Антоній въ своемъ Египтѣ или какъ Тристанъ и прекрасная Изольда въ своей пещерѣ, и недавнія распри казались намъ смѣшными недоразумѣніями, какими-то продѣлками злобныхъ домовыхъ, тѣхъ, кого сама Рената назвала «маленькіе».

Нѣтъ спора, что эти постоянныя смѣны радости и томительности утомляли меня больше, чѣмъ прежнія мученія отвергаемой любви, и что моя тоска по жизни мирной и трудовой все возрастала, какъ медленно надвигающаяся буря. Но мы долго еще могли ждать первыхъ молній, потому что Рената все же сохраняла владычество надъ моей душой, которая послѣ недолгаго отлученія вновь тянулась къ ней, къ ея взгляду и ея поцѣлую, какъ подъ землею корень ко влагѣ. Однако, въ существѣ самой Ренаты было что-то, не допускавшее медленнаго хода событій, и, увлеченная новымъ, внутреннимъ переворотомъ на новый путь мыслей и чувствованій, она вдругъ повернула и всю нашу жизнь на другой галсъ.

ГЛАВА X.

Какъ Рената меня покинула.

Однажды вечеромъ, когда былъ я, по обыкновенію, у милой Агнессы, пришлось мнѣ возвращаться домой довольно поздно, такъ что пропуска у ночныхъ стражей я добивался маленькими подачками. Подойдя къ нашему дому, я различилъ въ сумракѣ, что кто-то сидитъ на порогѣ, какъ кошка, и скоро убѣдился, что это—Луиза. Она мнѣ бросилась навстрѣчу, и, не безъ простодушнаго ужаса, разсказала, что съ госпожею Ренатою приключилось сегодня нѣчто неожиданное и страшное, и что она, Луиза, боится, не было ли здѣсь вмѣшательства нечистой силы. Изъ подробнаго описанія я вскорѣ понялъ, что съ Ренатою произошелъ вновь тотъ припадокъ одержанія, какіе мнѣ уже приходилось видѣть, когда духъ, входя внутрь ея тѣла, жестоко мучилъ и оскорблялъ ее. Тутъ же припомнилъ я, что послѣдніе дни Рената была особенно грустна и безпокойна, къ чему, однако, я отнесся съ небреженіемъ легкомысленнымъ и недостойнымъ.

Въ ту минуту чувство мое было такое, словно кто-то укололъ меня въ сердце, и ключъ моей любви къ Ренатѣ вдругъ брызнулъ въ душѣ струею сильной и полной. Я поспѣшилъ наверхъ, уже воображая въ подробностяхъ, какъ буду просить у Ренаты прощенія, и цѣловать ея руки, и слушать ея отвѣтныя

ласковыя слова. Засталъ я Ренату въ постели, гдѣ она лежала обезсиленная, какъ всегда, припадкомъ до полусмерти, и лицо ея, слабо освѣщенное свѣчой, было какъ бѣлая восковая маска. Увидя меня, она не улыбнулась, не обрадовалась, не сдѣлала ни одного движенія, обличающаго волненіе.

Я сталъ на колѣни у постели и началъ говорить такъ:

— Рената, прости меня! Я это время велъ себя непростительно. Я жестоко виноватъ, что покинулъ тебя. Не знаю самъ, какъ и зачѣмъ я это сдѣлалъ. Но больше этого не будетъ, я тебѣ клянусь.

Рената остановила мою рѣчь и сказала мнѣ голосомъ тихимъ, но отчетливымъ и рѣшительнымъ:

— Рупрехтъ, это я должна говорить сейчасъ, а ты слушать. Сегодня совершилось со мною нѣчто столь важное, что я еще не могу обнять его разумомъ. Сегодня моя жизнь переломилась на-двое, и все, что ожидаетъ меня въ будущемъ, не будетъ похоже на то, что было въ прошедшемъ.

Послѣ такого торжественнаго экзордіума Рената, обративъ ко мнѣ блѣдное и серьезное лицо, разсказала мнѣ слѣдующее:

Послѣднюю недѣлю, когда я особенно мало обращалъ вниманія на Ренату, она сильно страдала отъ одиночества и цѣлые дни плакала, тщательно скрывая это отъ меня. Но, когда человѣкъ въ тоскѣ, онъ становится беззащитенъ предъ нападеніемъ враждебныхъ демоновъ, и давній врагъ Ренаты, преслѣдовавшій ее еще въ замкѣ графа Генриха, опять поборолъ ее, вошелъ въ нея и, пытая, повергъ на полъ. Однако, когда лежала она, простертая, почти не сознавая ничего,—внезапно возникло передъ ея глазами свѣтлое сіяніе и въ немъ выступилъ образъ огненнаго ангела, который не видала она съ самыхъ дней своего дѣтства. Рената узнала тотчасъ своего Мадіэля, ибо онъ былъ такимъ же, какъ прежде: лицо его блистало, глаза были голубые, какъ небо, волосы словно изъ золотыхъ нитокъ, одежда будто тканая изъ пламенной пряжи. Восторгъ несказанный охватилъ Ренату, подобно тому, какъ апостоловъ на горѣ Ѳаворѣ, въ часъ Преображенія Господня, но ликъ Мадіэля былъ строгъ, и, заговоривъ, онъ сказалъ такъ:

«Рената! Съ того самаго дня, какъ ты, поддавшись плотскимъ пожеланіямъ, хотѣла обманомъ и коварствомъ склонить меня къ страсти,—я покинулъ тебя, и всѣ раза, когда послѣ думала ты, что меня видишь, то не былъ я. И тотъ графъ Генрихъ, въ которомъ воображала ты узнать мое воплощеніе, былъ тебѣ посланъ никѣмъ другимъ, какъ Искусителемъ, чтобы совратить и умертвить твою душу окончательно. Въ кущахъ блаженства, передъ лицомъ Вседержителя, гдѣ витаютъ ангелы, не разъ лилъ я горестныя слезы, видя тебя погибающей и созерцая злобное торжество враговъ твоихъ и нашихъ. Не разъ возносилъ я, какъ дымъ кадильный, свою мольбу ко Всевышнему, да разрѣшитъ Онъ мнѣ положить тебѣ руку на плечо и удержать тебя надъ бездной, но всегда останавливалъ меня гласъ: «Надлежитъ ей преступить и эту ступень». Нынѣ мнѣ дано, наконецъ, открыть тебѣ всю истину, и узнай, что тяжки твои прегрѣшенія на вѣсахъ Справедливости и душа твоя наполовину уже погружена въ пламя адское. Не о вѣнцѣ святой Амаліи Лотарингской подобаетъ тебѣ мечтать теперь, но лишь о вѣнцѣ мученическомъ, кровью омывающемъ скверну преступленій. Сестра моя возлюбленная! ужаснись, покайся, молись неустанно Богу, и мнѣ позволено будетъ опять оберегать и укрѣплять тебя!»

Пока говорилъ Мадіэль, всѣ слова его открывались Ренатѣ въ яркихъ картинахъ. Такъ, видѣла она—то сады Рая, въ которыхъ ангелы поютъ славословія Творцу и взлетаютъ, какъ птицы, образуя своими сочетаніями мистическія буквы D, J, L; то ступени нѣкоей лѣстницы, изображающей ея земную жизнь, по которымъ ступала она среди змѣй, василисковъ, драконовъ и другихъ чудовищъ; то, наконецъ, себя самое, по-поясъ погруженную въ пламя Преисподней, и пляшущихъ кругомъ въ ликованіи дьяволовъ. Когда же Мадіэль кончилъ гнѣвную рѣчь, Рената была въ послѣднемъ отчаяньи и ей казалось, что дыханіе жизни ее покидаетъ. Тогда, видя свою подругу въ такомъ страшномъ положеніи, Мадіэль неожиданно измѣнился, лицо его приняло выраженіе кроткое и нѣжное, и весь онъ сталъ какъ добрый старшій братъ, какимъ бывалъ въ дни ихъ дѣтскихъ игръ; приблизившись, онъ наклонился къ помертвѣлой Ренатѣ и лас-

ково поцѣловалъ ее въ губы, овѣявъ ее сладостной и не жгучей огненностью. Съ крикомъ радости Рената хотѣла обнять его, но протянутыя ея руки встрѣтили только старую Луизу, которая прибѣжала на шумъ отъ ея паденія и на ея жалобный стонъ.

Это разсказала мнѣ Рената, оставивъ меня, какъ всегда, послѣ своихъ признаній, въ недоумѣніи: что изъ ея словъ дѣйствительность, что видѣніе ея бреда и что измышленіе ея ума, роковымъ образомъ склоннаго ко лжи. Въ тотъ день я позаботился только о томъ, чтобы успокоить больную, уговаривая ее не думать пока о свершившемся и пытаясь утѣшить ее обѣщаніемъ лучшихъ дней, когда я буду посвящать ей всѣ часы и минуты. Но Рената на мои рѣчи отрицательно качала головой или улыбалась мнѣ снисходительно, какъ улыбается мать ребенку, пытающемуся развеселить ея тоску своими игрушками. Убаюкиваемая моими ласковыми рѣчами, она, впрочемъ, скоро уснула сномъ утомленнаго и замученнаго, а я уснулъ близъ нея, какъ въ прежніе дни, когда мы еще не были близки.

Однако, въ ту же самую ночь могъ я убѣдиться, что не легкомысленно говорила Рената, будто вся жизнь ея преломилась надвое: на первой зарѣ Рената разбудила меня, и лицо ея было странно торжественнымъ, когда она попросила меня помочь ей встать и проводить къ ранней обѣднѣ. Я повиновался, невольно подчиненный строгостью ея голоса и тишиной утренняго часа, и Рената, поспѣшно одѣвшись, заставила меня отвести ее, хотя была такъ слаба, что едва могла ступать, въ церковь святой Цецили. Тамъ, упавъ на аналой, Рената, въ синеватомъ полумракѣ храма, молилась ненасытно и заливалась слезами до самаго конца службы, какъ послѣдняя грѣшница, ищущая отпущенія грѣховъ. И, глядя на ея ревность, началъ я понимать, что въ душѣ Ренаты произошла не мимолетная перемѣна, но свершился какой-то большой переворотъ, измѣнившій надолго всѣ ея мысли, чувствованія, пожеланія, словно перестроившій по новому плану все ея существо.

Дѣйствительно, отсюда началось для Ренаты, и для меня съ ней, совершенно новое существованіе, и порой мнѣ казалось,

что если и можно найти единство между всѣми ликами Ренаты, являвшимися мнѣ прежде, то новый ея образъ принадлежитъ вовсе другой женщинѣ. Не только Рената высказывала совсѣмъ иныя, чѣмъ прежде, сужденія, не только повела совсѣмъ новый образъ жизни, но я не узнавалъ самаго ея способа говорить, дѣйствовать, обращаться съ людьми, не узнавалъ самаго звука ея голоса, ея походки, пожалуй, и лица. Но тогда напоминалъ я себѣ, что разсказывала мнѣ Рената о своемъ дѣтствѣ, какъ проводила она ночи напролетъ въ молитвѣ, какъ выходила обнаженной на холодъ, какъ бичевала себя или терзала груди остріями; или еще тѣ слова, какія она сказала мнѣ на баркѣ, когда мы плыли съ нею къ городу Кельну: «Всѣмъ намъ, каждому, надо было бы ужаснуться и, какъ оленю отъ охотника, бѣжать въ монастырскую келью»,—и я понималъ, что все это уже было въ Ренатѣ и раньше, но лишь скрывалось—какъ тѣло подъ случайными одеждами.

Чтобы изобразить, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, эту послѣднюю пору нашей совмѣстной жизни съ Ренатою, долженъ я прежде всего сказать, что въ свое покаяніе внесла она ту же изступленность, какъ раньше въ скорбь, а потомъ въ страсть. Въ одинъ изъ первыхъ дней послѣ видѣнія захотѣла она пойти на исповѣдь, и, сколь я ни предостерегалъ ее отъ такого опаснаго поступка, дѣйствительно исполнила свое намѣреніе въ нашей приходской церкви. Не знаю, чистосердечно ли покаялась Рената предъ нашимъ патеромъ въ своихъ прегрѣшеніяхъ, изъ которыхъ меньшее, будь оно обнародовано, могло повести ее на костеръ вѣдьмъ,—но, вернувшись домой, умиленная и въ слезахъ, сообщила она мнѣ объ епитиміи, на нее наложенной. И съ того дня, выполняя ее, она не пропускала утра, чтобы не быть у мессы, каждый церковный звонъ встрѣчала молитвой, каждый вечеръ молилась у аналоя до изнеможенія, держала всѣ предписанные вѣрнымъ посты, въ среду, пятницу и субботу, а порою вскакивала и среди ночи, чтобы опять, ломая руки, рыдая, молить объ отпущеніи грѣховъ. Не довольствуясь указанными ей испытаніями, Рената жаждала всячески усилить свои подвиги, чтобы полнѣе выразить свое покая-

ніе, а, можетъ быть, чтобы скорѣе выпросить себѣ прощеніе. Не разъ я удерживалъ ее, когда она яростно билась головой объ полъ, не разъ подымалъ съ полу потерявшей сознаніе отъ усталости на молитвѣ, а однажды вырвалъ изъ ея рукъ кинжалъ, которымъ она уже начертила у себя на груди кровавый крестъ. Въ эти минуты у Ренаты всегда было лицо счастливое и дѣтское, и она упрашивала меня кротко:

— Рупрехтъ, оставь меня, мнѣ хорошо, мнѣ хорошо!

Ко мнѣ въ тѣ первые дни своего покаянія Рената относилась ровно и ласково, какъ сестры къ братьямъ въ бригиттіанскихъ монастыряхъ, не возражая мнѣ рѣзко, подчиняясь мнѣ въ маломъ, но во всемъ существенномъ твердо держась своего пути. Но, разумѣется, Рената отреклась отъ всякаго соблазна страсти, не позволяла мнѣ даже прикоснуться къ ней, и говорила теперь о земной любви съ той же холодностью, какъ какой-нибудь схоластикъ, вродѣ Винцента Бовэскаго.

Настойчиво убѣждала меня Рената присоединиться къ ея покаянію, упрашивая о томъ на колѣняхъ и со слезами, какъ добрая сестра, или заклиная съ угрозами, какъ проповѣдникъ, —но въ моей душѣ, куда бросилъ свои сѣмена Яковъ Вимфелингъ, эти призывы не могли найти отзвука. Всю мою жизнь твердо сохранялъ я въ глубинѣ сердца живую вѣру въ Творца, Промыслителя міра, въ Его благодать и въ искупительную жертву Христа Спасителя, однако, никогда не соглашался, чтобы истинная религія требовала внѣшнихъ проявленій. Если Господь Богъ далъ людямъ во владѣніе землю, гдѣ лишь борьбой и трудомъ можно выполнить свой долгъ, и гдѣ лишь страстныя чувства могутъ принести истинную радость,—не можетъ Его справедливость требовать, чтобы отказались мы отъ трудовъ, отъ борьбы и отъ страсти. Кромѣ того, примѣръ монаховъ, этихъ настоящихъ волковъ въ овечьихъ шкурахъ, которые давно уже стали широкой мишенью, продырявленной всѣми стрѣлами сатиры,—достаточно показываетъ, какъ мало приближаетъ къ святости жизнь праздная и тунеядная, хотя бы вблизи отъ алтаря, при каждодневныхъ мессахъ.

Впрочемъ, искренность и увлеченность, съ какими отдавалась

своему покаянію Рената, настолько оживили во мнѣ мое чувство къ ней, что я въ теченіе недѣли или даже дней десяти дѣлалъ видъ, будто испытываю то же, что она, такъ какъ мнѣ хотѣлось не отходить отъ нея, раздѣлять всѣ ея минуты. Вмѣстѣ съ Ренатою посѣщалъ я церкви; опять, прислонясь къ колоннѣ, слѣдилъ за ней, склоненной къ молитвеннику; слушалъ мѣрное пѣніе органа и воображалъ безнадежно, что это шумятъ вокругъ насъ мексиканскіе лѣса. Не отказывалъ я Ренатѣ и тогда, когда она звала меня молиться съ собой, ласково ставила близъ себя на колѣни и нѣжно просила, чтобы я повторялъ за нею слова псалмовъ и кантикъ. Отдавалъ я себя въ волю Ренаты и тогда, когда хотѣлось ей каяться во всемъ, ею въ жизни совершенномъ, когда, ставъ передо мной на колѣни, она цѣлые часы, заливаясь слезами, проклинала себя и свои поступки, разсказывала мнѣ о своемъ постыдномъ прошломъ, причемъ, какъ мнѣ кажется, находила особую сладость въ томъ, чтобы обвинять себя въ самыхъ черныхъ преступленіяхъ, въ которыхъ не была повинна, взводить на себя самыя стыдныя небылицы.

Въ этихъ разсказахъ свою жизнь съ графомъ Генрихомъ изображала она какъ сплошной ужасъ, ибо увѣряла теперь, что тайное общество, въ которомъ Генрихъ мечталъ стать гроссмейстеромъ, было обществомъ самыхъ низшихъ маговъ, служившихъ черную мессу и готовившихъ вѣдьмовское варево. По словамъ Ренаты, именно въ эти дни были ей указаны пути на шабашъ и тайны магіи, такъ что она только притворялась, будто постигаетъ ихъ вмѣстѣ со мной. Однако, и о нашей совмѣстной жизни тутъ же, съ неменьшимъ волненіемъ, разсказывала Рената такія вещи, которымъ я никакъ не могъ дать вѣры и которыя являли событія, лично мною пережитыя, словно отраженными въ изогнутомъ зеркалѣ. Такъ, завѣряла меня Рената, что передъ встрѣчей со мной не было у нея другого желанія, какъ затвориться въ монастырь. Но затѣмъ нѣкій голосъ, принадлежавшій, конечно, врагу человѣческому, сказалъ ей надъ ухомъ, что демоны отдадутъ ей Генриха, если она взамѣнъ поможетъ имъ уловить въ ихъ сѣти другую душу. Послѣ этого вся наша жизнь, будто бы, въ томъ лишь и состояла, что Рената, примѣняя ложь и лице-

мѣріе, старалась вовлечь меня въ смертные грѣхи, не останавливаясь ни передъ какими обманами. Если бы повѣрить Ренатѣ, то пришлось бы допустить, что роль стучащихъ духовъ играла она сама, чтобы заманить меня въ область демономантіи, что мои видѣнія на шабашѣ были ею мнѣ подсказаны, что Іоганнъ Вейеръ былъ правъ, увѣряя, будто это Рената разбила лампады при нашемъ магическомъ опытѣ, и подобное.

Между прочимъ, рѣшительно потребовала Рената, чтобы магическія сочиненія, все еще лежавшія на столѣ въ ея комнатѣ, были уничтожены или выброшены, и, сколько ни возражалъ я противъ такой незаслуженной казни книгамъ Агриппы Неттесгеймскаго, Петра Апонскаго, Роґерія Бакона, Ансельма Пармезанскаго и другихъ, но она оставалась непреклонной. Унеся груду томовъ, я спряталъ ихъ въ дальнемъ углу своей комнаты, ибо почиталъ святотатствомъ уподобляться папѣ, сжегшему Тита Ливія, и подымать руку на книги, какъ на лучшее сокровище человѣчества. Но, взамѣнъ исчезнувшихъ томовъ, на столѣ Ренаты скоро появились другіе, столь же тщательно переплетенные въ пергаментъ и съ неменѣе блестящими застежками, да, пожалуй, и содержаніемъ отличающіеся не болѣе, чѣмъ груша отъ яблока, ибо и они усердно трактовали о демонахъ и духахъ. А такъ какъ большинство тѣхъ новыхъ сочиненій, къ которымъ тянулась теперь жаждущая душа Ренаты, также было написано по-латыни, то пришлось мнѣ опять быть толмачомъ, и повторились для меня съ Ренатою часы общихъ занятій, когда, рядомъ за столомъ, склонясь къ страницамъ, вникали мы оба въ слова писателя.

Добывать книги приходилось, конечно, опять мнѣ, такъ что я возобновилъ свои посѣщенія Якова Глока и опять сталъ рудокопомъ въ его богатыхъ шахтахъ; но Рената рѣзко воспрещала мнѣ приносить сочиненія Мартина Лютера и всѣхъ его приспѣшниковъ и подражателей, я же ни за что не допустилъ бы на нашъ столъ ни одной книги «темныхъ людей», какого-нибудь Пфефферкорна или Гохсратена, такъ что, исключивъ всю современную литературу двухъ воинствующихъ становъ, должно было мнѣ ограничить свои выборы теологами прежняго

покроя, трактатами старой и новой схоластики. Впрочемъ, первое, что досталось намъ, была благородная и интересная книга Ѳомы Кемпійскаго «О подражаніи Христу», но тотчасъ послѣдовали разныя «Ручныя изложенія вѣры», «Enchiridion», изъ которыхъ было помѣчено: «eyn Handbuchlein eynem yetzlichen Christenfast nutzlich bey sich zuhaben», далѣе заманчивые по заглавіямъ, знаменитые, но своей славы не заслуживающіе трактаты, какъ «Die Himelstrass» Ланкранны или «О молитвѣ» Леандра Севильскаго, еще послѣ — житія святыхъ, какъ-то: Бернарда Клервосскаго, Норберта Магдебургскаго, Франциска Ассизскаго, Елизаветы Тюрингенской, Екатерины Сенской и другихъ, и, наконецъ, сочиненія двухъ солнцъ этой области,— два фоліанта, одинъ поменьше, другой несоразмѣрно громадный, за которые не пожалѣлъ я талеровъ, но въ которыхъ не далеко мы подвинулись: серафическаго доктора Іоганна Бонавентуры «Itineraruim mentis», мѣстами не лишенное увлекательности, и универсальнаго доктора Ѳомы Аквината «Summa Theologiae»,— книга совершенно мертвой и ожить не способной учености. Рената хваталась, какъ за якорь спасенія, то за одно, то за другое сочиненіе и торопила меня то переводить ей страницу житія, то истолковывать теологическій споръ, восхищаясь описываемыми чудесами, устрашаясь угрозамъ адскихъ мукъ и съ наивностью, ей несвойственной, принимая за истины всякія нелѣпыя измышленія схоластическихъ докторовъ.

Я не упомню сейчасъ всей суммы вздоровъ и несообразностей, какіе довелось намъ вычитать при этихъ нашихъ усердныхъ занятіяхъ, достойныхъ болѣе осмотрительнаго примѣненія, но я приведу здѣсь нѣсколько примѣровъ тѣхъ разсказовъ, которые съ особенной силой потрясали Ренату, вызывая на ея рѣсницы слезы. Такъ, съ истиннымъ ужасомъ читала Рената у Ѳомы Аквината описаніе Преисподней, болѣе точное, нежели у поэта Данте Алигіери, съ точнымъ означеніемъ, гдѣ будутъ находиться и какимъ мученіямъ подвергнутся различные грѣшники: праотцы, умершіе до пришествія Христа, дѣти, умершія до крещенія, тати, убійцы, блудники, богохульники. Съ соотвѣтственнымъ умиленіемъ слушала Рената перечисленіе числа ударовъ, какіе

были получены Спасителемъ послѣ преданія, причемъ оказывалось, что ударовъ бичомъ было 1,667, ударовъ рукой—800, особо заушеній—110; тутъ же сообщалось, что слезъ было Имъ пролито на Масличной горѣ 62,200, а капель кроваваго пота—97,307; что терновый вѣнецъ причинилъ пречистому челу 303 раны, что стоновъ было Имъ испущено 900 и т. д. Умилялъ Ренату разсказъ какъ явилась Екатеринѣ Сіенской Богоматерь, подвела ее къ своему Сыну, который и подалъ святой, въ знакъ обрученія, кольцо съ бриллiантомъ и четырьмя жемчужинами, подъ звуки арфы, на которой игралъ царь Давидъ; или, какъ святой Юттѣ, въ Тюрингіи, явился Самъ Христосъ, позволилъ ей прижать уста къ Своему прободенному ребру и сосать пречистую Свою кровь. Не менѣе серьезно принимала Рената повѣсти, будто изъ могилы святого Адальберта въ Богеміи, когда ее открылъ епископъ Пражскій, излилось столь укрѣпляющее благоуханіе, что всѣ присутствующіе три дня послѣ того не нуждались въ пищѣ, или будто въ одномъ женскомъ цистеріанскомъ монастырѣ, во Франціи, святость жизни была столь высока, что, съ Божьяго благословенія, дабы не вводить въ монастырь никого со стороны и все же продолжить его населеніе, каждая монахиня, не зная мужа, родила по дѣвочкѣ, которая должна была стать ея преемницей. Не знаю, всегда ли вѣра враждуетъ съ разсудкомъ, и правда ли, что занятія теологіей размягчаютъ мозгъ, но, глядя, какъ довѣрчиво слушаетъ эти исторіи Рената, которая въ другіе дни умѣла пользоваться логикой, могъ я только повторять слова святого Бернарда Клервосскаго: «всѣ грѣхи возникаютъ изъ грѣха невѣрія».

Что до меня, схоластическія бредни, какъ новинка, забавляли меня только первые дни, а такъ какъ сочиненія теологическія имѣютъ одну плохую особенность: всѣ они очень похожи одно на другое,—то скоро часы чтенія съ Ренатою сдѣлались для меня непріятной обязанностью. Точно также и чувство мое къ Ренатѣ, которое вдругъ ожило подъ вліяніемъ ея видѣнія, стало замирать снова, словно шаръ, который кто-то подтолкнулъ неожиданно, но который все равно не можетъ свободно катиться по каменистой дорожкѣ. И очень скоро монастырскій образъ жизни,

который ввела у насъ въ домѣ Рената, съ молитвами, колѣнопреклоненіями, воздыханіями и постами, началъ казаться мнѣ какимъ-то неумѣстнымъ маскарадомъ. Я началъ уклоняться отъ того, чтобы сопровождать Ренату въ церковь, уходилъ, подъ разными предлогами, изъ дому въ часы, когда могли бы мы приняться за чтеніе, рѣзко прерывалъ благочестивые разговоры, и ночью, слыша изъ комнаты Ренаты ея сдавленныя рыданія, не спѣшилъ къ ней. А потомъ насталъ и день, когда не могъ и не захотѣлъ я преодолѣть своего желанія: вернуться къ Агнессѣ, словно къ ясному воздуху надъ зелеными лугами, послѣ рдяныхъ и голубыхъ лучей, перекрещивающихся въ соборѣ сквозь расписныя стекла.

Этотъ день, чего я предвидѣть не могъ никакъ, если не опредѣлилъ, то предсказалъ всю нашу судьбу. Рената тогда съ утра была въ соборѣ, и я, прождавъ ее до полудня, вдругъ, почти неожиданно для самого себя, вышелъ на улицу, направился, не безъ смущенія, къ знакомому дому Виссмановъ и постучался въ дверь, какъ виноватый. Агнесса приняла меня съ неизмѣнной привѣтливостью и только сказала мнѣ:

— Вы такъ давно у насъ не были, господинъ Рупрехтъ, и я уже думала, что съ вами опять случилось что-либо нехорошее. Мнѣ братъ запретилъ разспрашивать васъ, говоря, что у васъ могутъ быть причины, которыхъ не должно знать честной дѣвушкѣ,—правда ли это?

Я возразилъ:

— Вашъ братъ пошутилъ надъ вами. Просто, въ моей жизни настали неудачные дни, и я не хотѣлъ васъ опечаливать грустнымъ лицомъ. Но сегодня стало мнѣ слишкомъ тяжело, я пришелъ къ вамъ помолчать и послушать вашъ голосъ.

Я, дѣйствительно, молчалъ почти все время, какое пробылъ съ Агнессою, а она, скоро освоившись со мною вновь, щебетала, какъ ласточка подъ кровлей, обо всѣхъ маленькихъ новостяхъ недавнихъ дней: о смерти собачки у сосѣдки, о смѣшномъ случаѣ за обѣдней въ воскресенье, о попойкѣ профессоровъ, какая была у ея брата недавно, о какомъ-то необыкновенномъ, отливающемъ въ три цвѣта шелкѣ, присланномъ ей изъ Франціи,

и о многомъ другомъ, заставлявшемъ меня улыбаться. Рѣчь Агнессы текла какъ ручеекъ въ лѣсу; ей говорить было легко, потому что всѣ впечатлѣнія жизни и всѣ сказанныя ею слова скользили сквозь нея, не задѣвая въ ней ничего, а мнѣ было легко ее слушать, потому что не надо было ни думать, ни быть внимательнымъ, можно было бросить поводья своей души, которыя такъ часто приходилось мнѣ натягивать. Опять, какъ всегда, ушелъ я отъ Агнессы освѣженный, словно легкимъ вѣтромъ съ моря, успокоенный, словно долгимъ созерцаніемъ желтой нивы съ синими васильками.

Дома я засталъ Ренату надъ книгами, тщательно разбирающей какую-то проповѣдь Бертольда Регенсбургскаго, написанную на трудномъ, устарѣломъ языкѣ. Строгое, сосредоточенное лицо Ренаты, ея спокойный холодный взглядъ, ея кроткій, сдержанный голосъ,—все это было такой противоположностью съ дѣтской безпечностью Агнессы, что сердце у меня словно кто-то ущемилъ клещами. И вотъ тогда-то вдругъ, съ крайней непобѣдимостью, захотѣлось мнѣ прежней Ренаты, недавней Ренаты, ея страстныхъ глазъ, ея изступленныхъ движеній, ея несдержанныхъ ласкъ, ея нѣжныхъ словъ,—и желаніе это было такъ остро, что я готовъ былъ заплатить всѣмъ, чтобы насытить его. Въ ту минуту, безъ колебанія, отдалъ бы я всю будущую жизнь за одно мгновеніе ласки, тѣмъ болѣе, что казалось оно мнѣ неосуществимымъ.

Я бросился къ Ренатѣ, я сталъ передъ ней на колѣни, какъ въ хорошее, давнее время, я началъ цѣловать ей руки и говорить о томъ, какъ безмѣрно ее люблю и какъ изнемогаю смертельно всѣ эти дни отъ ея суровой неприступности. Я говорилъ, что изъ чернаго Ада я вышелъ-было къ радужному Эдему, какъ Адамъ не сумѣлъ воспользоваться блаженствомъ, и вотъ стою у вратъ Рая, и стражъ съ пылающимъ мечомъ загораживаетъ мнѣ возвратъ,—что я согласенъ умереть сейчасъ же, если мнѣ еще одинъ разъ позволено будетъ вдохнуть запахъ эдемскихъ лилій. Я зналъ даже въ тотъ мигъ, что говорю неправду, что повторяю слова прошлаго, но ложь была той дорогой цѣной, за которую надѣялся я купить любовный взглядъ и ласковое

прикосновеніе Ренаты. Не останавливался я даже и передъ другими, еще болѣе недостойными средствами соблазна, стараясь отуманить сознаніе Ренаты, стараясь вновь пробудить въ ней чувственное влеченіе, такъ какъ мнѣ, во что бы то ни стало, нужна была ея страсть.

Не знаю, искусство ли моей рѣчи одержало верхъ, или во мнѣ самомъ тогда было слишкомъ много огня, который не могъ не перекинуться на существо Ренаты и не зажечь ее, или, наконецъ, въ ней самой вырвались наружу силы страсти, насильственно заваленныя камнями разсудка,—только въ тотъ вечеръ могла торжествовать богиня Любви и крылатый сынъ ея могъ опять задуть свой ночной факелъ. Съ такой пламенностью приникли мы другъ къ другу, съ такой нѣжной ожесточенностью искали поцѣлуевъ и объятій, словно то было первое соединеніе, и, въ опьяненіи счастіемъ, казалось мнѣ, что мы не въ нашей знакомой комнатѣ, а гдѣ-то въ пустынѣ, въ дикихъ скалахъ, въ гротѣ, и что молніи неба и нимфы лѣса привѣтствуютъ нашъ союзъ, какъ когда-то Энея и Дидоны:

fulsere ignes et conscius aether
Connubiis, summoque ulularunt vertice Nymphae.

И Рената, потерявъ строгій обликъ монахини, повторяла мнѣ слова ласки, которыя для меня были нѣжнѣе всѣхъ звуковъ віолы и флейтъ:

— Рупрехтъ! Рупрехтъ! Мнѣ больше ничего не надо, только ты люби меня; я не хочу ни блаженства, ни Рая, я хочу, чтобы ты былъ со мной, чтобы ты былъ мой, а я — твоя. Я люблю тебя, Рупрехтъ!

Но зато, когда миновалъ порывъ страсти, когда, словно изъ какого-то ничто, опять выступили кругомъ стѣны нашей комнаты и вся ея обстановка, и стали намъ видны и книги, разбросанныя по столу, и упавшій на полъ томъ проповѣдей Бертольда Регенсбургскаго, и мы двое, простертые въ утомленіи на смятой постели,—тотчасъ охватило Ренату отчаянье. Вскочивъ, кинулась она къ аналою, упала на колѣни, шепча молитву, но потомъ такъ же быстро поднялась, блѣдная, гнѣвная, и стала бросать въ меня упреки.

— Рупрехтъ! Рупрехтъ! Что ты сдѣлалъ! Я знаю, тебѣ только одно это и нужно! Я знаю, ты во мнѣ ничего другого не ищешь, не хочешь. Но зачѣмъ тогда я тебѣ? Иди въ публичный домъ,—тамъ ты за малыя деньги найдешь себѣ женщинъ. Предложи себя любой дѣвушкѣ, и ты получишь жену, которая будетъ тебѣ служить каждую ночь. Но тебѣ нравится искушать меня именно потому, что я отдала свою душу и свое тѣло Богу!

На это я возразилъ:

— Рената, будь милосердна и справедлива! Вспомни, я цѣлые мѣсяцы жилъ близъ тебя, не добиваясь твоихъ ласкъ, когда думалъ, что ты обручена другому, и не жаловался на твою безстрастность. Но какъ хочешь ты, чтобы я сносилъ ее спокойно, когда знаю, что ты меня любишь, когда чувствую близость твоей любви? Я не вѣрю, что Господу Богу неугодна ласка двухъ любящихъ, и ты еще нѣсколько минутъ назадъ говорила, что за нее готова отдать блаженство будущей жизни.

Но вмѣсто отвѣта Рената начала рыдать, какъ она всегда рыдала, то есть безудержно и безутѣшно, такъ что напрасно пытался я ее успокоить и утѣшить, прося у нея прощенія, обвиняя самого себя, обѣщая ей, что ничего, подобнаго этому дню, не повторится никогда. Не слушая меня, Рената плакала словно о чемъ-то погибшемъ безвозвратно, какъ могла бы плакать развѣ дѣвушка, нечестно обольщенная соблазнителемъ, или какъ, можетъ быть, плакала праматерь Ева, понявшая лицемѣріе Змія. Я же, видя эти слезы и эту тоску, самъ себѣ давалъ рѣшительныя клятвы, что никогда больше не поддамся искушенію, что лучше покину Ренату, нежели опять выставлю себя въ ея глазахъ человѣкомъ, ищущимъ грубыхъ наслажденій, такъ какъ не ихъ, а ласковыхъ глазъ и нѣжныхъ словъ жаждалъ я.

Однако, несмотря на эти обѣщанія данныя мною и Ренатѣ, и себѣ, тотъ день послужилъ образцомъ для многихъ другихъ, вылѣпленныхъ, хотя и изъ другой глины, но въ тѣхъ же формахъ, притомъ съ такой точностью, что во всѣхъ нихъ занимала свое мѣсто Агнесса. Обычно происходило все такъ, что я шелъ днемъ къ Агнессѣ, слушалъ ея тихія рѣчи, смотрѣлъ на ея льняныя косы, и съ душой успокоенной, какъ заштилѣвшее

море, возвращался къ Ренатѣ, по пути напоминая себѣ, что сегодня буду я владѣть собою строго. Дома большею частью начинали мы чтеніе какого-нибудь назидательнаго сочиненія, причемъ, преодолѣвая чувство скуки, старался я вникать въ разсужденія, любопытныя для Ренаты,—но понемногу близость ея тѣла увлекала меня, какъ нѣкій любовный фильтръ и, почти самъ не примѣчая того, я то приникалъ губами къ ея волосамъ, то тѣснѣе прижималъ ея руку къ своей. Вспоминая теперь эти минуты, думаю, что, можетъ быть, не всегда первый поводъ подавалъ я, но что одинаковое со мною чувство испытывала и Рената, которая также влеклась, противъ воли, къ страсти, или что было во всемъ этомъ вліяніе существъ, намъ враждебныхъ и незримыхъ. Во всякомъ случаѣ, безъ одного исключенія, всѣ наши чтенія, послѣ перваго нашего грѣхопаденія, стали завершаться одинаково: сначала изступленными ласками и взаимными клятвами, а потомъ отчаяньемъ Ренаты, ея слезами и жестокими укорами, и моимъ позднимъ раскаяньемъ. И число этихъ образовъ, сходныхъ другъ съ другомъ, какъ листья одного дерева, увеличивалось въ нашей памяти каждый день на одинъ.

Такъ наша жизнь, словно завиваясь суживающимися кольцами водоворота, замкнула, наконецъ, въ очень тѣсный кругъ то, что прежде она обнимала широкимъ обхватомъ. Первые мѣсяцы нашей жизни съ Ренатою были мы чуждыми другъ другу; затѣмъ въ теченіе двухъ недѣль, послѣ моего поединка съ графомъ Генрихомъ, напротивъ, близкими, какъ только могутъ быть близки люди. Въ слѣдующій періодъ жизни, длившійся до видѣнія Ренаты, эти смѣны враждебности и близости свершались въ теченіе нѣсколькихъ дней, и порою въ одну недѣлю успѣвали мы быть и лютыми врагами и страстными любовниками. Теперь такой же циклъ замкнулся въ краткое время двадцати-четырехъ часовъ. На протяженіи отъ утра до вечера успѣвали мы пройти всю высокую лѣстницу отъ братской близости черезъ дружескую довѣрчивость, къ самой пылкой, самозабвенной любви и дальше, къ отточенной, какъ кинжалъ, ненависти. Каждый день наши души, какъ клинки, то раскалялись до бѣлаго свѣта на горнѣ страсти, то вдругъ погружались въ ледяной холодъ, — и

легко можно было предвидѣть, что, не выдержавъ такихъ переходовъ, онѣ, наконецъ, сломаются.

Я чувствовалъ себя совершенно измученнымъ всей своей жизнью съ Ренатою и снова помышлялъ втайнѣ о томъ, чтобы покинуть ее и бѣжать въ другія страны, хотя въ то же время мысль лишиться ее и ея ласкъ была мнѣ такъ ужасна, что я просто боялся вообразить себя въ мірѣ опять одинокимъ. Въ то же время и Рената, въ часы нашихъ ссоръ, все чаще рѣшалась говорить мнѣ, что болѣе не можетъ оставаться со мной, что въ меня вселился Дьяволъ, искушающій ее, что ей лучше умереть отъ тоски по мнѣ, нежели совершать смертные грѣхи ради близости со мной, и что единое пристанище, гдѣ ей теперь мѣсто, — монастырь. Тогда я не придавалъ особаго значенія этимъ словамъ, но и мнѣ наша общая жизнь представлялась тогда комнатой, изъ которой нѣтъ выхода, въ которой всѣ двери мы замуровали сами и въ которой теперь мечемся безнадежно, ударяясь о каменныя стѣны.

Но катастрофа, разрушившая эти стѣны въ прахъ, вдругъ бросившая меня въ какія-то другія пропасти, на другіе острые камни, все же подошла незамѣтно, словно судьба подкралась въ маскѣ и на цыпочкахъ и схватила насъ обоихъ сзади.

Мнѣ памятенъ тотъ день, можетъ быть, больше всѣхъ иныхъ дней, и потому я знаю точно, что было то 14 февраля, въ воскресенье, въ день святого Валентина. Въ тотъ день меня особенно утѣшала ласковость Агнессы, причемъ при бесѣдѣ нашей присутствовалъ и Матвѣй, и мы втроемъ не мало шутили надъ обычаями и примѣтами, связанными съ этимъ днемъ. Возвращаясь домой, былъ я опять расположенъ добродушно и ласково и говорилъ себѣ: «Душа Ренаты изранена всѣмъ, что пережила она. Надо дать ей тихое успокоеніе, какъ больному даютъ лѣкарство. Кто знаетъ, быть можетъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ жизни ясной и мирной, и любовь ея, и покаяніе ея вольются въ ровное русло, — и для насъ съ ней станетъ возможною та счастливая и трудовая жизнь мужа и жены, о которой я уже перестаю мечтать».

Съ такими благими рѣшеніями вошелъ я къ Ренатѣ и по

обыкновенію засталъ ее среди книгъ, надъ латинскимъ фоліантомъ, въ смыслъ котораго она тщетно старалась вникнуть. Была она такъ заинтересована темнымъ для нея содержаніемъ книги, что не слышала, какъ я приблизился и, вздрогнувъ, обратила ко мнѣ ясные глаза свои, только когда я осторожно поцѣловалъ ее въ плечо.

Словно забывъ всѣ свои вчерашніе жестокіе упреки и жалобы, Рената сказала мнѣ привѣтливо:

— Рупрехтъ, какъ я тебя долго ждала сегодня! Помоги мнѣ, —я вижу, что эта книга очень важная, но понимаю очень плохо; здѣсь есть откровенія, которыя, если мы будемъ ихъ помнить, удержатъ насъ отъ многихъ золъ.

Я присѣлъ рядомъ съ Ренатою и увидѣлъ, что то была книга, недавно разысканная мною у Глока, такъ какъ она уже давно была распродана: прекрасный томъ, отпечатанный еще въ прошломъ вѣкѣ, въ городѣ Любекѣ, подъ заглавіемъ «Sanctae Brigittae Revelationes ex recensione cardinalis de Turrecremata». Книга была раскрыта на описаніи путешествія святой Бригитты Шведской по Чистилищу и тѣхъ родовъ мученій, какіе она тамъ наблюдала. Въ упоръ начали мы читать о какой-то грѣшной душѣ, голова которой была такъ крѣпко стянута тяжелой цѣпью, что глаза ея, вылѣзши изъ орбитъ, висѣли на своихъ корняхъ до самыхъ колѣнъ, а мозгъ лопнулъ и вытекалъ изъ ушей и изъ носу; далѣе изображались мученія другой души, у которой языкъ былъ вырванъ черезъ открытыя ноздри и свисалъ до зубовъ; еще далѣе слѣдовали иныя формы всевозможныхъ пытокъ, сдиранія кожи, исхищренныхъ бичеваній, терзаній огнемъ, кипящимъ масломъ, гвоздями и пилами.

Мнѣ не довелось прочесть въ этой книгѣ описанія мукъ въ самомъ Аду, но въ изображеніи Чистилища заинтересовала только сила необузданной фантазіи, много терявшая, впрочемъ, отъ дурного изложенія кардинала, не совсѣмъ твердаго въ латинской стилистикѣ. Зато на Ренату видѣнія святой Бригитты произвели впечатлѣніе потрясающее, и, оттолкнувъ страшную книгу, вся дрожа, она прижалась ко мнѣ, видимо, представляя себѣ загробныя мученія со всей ясностью от-

крывшагося взорамъ зрѣлища. Съ чувствомъ настоящаго ужаса, какъ ребенокъ, оставшійся одинъ въ темной комнатѣ, она воскликнула, наконецъ:

— Страшно! Страшно! И это грозитъ всѣмъ намъ, каждому, мнѣ и тебѣ! Пойдемъ, помолимся, Рупрехтъ, и да оставитъ намъ Богъ столько жизни, чтобы загладить всѣ грѣхи наши!

Въ эту минуту Рената, наивная и робкая, похожа была на маленькую деревенскую дѣвочку, которую пугаетъ заѣзжій монахъ, надѣясь съ ея помощью распродать побольше индульгенцій, и была она мнѣ мила и дорога несказанно. Я охотно послѣдовалъ за ней къ маленькому алтарю, бывшему въ ея комнатѣ, и мы стали на колѣни, повторяя святыя слова: Placare Christe servulis... Эта общая молитва, когда мы стояли рядомъ, какъ два изваянія въ церкви, и когда наши голоса смѣшивались, какъ запахъ двухъ рядомъ растущихъ цвѣтковъ, рѣшила нашу участь, потому что оба мы не одолѣли вновь желаній, вдругъ вставшихъ со дна нашей души, какъ встаетъ изъ корзины, на свистъ заклинателя,—его змѣя.

Я не хочу обвинять здѣсь въ этомъ послѣднемъ поступкѣ Ренату и не могу принять за него всей вины на себя, и пусть разсудитъ это въ свое время Тотъ, Кому принадлежитъ судить и разрѣшать, въ рукахъ Котораго вѣсы вѣрные и Кто не зритъ на лица. Но кто бы ни былъ изъ насъ виноватъ въ этомъ нашемъ послѣднемъ паденіи, во всякомъ случаѣ скорбь, которая поборола Ренату, едва миновало головокруженіе страсти, еще не имѣла въ прошломъ равнаго ничего. Рената съ такимъ изумленіемъ и съ такой дрожью отпрянула отъ меня, словно я завладѣлъ ею тайно, въ ея снѣ, или насиліемъ, какъ Тарквиній Лукреціей, и первыя два слова, произнесенныя ею, ударили меня бичомъ по сердцу сильнѣе, чѣмъ всѣ послѣдующія проклятія. Эти два слова, исполненныя безпредѣльной тоски, были:

— Рупрехтъ! опять!

Я схватилъ руки Ренаты, хотѣлъ цѣловать ихъ, заговорилъ торопливо:

— Рената! Клянусь Богомъ, клянусь спасеніемъ души, я не знаю самъ, какъ все это произошло! Это все—лишь оттого, что

я слишкомъ люблю тебя, оттого, что я согласенъ на всѣ мученія Бригитты, только бы цѣловать твои губы!

Но Рената высвободила свои пальцы, отбѣжала на середину комнаты, словно для того, чтобы быть отъ меня дальше, и закричала мнѣ внѣ себя:

— Лжешь! Лицемѣришь! Опять лжешь! Подлый! Подлый! Ты—Сатана! Въ тебѣ – Дьяволъ! Господи, Іисусъ Христосъ, охрани меня отъ этого человѣка!

Я попытался настичь Ренату, протягивалъ къ ней руки, повторялъ ей какія-то ненужныя извиненія и безплодныя клятвы, но она отстранялась отъ меня, крича мнѣ:

— Прочь отъ меня! Ты мнѣ ненавистенъ! Ты мнѣ противенъ. Это я въ безуміи говорила, что люблю тебя, въ безуміи и въ отчаяньи, такъ какъ мнѣ ничего не оставалось больше! Но я дрожала отъ отвращенія, когда ты обнималъ меня! Ненавижу тебя, проклятый!

Наконецъ, я сказалъ:

— Рената, почему ты обвиняешь меня одного, но не себя? Развѣ ты не одинаково виновата, поддаваясь моему соблазну, какъ я, уступая твоему? Вѣрнѣе, не Богъ ли виноватъ, сотворивъ людей слабыми и не давъ имъ силъ для борьбы съ грѣхомъ?

Въ эту минуту Рената остановилась, словно пораженная моими богохуленіями, дико стала оглядываться и, увидѣвъ лежащій на столѣ ножъ, схватила его, какъ оружіе избавленія.

— Вотъ, вотъ, гляди!—крикнула она мнѣ голосомъ хриплымъ. — Вотъ, какое средство завѣщалъ намъ Самъ Христосъ, если тѣло наше искушаетъ насъ!

Говоря такъ, Рената ударяла себя клинкомъ въ плечо, и кровь окрасила мѣсто раны, а черезъ мигъ потекла и изъ рукава ея платья. У меня тотчасъ мелькнула мысль, что этотъ порывъ—послѣдній, что за нимъ наступитъ упадокъ всѣхъ силъ, и я хотѣлъ подхватить Ренату въ руки, какъ падающую. Но, противъ ожиданія, рана только придала ей новой ярости, и, съ удвоеннымъ негодованіемъ, она оттолкнула меня, метнулась въ сторону и опять закричала мнѣ:

— Уйди! уйди! не хочу, чтобы ты ко мнѣ прикасался!

Потомъ, совершенно обезумѣвшая, а, можетъ быть, подпавшая подъ вліяніе злого духа, Рената съ размаха бросила въ меня ножомъ, который еще держала въ рукѣ, такъ что я едва успѣлъ уклониться отъ опаснаго удара. Тутъ же схватила она со стола тяжелыя книги и стала метать ихъ въ меня, какъ ядра изъ баллисты, а за ними и всѣ другіе мелкіе предметы, находившіеся въ комнатѣ.

Защищаясь, сколько было можно, отъ этого града, хотѣлъ я говорить и образумить Ренату, но ее каждое мое новое слово приводило въ большее раздраженіе, каждое мое движеніе возбуждало ее еще и еще. Я видѣлъ ея лицо, блѣдное, какъ никогда, и искаженное судорогами до неузнаваемости, я видѣлъ ея глаза, въ которыхъ зрачки расширились вдвое,—и весь ея обликъ, все ея тѣло, находившееся въ непрерывной дрожи, доказывали мнѣ, что не она владѣетъ собой, но кто-то иной распоряжается ея тѣломъ и ея волей. И вотъ въ ту минуту, слыша повторные крики Ренаты: «уйди! уйди!», видя, въ какую ярость приводитъ ее мое присутствіе, принялъ я рѣшеніе, можетъ быть, неосторожное, но за которое сегодня все же не смѣю упрекать себя: я рѣшился дѣйствительно уйти изъ дому, полагая, что безъ меня Рената скорѣе овладѣетъ собой и успокоится. Кромѣ того, не могъ я оставаться твердымъ, какъ марпезійская скала, слыша непрестанныя оскорбленія себѣ, и, хотя понималъ умомъ, что Рената за нихъ не отвѣтственна, однако, не безъ труда удерживалъ я себя, чтобы не крикнуть ей въ отвѣтъ и своихъ обвиненій.

Итакъ, я предпочелъ, повернувшись, быстро выйти изъ комнаты и слышалъ за собой неудержимый хохотъ Ренаты, словно бы она торжествовала долго-жданную побѣду. Приказавъ Луизѣ подняться на верхъ и ждать приказаній госпожи, я накинулъ плащъ и вышелъ на весенній воздухъ, въ сумерки подступавшаго вечера,—и такой странной показалась мнѣ узкая улица, и высокіе кельнскіе дома, и еще бѣлый мѣсяцъ надъ ними, послѣ сумасшедшаго дома, въ которомъ только-что слышалъ я вопли, скрежетъ и смѣхъ. Я шелъ впередъ, не думая ни о чемъ, только дыша всей грудью, только вбирая глазами темнѣю-

шую синь неба, и вдругъ самъ удивился, увидя себя у дверей дома Виссмановъ, куда меня какъ-то сами занели мои ноги. Я, конечно, не вошелъ къ нимъ вторично, но, перейдя на другую сторону улицы, заглянулъ въ окна, и мнѣ показалось, что я узналъ милый и нѣжный силуэтъ Агнессы. Успокоенный уже этимъ однимъ, а, можетъ быть, и всей прогулкой, я медленно направился домой.

Но у насъ засталъ я Луизу въ смятеніи, а комнату Реваты пустой, причемъ на полу валялись ея вещи, нѣкоторыя части одежды, какіе-то лоскуты, веревки, — и все обличало, что кто-то здѣсь поспѣшно готовился къ отъѣзду. Конечно, я догадался сразу, что произошло, и охватилъ меня крайній ужасъ, какъ неопытнаго мага, который втайнѣ заклиналъ демона явиться и вдругъ упалъ ницъ при его страшномъ появленіи. Въ волненіи началъ я разспрашивать Луизу, но она немногое могла объяснить мнѣ.

— Госпожа Рената, — такъ бормотала Луиза, — сказала мнѣ, что вы попрощались съ нею, и что она уѣзжаетъ на нѣсколько дней. Она приказала мнѣ помочь ей собрать ея вещи, но запретила за ней слѣдовать. Я же никогда не возражаю господамъ и дѣлаю все, какъ они прикажутъ. Вотъ только удивило меня, что у госпожи Реваты вся рука была въ крови, ну, да я ей рану перевязала чистымъ полотномъ.

Спорить съ глупой старухой или бранить ее было безполезно, и я, не отвѣчая на ея причитанія, побѣжалъ, съ непокрытой головой, на улицу. Мнѣ казалось, что Рената не могла уйти далеко, я надѣялся нагнать ее, упросить, умолить вернуться. Я толкалъ рѣдкихъ вечернихъ прохожихъ, я самъ натыкался на стѣны и безъ толку, съ сердцемъ, бьющимся, какъ молотъ кузнеца, пробѣгалъ улицу за улицей, пока не послышался звонъ уличныхъ цѣпей и не замелькали тамъ и сямъ во мракѣ переносные фонари. Тогда я понялъ безсмысленность своихъ поисковъ и вернулся къ себѣ, потрясенный и растерявшійся.

Хотя утѣшалъ я самъ себя соображеніемъ, что не успѣла, конечно, Рената выйти изъ города, прежде чѣмъ заперли ворота, однако, все же первая ночь, которую я провелъ безъ нея, была,

поистинѣ, страшной. Сначала я бросился въ свою постель и ждалъ мучительно, противъ всякаго вѣроятія, что вотъ раздастся стукъ въ дверь и вернется Рената,—встрѣчая каждый шорохъ, какъ надежду, какъ предзнаменованіе. Потомъ, вскочивъ, я сталъ на колѣни и началъ молиться съ тѣмъ же изступленіемъ, съ какимъ молилась сама Рената, заклиная Всевышняго вернуть мнѣ ее, вернуть во что бы то ни стало, какой бы цѣной то ни было. Я давалъ сотни обѣтовъ, исполнить которые клялся, если только Рената вернется: клялся заказать тысячу обѣденъ, клялся положить десять тысячъ земныхъ поклоновъ, клялся пойти пѣшкомъ ко Гробу Господню, соглашался отдать въ замѣнъ всѣ другія радости жизни, какія еще могли ожидать меня въ будущемъ,—самъ понималъ всю нелѣпость своихъ обѣтовъ и все же произносилъ ихъ, сжимая руки. Потомъ бросился я въ опустѣлую комнату Ренаты, гдѣ все еще было живо ею, ложился на ея постель, на ту простыню, къ которой она еще вчера прижимала свое тѣло, цѣловалъ ея подушки и грызъ ихъ зубами, воображалъ Ренату въ своихъ объятіяхъ, говорилъ ей всѣ страстныя, всѣ нѣжныя слова, которыя не успѣлъ сказать за дни нашей близости, и бился головой объ стѣну, чтобы чувствомъ боли вернуть себѣ сознаніе. Не знаю, какъ не потерялъ я разсудка въ ту ночь.

Настала заря, и я былъ уже на ногахъ, я уже искалъ Ренату по городу, уже стерегъ ее у городскихъ воротъ и на пристаняхъ, откуда отходятъ барки. Но я не нашелъ Ренаты нигдѣ, я не дождался ее дома,—она не вернулась ко мнѣ ни въ тотъ день, ни на слѣдующій, ни въ цѣлый рядъ другихъ дней,—она не вернулась въ ту свою комнату больше никогда.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

BINDING SLIP DEC 3 1905

PG
3453
B7
O3
1908a
ch.1

Briusov, Valerii Iakovlevich
Ognennyi angel

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY